Сюзанна Кларк

ДАМЫ из ГРЕЙС-АДЬЁ

и другие истории

Дамы из Грейс-Адьё и другие истории (сборник)

Сюзанна Кларк

Аннотация
Сюзанна Кларк. Дамы из Грейс-Адьё и другие истории (сборник)
Благодарности
Предисловие профессора Джеймса Сатерленда, руководителя Центра по изучению сидов Абердинского университета
Прощай-Милость, или Дамы из Грейс-Адьё
На Гиблом холме
Миссис Мабб
Как герцог Веллингтон потерял своего коня
Мистер Симонелли, или Эльф-вдовец
Том Ветер-в-Поле…, или Как был построен волшебный мост в Торсби
Гротески и аллегории
История о Джоне Аскглассе и углежоге из Камбрии
Примечания

Аннотация

От автора легендарного шедевра «Джонатан Стрендж и мистер Норрелл» – «Так мог бы выглядеть роман „Мастер и Маргарита“, если бы его написал Диккенс» (А. Генис); «Лучшая литературная сказка на английском языке за последние семьдесят лет» (Н. Гейман) – восемь историй о магической Англии, лежащей в шаге от Англии «обычной». Сюзанна Кларк рассказывает нам о разнообразных видах магии, оставшихся за страницами ее прославленного романа. Это и магия эльфов, и волшебство, подвластное мастерицам-вышивальщицам, и даже то, что сильнее колдовства и благодаря чему простой человек может победить сильнейшего из магов. «Такое ощущение, будто Джейн Остен взяла и переписала сказки братьев Гримм. Волшебно во всех смыслах!» *(Spectator)*

Переводы публикуются в новой редакции.

Сюзанна Кларк
Дамы из Грейс-Адьё и другие истории (сборник)

Susanna Clarke
THE LADIES OF GRACE ADIEU AND OTHER STORIES
Copyright © 2006 by Susanna Clarke
Illustrations copyright © Charles Vess
All rights reserved
This translation is published by arrangement with Bloomsbury Publishing Plc

© Е. Доброхотова-Майкова, примечания, 2017
© М. Клеветенко, перевод, 2017
© В. Кулагина-Ярцева, перевод, 2017
© Н. Парфенова, перевод, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

* * *

Такое ощущение, будто Джейн Остен взяла и переписала сказки братьев Гримм. Волшебно во всех смыслах!

Spectator

Мир волшебных английских сказок окружает нас с детства. Но только со временем мы начинаем обнаруживать, насколько он огромен. Вначале это «Робин-Бобин-Барабек», потом – истории о Робин Гуде и короле Артуре, дальше – «Хоббит» и «Нарния», еще дальше – «Властелин Колец», «Земноморье»… Пределы страны Фантазии раздвигаются до бесконечности. Роман Сюзанны Кларк «Джонатан Стрендж и мистер Норрелл» собрал в себе такое количество традиций истинно английского волшебства, совместив их с традициями собственно литературными, что этого могло бы хватить на создание целого мира. Да, строго говоря, Кларк и создала не роман, но мир.

Сборник «Дамы из Грейс-Адьё» примыкает к «Стренджу и Норреллу» не сюжетно, а, скорее, духовно. Действие заглавной новеллы, как и «Истории о Джоне Аскглассе и углежоге из Камбрии», происходит в той же магической Британии. Но, с другой стороны, персонажи рассказа «Как герцог Веллингтон потерял своего коня» обитают даже в «Звездной пыли» Нила Геймана. Кларк показывает общность своего творчества с самой Британией, с народами малыми и великими, ее населяющими, с ее деревьями, камнями, реками, с духами прошлого, таящимися в каждой расщелине. Они – соседи, живущие рядом. Они – плоть от плоти и кость от кости тех, кто живет в мирах реальном и вымышленном. И граница миров тонка.

Книжное обозрение

Эти восемь рассказов напоминают «Стренджа и Норрелла» тем, что волшебные создания меняют историю, сквозь XIX век просвечивает современность, и сами страницы книги буквально источают очарование.

Bookmarks Magazine

Сборник «Дамы из Грейс-Адьё и другие истории» посвящен разнообразным видам магии, оставшимся за страницами «Джонатана Стренджа и мистера Норрелла». Это и чародейство, которым пользовались современницы двух прославленных волшебников, и магия эльфов, и волшебство, подвластное мастерицам-вышивальщицам, и даже то, что сильнее колдовства и благодаря чему простой человек может победить сильнейшего из магов.

Мир фантастики

Только Сюзанна Кларк способна писать так уверенно – и в то же время так легко.

Daily Telegraph

Просто стопроцентное попадание. Всё как мы любим. «Дамы из Грейс-Адьё» – это сборник из восьми историй о всяческих колдовских силах, в стиле лучших преданий туманного Альбиона. Очень нравится этот восхитительный дух волшебных легенд, когда при прочтении не хочется отделять правду от вымысла. Когда само построение повествования заставляет тебя поверить, будто ты читаешь о том, что действительно когда-то имело место быть. Такого, что бы ходило на грани между мифом и реальностью, – очень мало и потому очень ценно.

Livelib.ru

Отказав сверхъестественному в специальном статусе, Кларк вплетает волшебство в ткань подлинной истории с ее реальными героями, вроде Веллингтона или Байрона.

Александр Генис (Иностранная литература)

О событиях начала XIX века автор имеет наглость рассказывать языком начала XIX века – языком Диккенса, языком Вальтера Скотта. Впрочем, наглость эта простительна: Сюзанна Кларк – прирожденный стилист; она пишет – ты веришь. Невозмутимая леди Кларк внушает читателю даже не то, что волшебство существует, но то, что оно так же банально и естественно, как, скажем, насморк, который читатель наверняка схватит, если промочит ноги.

Анна Старобинец (Гудок)

Только Кларк столь естественно удается вплести свою волшебную нить, свалянную из кошачьих шагов и голосов рыб, в масштабный и дотошный гобелен исторической реальности эпохи Регентства и литературного канона Диккенса и Джейн Остен.

Александр Гаррос (Эксперт Online)

Кларк пишет сдержанно и остроумно; ее стиль великолепен.

Entertainment Weekly

Затейливое переплетение исторической прозы с литературной сказкой понравится каждому, кто любит погрузиться в мир, созданный великолепным рассказчиком.

Denver Post

Вот писатель, который помнит, что сказочные персонажи вовсе не так безобидны, как предстают в пересказах для детей.

Village Voice

Точный и строгий стиль придает фантазии весомость, а тщательные исторические изыскания наделяют магические эпизоды пугающим реализмом.

People

Из смеси истории и воображения рождается вымышленный мир, который выглядит таким же реальным, как наш собственный.

San Francisco Chronicle

Благодарности

Эти рассказы не появились бы, если бы не следующие люди: Колин Гринленд и Джефф Райман (который заставил меня написать первый рассказ, хотя мне очень не хотелось), Нил Гейман, Патрик и Тереза Нильсен Хейден, Терри Уиндлинг, Эллен Датлоу и Чарльз Весс. Моя любовь и благодарность им всем.

Моим родителям Дженет и Стюарту Кларк

Предисловие профессора Джеймса Сатерленда, руководителя Центра по изучению сидов Абердинского университета

Я занялся составлением этого сборника, преследуя две весьма скромные цели. Во-первых, пролить свет на развитие магии Британских островов в разные исторические периоды. Во-вторых, поведать читателям, какими способами жители Страны Фей проникают в наш обыденный мир, или, другими словами, создать своего

рода учебник, знакомящий с Иными краями и их обитателями.

История, давшая название сборнику, «Прощай-Милость, или Дамы из Грейс-Адьё», относится к первой категории. Это беспристрастное описание тягот, выпавших на долю дам, которые практиковали чародейство в начале девятнадцатого столетия, когда их достижения не ставились ни во что коллегами-мужчинами (такими, как Гильберт Норрелл и Джонатан Стрендж). События, описываемые в повести, упомянуты в одном малоизвестном романе, опубликованном несколько лет назад. Если читателям довелось ознакомиться с «Джонатаном Стренджем и мистером Норреллом» (Блумсбери, Лондон, 2004), я отошлю их к примечанию к главе 43, где рассказывается, как Джонатан Стрендж не без труда выхлопотал своему шурину богатый приход в Нортгемптоншире вместо бедного в Глостершире. Из повести становится ясно, чем руководствовался Стрендж.

Рассказы «На Гиблом холме» и «Гротески и аллегории» повествуют о том, что для наших английских и шотландских предков встречи с обитателями Иных краев и волшебством были делом более обыденным, нежели в нынешние времена.

Повесть «Мистер Симонелли, или Эльф-вдовец» представляет собой отрывок из дневника Алессандро Симонелли. Бесспорно, в манере письма автора есть что-то крайне раздражающее. Высокомерие и заносчивость его племени (разумеется, я имею в виду англичан, и никого более) сквозит в каждой фразе. Составителю советовали подходить к этим дневникам с осторожностью. Симонелли впервые опубликовал их в середине двадцатых годов девятнадцатого века. Спустя двадцать лет он переработал и снова опубликовал свое творение, затем еще раз — в конце шестидесятых. На протяжении всего девятнадцатого и в начале двадцатого века дневники и воспоминания Симонелли постоянно переиздавались, в том числе в новых редакциях. И всякий раз автор переписывал свою историю в свете тех навязчивых идей, которые его обуревали, — будь то шумерская история, женское образование, совершенствование моральных принципов сидов{1} (эльфов), снабжение Библиями язычников или преимущества нового сорта мыла. Именно

{1} Сноски: 13

Сиды (от ирландского *Aes Sidhe* — люди холма) — в кельтской мифологии божественные существа, обитавшие под землей, в холмах и пещерах, иногда на чудесных островах в океане. Впоследствии они превратились в банши, фей, эльфов и других персонажей народных преданий.

поэтому я выбрал отрывок из первого издания, в котором описывается начало удивительной карьеры Симонелли. Остается надеяться, что хоть что-нибудь из написанного автором соответствует истине.

После Ватерлоо отношения между сидами (эльфами) и англичанами усиленно развивались. Британские государственные мужи и так и эдак обсуждали «эльфийский вопрос», но все сходились на его сугубой важности для национальных интересов. Однако если приведенные истории что и доказывают, так это совершенную неподготовленность рядового джентльмена девятнадцатого века к непредвиденной встрече с жителями Иных краев. Случай с герцогом Веллингтоном прекрасный тому пример. Следует отметить, что в сходных обстоятельствах дамы проявляли себя гораздо достойнее. Так, героиня повести «Миссис Мабб» Вениша Мур благодаря внутреннему чутью поняла обычаи Страны Фей много лучше, нежели умудренный опытом и летами герцог.

Повесть «Том Ветер-в-Поле, или Как был построен волшебный мост в Торсби» также представляет интерес для изучающих Страну Фей. Однако не вижу необходимости пересматривать свое суж-

дение о ней, которое высказал в 1999 году (и каковое, как мне думается, заслуживает более широкого внимания). Мое предисловие читатель обнаружит перед самой повестью.

Завершает сборник рассказ замечательного писателя Джона Уотербери, лорда Портисхеда. Читать его сочинения (за исключением периода с 1808 по 1816 год, когда лорд Портисхед был вынужден приноравливаться к Гильберту Норреллу), особенно пересказы старинных преданий о Короле-вороне, — истинное удовольствие. «История о Джоне Аскглассе и углежоге из Камбрии» создана в жанре, особенно любимом в Средние века, — сказок о том, как бедные и ничтожные посрамляют богатых и сильных. (В связи с этим мне вспоминаются рассказы о Робин Гуде или баллада «Король Джон и аббат»{2}.) В средневековой Северной Англии не было никого состоятельнее и могущественнее Джона Аскгласса. Немудрено, что в североанглийском фольклоре не счесть ис-

{2} Сноски: 14

«Король Джон и аббат» (в русском переводе С. Маршака «Король Джон и епископ» или «Король Джон и пастух») — старинная английская баллада, впервые вышедшая в лубочных листах между 1650 и 1690 гг. Король Джон (не исторический Иоанн Безземельный, а собирательный фольклорный образ короля), желая расправиться с аббатом Кентерберийским за «богатство и громкую славу», задает ему три вопроса, которые не могут разрешить ученые Оксфорда и Кембриджа, и лишь неграмотный пастух легко придумывает остроумные отгадки.

торий о том, как Джон Аскгласс проваливается в яму, избирает недостойный предмет для нежных чувств или в силу запутанных и малоправдоподобных обстоятельств вынужден варить овсянку для умаявшихся трактирщиц.

Как ни печально, но ныне, как и прежде, на нас со всех сторон обрушиваются потоки недостоверных сведений о Стране Фей и ее обитателях. Именно поэтому подобный сборник может стать для серьезного исследователя культуры сидов окном, сквозь которое проглядывает отблеск ее непростого и опасного очарования.

Джеймс Сатерленд,
Абердин, апрель 2006 г.

Прощай-Милость, или Дамы из Грейс-Адьё

ПРОЩАЙ-МИЛОСТЬ,
ИЛИ ДАМЫ
ИЗ ГРЕЙС-АДЬЁ

Помните, что магия идет не только от головы, но и от сердца, и все, что вы делаете, надлежит совершать с любовью, радостью или по зову праведного гнева.

Следуя этому правилу, мы видим, что магия есть нечто большее суммы выученных заклинаний. Она для нас – как полет для птиц, ибо приходит из неизведанных глубин нашего сердца. И тогда, творя магию, мы исполняемся радости, словно птицы, парящие в бескрайнем небе, и понимаем, что магия присуща человеку, как птицам присущ полет.

Это знание – дар, полученный нами от Короля-ворона, истинного правителя всех волшебников, стоящего между Англией и Страной Фей, между миром людей и диких созданий.

Из «Книги леди Екатерины Винчестерской» (1209–1267), перевод с латыни Джейн Тобиас (1775–1819)

По смерти миссис Филд супруг покойной, оглядевшись вокруг, обнаружил, что со времен его юности свет не оскудел хорошенькими юными дамами. Разорение мистеру Филду не грозило

ни в молодости, ни теперь, посему безутешный вдовец решил, что еще одна хорошенькая юная дама в его доме не помешает. Стоит заметить, что там уже проживала прелестная племянница мистера Филда мисс Кассандра Парбрингер, которая присматривала за хозяйством.

Мистер Филд считал, что не слишком изменился с тех пор, как ему минул двадцать один год. Племянница целиком разделяла его мнение. «Что в двадцать один, что в сорок девять, дорогой сэр, вы всегда были одинаково нудным», — бывало, размышляла Кассандра про себя.

Итак, мистер Филд женился во второй раз. Его избранница была остроумна, мила и всего на год старше Кассандры. (В оправдание юной дамы следует сказать, что она была бедна, и, не выйди она замуж за мистера Филда, ей пришлось бы стать школьной учительницей.) Новая миссис Филд и Кассандра быстро нашли общий язык и вскоре стали неразлучны. Увы, приходится заметить, что привязанность дам друг к другу намного превосходила их привязанность к мистеру Филду. Среди друзей миссис Филд и мисс Парбрингер числилась некая мисс Тобиас. Дамы часто прогуливались в окрестностях родной деревни Грейс-Адьё, иначе называемой Прощай-

Милость, что в Глостершире.

В свои двадцать Кассандра Парбрингер являла идеал женской прелести, к которому так неравнодушны многие джентльмены. Нежный румянец оттенял бледную кожу. Яркие голубые глаза гармонично сочетались с золотистыми локонами. В целом облик Кассандры навевал мысли о беззащитности и детской непосредственности. Мистер Филд, не отличавшийся особой наблюдательностью, верил, что за свежим личиком племянницы скрываются простодушие и женская покорность.

Виды Кассандры на замужество были несравненно лучше, чем некогда у ее подруги миссис Филд. Между собой жители Прощай-Милости давно решили, что Кассандра должна стать женой приходского священника мистера Генри Вудхоупа. Последний, судя по всему, находил эту мысль здравой.

— Кажется, вы нравитесь мистеру Вудхоупу, Кассандра, — как-то заметила миссис Филд.

— Разве?

— У мисс Парбрингер хватает ума держать мнение о мистере Вудхоупе при себе, — откликнулась мисс Тобиас.

— Вовсе нет, — возразила Кассандра, — ничего я не скрываю. Если вы возьмете мистера Филда и

несколько вытянете — так, чтобы он стал выше и стройнее, — то получите мистера Вудхоупа. Он моложе, а потому гораздо покладистее и сообразительнее. Однако, как ни крути, на поверку мистер Вудхоуп окажется тем же мистером Филдом.

— Почему тогда вы не отвергаете его ухаживаний? — поинтересовалась миссис Филд.

— Замуж выходить все равно придется, а у мистера Вудхоупа перед прочими претендентами есть одно важнейшее преимущество — он живет в Прощай-Милости. Приняв его предложение, я не покину мою дорогую миссис Филд.

— Неужто ваши мечты не идут дальше брака с мужчиной, подобным мистеру Филду? — вздохнула миссис Филд.

Кассандра задумалась.

— Мне всегда хотелось побывать в Йоркшире, — отвечала она. — Все равно что оказаться в романе госпожи Радклиф{3}.

— Нет там ничего особенного, — подала голос мисс Тобиас.

— Ах, мисс Тобиас, — воскликнула Кассандра, — что вы такое говорите! Где еще сохраняется магия,

---

{3} Сноски: 15

Радклиф, Анна (1764–1823) — английская писательница, автор готических романов.

если не в Йоркшире? «Дни пройдут, и пройдут года, меня вспоминайте, молю. Над диким полем в мерцании звезд, летящего вслед Королю!» Вот что такое Йоркшир!

— Со времен Короля-ворона столько воды утекло! Йоркширцы обзавелись шлагбаумами, дилижансами, газетами, платными библиотеками{4} и всем самым современным и заурядным!

— Вы меня огорчаете, — фыркнула Кассандра.

Мисс Тобиас служила гувернанткой в огромном старом доме, именуемом «Зимнее царство». Она приглядывала за двумя девочками. Их родители умерли, и жители Прощай-Милости любили судачить, что такой громадный мрачный дом с комнатами странных очертаний и причудливой резьбой — неподходящее место для сироток. Младшую из сестер и вправду одолевали непонятные страхи и страшные сны. Бедняжке казалось, что ее преследуют совы. Ничто в целом свете не страшило девочку сильнее. Кроме нее, сов никто и в глаза не видел, но кто знает? В древнем доме

{4} Сноски: 16

Платные библиотеки пользовались популярностью в Англии на протяжении XVIII и XIX вв.; книги стоили дорого, и те, у кого не было денег на покупку, брали их на время за относительно небольшую плату. В значительной мере эти библиотеки ориентировались на женщин из среднего класса, и основную часть литературы в них составляли модные романы. К началу XX в. их практически вытеснили бесплатные публичные библиотеки.

хватало щелей и отверстий и было предостаточно жирных грызунов, чтобы привлечь птиц. В деревне гувернантку не жаловали: слишком высокая, слишком начитанная и серьезная. Что самое удивительное, мисс Тобиас улыбалась только тогда, когда для этого находился повод. Впрочем, ее воспитанницы, мисс Урсула и мисс Флора, всегда хорошо себя вели и, кажется, души не чаяли в своей гувернантке.

В будущем девочкам предстояло стать богатыми наследницами, однако родственниками они были бедны как церковные мыши. Их единственным опекуном был кузен покойной матери. Сей джентльмен удосужился дважды навестить сироток и один раз прислал короткое письмо на Рождество. Однако капитан Уинбрайт носил красный мундир, посему мисс Урсула и мисс Флора все ему прощали и более всего на свете ценили его общество. Увы, приходится признать, что, несмотря на нежный возраст (девочкам к тому времени исполнилось восемь и четыре), они уже выказывали прискорбную слабость к военным, присущую их полу.

Говорили, что прадед девочек изучал магию. Мисс Тобиас часто пропадала в его библиотеке, но никто не знал, чем она там занимается. В по-

следнее время в старый дом зачастили подруги мисс Тобиас — миссис Филд и мисс Парбрингер. Считалось, что они навещают сироток, ибо дамы (как всем известно) равнодушны к волшебству. Другое дело волшебники — дамы (что также общеизвестно) их просто обожают. Чем еще можно объяснить то обстоятельство, что мистер Норрелл был нарасхват в модных лондонских гостиных? Человек знаменитый, наряду с несравненными магическими талантами, невзрачным лицом и способностью за весь вечер ни разу не раскрыть рта, а также его ученик мистер Стрендж, душа общества и почти красавец, — перед этими двумя были открыты все двери. Вероятно, именно поэтому в один из погожих сентябрьских дней, когда лето встречается с осенью, мисс Кассандра Парбрингер обратилась к мисс Тобиас с вопросом:

— Вы читали статью мистера Стренджа в «Обозрении»? Что скажете?

— Мистер Стрендж выразил свои мысли с присущей ему ясностью слога. Любой, даже незнакомый с теорией и практикой магии читатель легко его поймет. Как обычно, он остроумен и тонок. В общем, превосходный образчик стиля. Мистер Стрендж — человек со способностями.

— Слышу речь гувернантки.

— Вас это удивляет?

— Мне хотелось бы услышать мнение не гувернантки, а… впрочем, не важно. Что вы скажете о его идеях?

— Я их не разделяю.

— Вот это-то мне и хотелось услышать!

— Вместо того чтобы творить магию, современные волшебники тратят силы на то, чтобы ее умалить, — вступила в разговор миссис Филд. — Только и слышишь, что тот или иной род волшебства слишком опасен (что не мешало практиковать его в старину). То говорят, что описание утеряно, то что оно никогда не существовало. Что до обитателей Иных земель, то о них мистер Норрелл и мистер Стрендж, кажется, слыхом не слыхивали. А если они и допускают их существование, то вряд ли опустятся до разговоров с ними. Нас учат, что Король-ворон — не более чем порождение воспаленной фантазии средневековых чародеев!

— Мистер Стрендж и мистер Норрелл намерены сделать магию такой же банальной, как они сами, — заметила Кассандра. — Наши прославленные волшебники просто боятся, что рядом с великой магией Короля их собственная обнаружит свое ничтожество!

Миссис Филд рассмеялась:

— Вечно Кассандра придирается к мистеру Стренджу!

Закончив обличать великого Стренджа и еще более великого Норрелла, дамы естественным образом перешли к порочности мужского пола в целом. Откуда недалеко было до рассуждений о том, должна ли мисс Парбрингер выходить замуж за мистера Вудхоупа.

Тем временем мистер Стрендж (волшебник и второй феномен эпохи) сидел в библиотеке мистера Гильберта Норрелла (волшебника и первого феномена эпохи). Мистер Стрендж заявил, что ему необходимо покинуть Лондон на пару недель.

— Надеюсь, сэр, что мой отъезд не причинит вам больших неудобств. Статья для «Эдинбургского журнала»{5} готова, если только вам не захочется внести туда поправки, с чем, полагаю, вы превосходно справитесь сами.

{5} Сноски: 17

«Эдинбургский журнал» (точнее, *«Blackwood's Edinburgh Magazine»*, по имени основателя Уильяма Блэквуда) издавался с 1817 г., поддерживал тори. Отличаясь воинственным духом, соперничал с «Эдинбургским обозрением» (*«Edinburg Review»)*, которое поддерживало вигов (в тексте «Дам из Грейс-Адьё» «Обозрение» упоминается чуть ранее). *«Blackwood's Magazine»* также упомянут в предисловии к повести «Том Ветер-в-Поле, или Как был построен волшебный мост в Торсби».

Мистер Норрелл хмуро поинтересовался, куда это собрался мистер Стрендж. Весь Лондон знал, что старый волшебник — тихий, сдержанный маленький человечек — и полдня не мог прожить без молодого. И то сказать, мистер Норрелл с трудом выносил, когда мистер Стрендж беседовал с кем-нибудь, кроме него самого.

— Я еду в Глостершир, сэр. Обещал миссис Стрендж навестить ее брата, который служит священником в одном из тамошних приходов. Разве я не упоминал при вас о мистере Генри Вудхоупе?

На следующий день в деревушке Прощай-Милость зарядил дождь, поэтому мисс Тобиас пришлось остаться в «Зимнем царстве». Весь день она провела с девочками, обучая их латыни («Наш пол — не повод ею пренебрегать. Когда-нибудь латынь может вам пригодиться») и рассказывая истории о том, как Томас Дандейл оказался пленником в Стране Фей и стал первым человеком на службе у Короля-ворона.

Наутро развиднелось, и мисс Тобиас решила отлучиться на полчаса, чтобы нанести визит миссис Филд. Воспитанниц она оставила на попечение бонны. Оказалось, что мистер Филд уехал в Челтнем — случай редкий, ибо, как говаривала миссис

Филд, едва ли на свете есть другой такой домосед, как ее муж («Боюсь, мы сделали дом слишком для него уютным»). Поэтому мисс Тобиас задержалась в гостях подольше, не предполагая, что это может иметь дурные последствия.

На пути домой ей пришлось пересечь перекресток Грейс и Энджел-лейн, где стояла церковь, а напротив — дом приходского священника. Мисс Тобиас заметила, как элегантное ландо съезжает с дороги на аллею к дому. Она не узнала ни ландо, ни пассажиров, но удивилась, что экипажем твердой рукой правила дама. Рядом с самоуверенным видом — нога на ногу, руки в карманах — восседал джентльмен весьма примечательной наружности. «А он не так уж красив, — отметила мисс Тобиас, — нос слишком длинен. Впрочем, держится, словно писаный красавец».

Оказалось, что визиты на сегодня не закончились. Во дворе «Зимнего царства» стояла двуколка, запряженная парой резвых лошадок. Конюх Дэви обихаживал их под присмотром худого и неопрятного малого (очевидно, чей-то слуга, решила мисс Тобиас). Незнакомец привалился к стене, отделявшей огород, щурился на солнце и курил трубку. Когда мисс Тобиас проходила мимо, он задумчиво поскреб грязным

пальцем голую грудь под расстегнутой рубашкой и ухмыльнулся.

На памяти мисс Тобиас громадный вестибюль «Зимнего царства» всегда выглядел одинаково: тишина, тени и пылинки в косых солнечных лучах. Ныне все изменилось — в вестибюле эхом отдавались громкие голоса и звонкий смех. Мисс Тобиас отворила дверь в столовую. Стол был уставлен лучшим хрусталем и столовым серебром, но еда лежала на тарелках нетронутая. Дорожные сундуки и коробки бросили где попало. Женская и мужская одежда в беспорядке валялась на полу. Мужчина в красном мундире сидел в кресле, держа мисс Урсулу на коленях. Он подносил к ее губам бокал с вином, а когда девочка собиралась сделать глоток, отводил руку. Оба заливались смехом. Впрочем, по раскрасневшемуся лицу и возбуждению воспитанницы мисс Тобиас сделала вывод, что девочка уже отведала вина. Посреди учиненного разгрома в центре комнаты стоял другой военный (весьма привлекательной наружности) и весело смеялся. Младшая, мисс Флора, смотрела на всех огромными изумленными глазами. Мисс Тобиас подошла к ней и взяла девочку за руку. В глубине столовой юная дама сидела за фортепиано и отвратитель-

но наигрывала итальянскую песенку. Вероятно, она понимала, что ее игра никуда не годится, поэтому музицировала крайне неохотно: запиналась, вздыхала и совсем не выглядела довольной. Внезапно пианистка перестала играть.

Красавец в центре комнаты тут же обернулся к ней.

— Ну же, смелее, — прикрикнул он, — мы внимаем вам с наслаждением. Это так, — тут он подмигнул товарищу, — восхитительно! Мы решили обучить деревенским танцам моих маленьких кузин. Фред — лучший учитель на свете. Так что придется вам играть.

Дама неохотно продолжила.

В это мгновение мужчина, сидевший в кресле и, вероятно, носивший имя Фред, заметил мисс Тобиас. Он мило улыбнулся и извинился.

— Не тушуйся, Фред! — воскликнул красавец, стоявший посредине комнаты. — Мисс Тобиас нас простит, мы с ней давние приятели.

— Добрый вечер, капитан Уинбрайт, — поздоровалась мисс Тобиас.

В это время мистер и миссис Стрендж с удобством расположились в уютной гостиной мистера Вудхоупа. Миссис Стрендж уже успела осмотреть дом, поговорить с экономкой, кухаркой,

молочницей и служанками, а также конюхом, садовником и его помощником. Мистера Вудхоупа весьма интересовал женский взгляд на его домашний уклад. Он не позволил миссис Стрендж присесть, пока та не высказала одобрения дому, слугам и всему хозяйству. Будучи примерной сестрой, миссис Стрендж прилежно осмотрела владения брата, ободряюще улыбнулась слугам, постаравшись не слишком смутить их своими расспросами, и наконец объявила, что вполне довольна увиденным.

— Не сомневайся, Генри, — улыбнулась она, — мисс Парбрингер точно так же все понравится.

— Смотри, он покраснел. — Джонатан Стрендж поднял глаза от газеты. — Мы приехали только ради того, чтобы увидеть мисс Парбрингер, о которой ты так много писал.

— Правда? Надеюсь, мне удастся в скором времени пригласить миссис Филд с племянницей в гости.

— Незачем, — сказал Джонатан Стрендж. — Я купил подзорные трубы, и теперь нам ничего не стоит разглядеть из окна, как она ходит по деревне.

Стрендж действительно встал и подошел к окну.

— Генри, мне по душе твоя церковь, — обратился он к хозяину. — Эта низкая стена, что окружает и сжимает строения и деревья. Похоже на корабль. Задует сильный ветер, и церковь вместе с деревьями поднимется в воздух и перелетит куда-нибудь в другое место.

— Стрендж, — ответил Генри Вудхоуп, — ты, как всегда, говоришь глупости.

— Не обращай внимания, Генри, — сказала Арабелла Стрендж. — Он мыслит как волшебник, а они все немного сумасшедшие.

— За исключением Норрелла, — заметил Стрендж.

— Стрендж, прошу тебя как друга, забудь ты о магии хотя бы на время! У нас тут очень тихая деревушка.

— Дорогой мой Генри, — отвечал Стрендж, — я не уличный предсказатель в будке с желтой занавеской и не собираюсь торговать заклинаниями на вашем церковном дворе. Сегодня адмиралы, контр-адмиралы и министры его величества шлют мне учтивые письма, прося оказать услуги, и (что еще важнее) щедро их оплачивают. Сомневаюсь, что я по карману жителям Прощай-Милости.

— Что это за комната? — спросил капитан

Уинбрайт.

— Спальня старого мистера Эндервилда, сэр, — ответила мисс Тобиас.

— Волшебника?

— Волшебника.

— А где он запрятал свои сокровища, мисс Тобиас? Вы прожили в доме достаточно долго, чтобы все здесь перерыть. Наверняка тут во всех щелях распиханы соверены.

— Первый раз об этом слышу, сэр.

— Да ладно вам, мисс Тобиас! Зачем старикану понадобилась магия, если не ради поиска кладов? На что еще она годится? — Тут некая мысль встревожила капитана. — А они, случайно, не унаследовали семейные способности? Ну, дети. Хотя вряд ли. Женщины ничего не смыслят в магии.

— История знает двух женщин-волшебниц, сэр. Обе весьма почитаемы. Леди Екатерина Винчестерская, учившая Мартина Пейла, и дочь Грегори Авессалома Мария, которая более века была хозяйкой Призрачного дома.

Капитана нисколько не заинтересовали ее слова.

— Покажите мне другие комнаты, — попросил он.

Они миновали еще несколько гулких коридоров, которыми, как и многими помещениями древнего мрачного дома, давно уже безраздельно владели мыши и пауки.

— Мои кузины — здоровые девочки?

— Да, сэр.

Капитан замялся:

— Надеюсь, это ненадолго. На свете столько детских болезней, мисс Тобиас! Я и сам лет в шесть-семь чуть не умер от кори. Они болели корью?

— Нет, сэр.

— Вот видите! Наши предки знали толк в воспитании. Они не слишком привязывались к детям, пока те не переболеют всеми детскими хворями. Мудрое правило. Не позволяй себе слишком привязываться к детям.

Капитан поймал взгляд мисс Тобиас и покраснел, но тут же рассмеялся:

— Ну-ну, я пошутил! И не надо смотреть на меня так сурово. Ах, мисс Тобиас, я все понимаю. Вы слишком долго тянули на себе весь этот дом, заботясь о моих кузинах, моих маленьких богатеньких кузинах. Женщине трудно в одиночку нести столь тяжкое бремя. Ваши плечики не созданы для этого. Теперь у вас есть я и Фред. Он

тоже намерен стать их кузеном. Фред — большой любитель детей.

— А дама, капитан Уинбрайт? Она тоже останется в Прощай-Милости?

Капитан хитро прищурился. Его глаза сияли такой бесшабашной синевой, а улыбался он так искренне, что лишь женщина, обладающая хладнокровием мисс Тобиас, могла сдержаться и не ответить на улыбку.

— Только между нами, мисс Тобиас, один мой приятель-офицер дурно обошелся с этой дамой. Если бы не моя отзывчивость! При виде женских слез я размякаю и из меня можно вить веревки.

Несмотря на уверения капитана, когда они вернулись в столовую, созерцание женских слез (ибо юная дама плакала) подвигло его к грубости. Она тихо и как-то нерешительно позвала капитана. Он обернулся и прикрикнул на нее:

— Почему бы вам не вернуться в Брайтон? Нет ничего проще, сами знаете. Для вас это станет лучшим выходом…

— В Рейгейт, — тихо промолвила она.

Капитан бросил на нее раздраженный взгляд:

— Ну, или в Рейгейт…

У дамы было нежное робкое личико, большие темные глаза и вечно дрожащие губки в форме

розового бутона. Такой красоте свойственно быстро увядать при малейшем дуновении горя, а в последнее время несчастья явно преследовали бедняжку. Она напоминала мисс Тобиас выпотрошенную тряпичную куклу — вначале чистенькую и пригожую, жалкую и грязную в конце. Дама подняла глаза на мисс Тобиас.

— Если бы я знала… — остаток фразы потонул в слезах.

Мисс Тобиас некоторое время хранила молчание.

— Полагаю, — наконец промолвила она, — вас никто не неволил.

Тем же вечером мистер Филд снова заснул в кресле, что в последнее время случалось с ним все чаще. Происходило так. Слуга приносил миссис Филд записку. Пока жена ее читала, мистеру Филду начинало казаться, что (по его собственным словам) сон опутывает его, «словно паутина». Спустя несколько секунд (по его ощущениям) мистер Филд просыпался, и вечер продолжался в привычном русле. Кассандра и миссис Филд все так же сидели по другую сторону камина. На самом деле мистер Филд действительно проводил в компании дам весьма приятные вечера — именно так, как он любил. То, что все это бедному

недалекому джентльмену только снилось, нисколько не умаляло его удовольствия.

Вот и на сей раз, стоило мистеру Филду задремать, как миссис Филд и Кассандра заспешили по тропинке к «Зимнему царству».

В доме священника мистер Генри Вудхоуп и миссис Стрендж пожелали друг другу спокойной ночи, но мистер Стрендж остался в гостиной. Он углубился в «Жизнеописание Мартина Пейла» Таддеуса Хикмена. Стрендж успел дойти до двадцать шестой главы, в которой Хикмен рассуждает о некой теории, приписываемой Мартину Пейлу. Якобы в тяжелую минуту волшебник способен творить магию, которой никогда не учился и о которой слыхом не слыхивал.

— Нет, ну что за чушь! — с досадой воскликнул Стрендж.

— Спокойной ночи, Джонатан. — Арабелла поцеловала мужа в лоб прямо над насупленными бровями.

— Да-да, — пробормотал он, не поднимая глаз от страницы.

— А юная дама, — шепотом начала миссис Филд, — кто она?

Приподняв бровь, мисс Тобиас ответила:

— Она называет себя миссис Уинбрайт, впрочем, сам капитан с этим не согласен. По-моему, тут все ясно.

— А если что случится… ну, с детьми, — прошептала миссис Филд, — капитан Уинбрайт что-нибудь выиграет?

— Еще бы, он сразу разбогатеет. И неприятности, от которых он прячется, будь то долги или скандал, будут ему не страшны.

Три дамы вошли в детскую. Мисс Тобиас, закутавшись в шаль, уселась в темном уголке. В сумраке комнаты сияли две свечи, одна — у постели девочек, другая — на шатком столике у двери, чтобы никто не вошел незамеченным. Где-то в глубине дома, в конце длинных и мрачных коридоров, слышались мужской смех и пение.

Мисс Флора взволнованно спросила с кровати, нет ли в комнате сов.

Мисс Тобиас уверила воспитанницу, что никаких сов тут нет и в помине.

— Но ведь они могут появиться, — испуганно продолжила мисс Флора, — когда вы уйдете!

Мисс Тобиас отвечала, что они побудут еще немного.

— Если будете лежать смирно, мисс Парбрингер расскажет вам историю.

— Какую историю вы хотите услышать? — спросила Кассандра.

— О Короле-вороне, — отвечала мисс Урсула.

— Так и быть, — согласилась Кассандра.

И вот какую историю она рассказала:

«Когда Король-ворон еще не был королем, а был просто Вороненком, он жил в прекрасном доме с дядей и тетей. (На самом деле они были ему не родственники — просто добрый джентльмен и его жена, приютившие сироту.) Обычно дядя сидел в своей огромной библиотеке и читал магические книги. Однажды он позвал Вороненка и любезно поинтересовался его житьем. Вороненок отвечал, что всем доволен.

— Хм… ну хорошо, — сказал дядя Оберон, — но мне этого мало. Я твой опекун и защитник, человечье дитя, поэтому мне нужно убедиться. Покажи мне сны, которые ты видел прошлой ночью.

Вороненок извлек свои сны, а дядя расчистил для них стол. Там лежало множество занятных вещиц: учебники по ненатуральной истории, схема связей между мужским двуличием и женской прямотой (и как избавиться от первого и обрести второе), а также набор превосходных медных духовых в ящике красного дерева. Хитроумные

инструменты измеряли честолюбие и зависть, любовь и самопожертвование, преданность государству и цареубийственные замыслы, а также прочие пороки и добродетели, которые не худо знать за своими ближними. Все это дядя Оберон сложил на полу — он был не слишком аккуратен, и ему часто за это пеняли. Затем дядя Оберон развернул сны Вороненка на столе и пристально всмотрелся в них сквозь очки в тонкой оправе.

— Ого! — воскликнул дядя Оберон. — Я вижу сон о высокой черной башне в дремучем заснеженном лесу. Стены башни торчат, как обломанные зубы. Черные взъерошенные птицы кружат над башней, а ты заточен внутри. Человечье дитя, когда ты видел этот ужасный сон, неужели ты не боялся?

— Дядя, — отвечал Вороненок, — прошлой ночью мне снилась башня, в которой я родился. Птицы приносили мне воду, когда я был так мал, что не мог даже ползать. Чего же мне бояться?

Дядя Оберон всмотрелся в другой сон и вскрикнул:

— А этот сон о злобных блестящих глазах и щелкающих челюстях? Человечье дитя, когда ты видел этот ужасный сон, неужели ты не боялся?

— Нет, дядя, — отвечал Вороненок, — прошлой

ночью мне снились волки, которые вскормили меня и согревали своим теплом, когда я был так мал, что не мог даже ползать. Чего же мне бояться?

И снова дядя Оберон всмотрелся в сон Вороненка, вздрогнул и произнес:

— А вот сон о глубоком озере. Я вижу печальный дождливый закат. Зловещий молчаливый лес. По озеру скользит призрачная лодка. Лодочник стар и скручен, как древесный корень, лицо его в тени. Человечье дитя, когда ты видел этот ужасный сон, неужели ты не боялся?

И тогда Вороненок в гневе стукнул кулаком по столу и топнул ногой.

— Дядя Оберон! — вскричал он. — Ведь то была волшебная лодка и волшебный лодочник, которого вы с тетей Титанией сами за мной послали! Это он привез меня в ваш дом! Чего же мне бояться?

— Посмотрите-ка, — раздался третий голос, — а дитя гордится своей отвагой!

Говорил слуга дяди Оберона. До этого мгновения он изображал бюст мистера Вильяма Шекспира на высокой полке. Неожиданное появление слуги весьма удивило дядю Оберона, но не Вороненка, который никогда не забывал о его присутствии.

Слуга дяди Оберона взирал на Вороненка с

высокой полки, а Вороненок смотрел на него снизу вверх.

— На земле и на небесах многие желают тебе зла, — промолвил слуга дяди Оберона. — Огонь хочет поглотить тебя. Мечи жаждут вонзиться в твою плоть. Веревки мечтают связать тебя. Тысячи и тысячи страхов, о которых ты даже не подозреваешь. Год за годом злобные создания будут похищать твои сны, пока ты не забудешь о том, кто ты есть; люди, которые еще не родились на свет, будут проклинать тебя и замышлять недоброе. Пришло твое время бояться, человеческое дитя!

На это Вороненок отвечал:

— Робин Добрый Малый{6}, я всегда знал, что именно ты посылаешь мне эти сны, но я — чело-

---

{6} Сноски: 18

Робин Добрый Малый, плутишка Робин, Пак, — наряду с Обероном и Титанией персонаж комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь». В отличие от имени Оберона, заимствованного Шекспиром, вероятно, из старофранцузского романа о Гюоне Бордосском, или Титании, чье имя упоминается в метаморфозах Овидия и поэме Эдмунда Спенсера «Королева фей», Пак — исконный персонаж английских народных преданий и баллад. В пьесе Шекспира *Robin Goodfellow* появляется во втором акте (сцена первая).

Наружностью твоей и обращением,
Быть может, и обманываюсь я,
Но, кажется, ты точно дух лукавый
По имени Робин иль Добрый Друг.
Не ты ль девиц пугаешь деревенских?

То сливочки снимаешь с молока,
То мельницы ручные их ломаешь,
То не даешь хозяйке масла сбить,
То не даешь закиснуть их напиткам!
Не ты ль с пути сбиваешь пешеходов
И тешишься их страхом и досадой?
Но кто тебя зовет любезным Паком,
Тем счастие приносишь ты с собой
И сам за них работы исполняешь,
Не ты ли, Пак?

(Перев. Н. М. Сатина)

Иль просто с виду ты ему подобен,
Иль в самом деле ты Плутишка Робин,
Лукавый дух. Не ты по деревням
Девиц пугаешь? Зерна мелешь сам?
Снимаешь сливки и часами сплошь
Работнице сбить масло не даешь?
Ты портишь дрожжи в пиве? Ты морочишь
Ночного путника и вслед хохочешь?
А кто тебя зовет «дружочек Пак»,
Тому ты рад помочь и так и сяк.
Скажи мне, это ты?

(Перев. М. Лозинского)

вечье дитя, и потому я хитрее тебя. А когда все эти злобные создания придут за мной, я и их обману, ибо я — человечье дитя и вся каменистая, политая дождями английская земля принадлежит мне. Я — английское дитя, и весь воздух, наполненный биением черных крыл и слезами призрачных серых дождей, принадлежит мне. Так чего же мне бояться, Робин Добрый Малый?

С этими словами Вороненок тряхнул волосами цвета воронова крыла и пропал.

Робин бросил тревожный взгляд на дядю Оберона, ожидая, что тот будет недоволен его дерзостью. Однако дядя Оберон (который был довольно стар) уже давно не вслушивался в разговор, а искал потерянную книгу. В книге содержалось заклинание, которое позволяет превратить членов парламента в полезных членов общества. Дядя Оберон как раз решил им воспользоваться, но обнаружил, что не может найти книгу (а ведь каких-нибудь сто лет назад он держал ее в руках!). Поэтому Робин Добрый Малый ничего не сказал и преспокойно обратился Вильямом Шекспиром».

А в доме приходского священника мистер Стрендж по-прежнему читал книгу. Он добрался до сорок второй главы, в которой Хикмен рассказывает, как Мария Авессалом одержала победу

над своими недругами. В Призрачном доме она показала врагам истинные отражения их сердец в зеркале. От столь мерзостного зрелища враги утратили отвагу (ибо в глубине души не сомневались в его правдивости) и бежали.

На затылке у мистера Стренджа было одно весьма чувствительное место. Его друзья знали, что, когда вблизи творилось волшебство, это место начинало зудеть и пощипывать. Вот и сейчас мистер Стрендж бессознательно почесал в затылке.

Сколько темных коридоров, размышляла Кассандра. Хорошо еще я знаю дорогу, а кто-нибудь другой непременно заблудился бы. Бедняжка успел бы изрядно перепугаться. Я-то помню, что большая лестница рядом, и совсем скоро я выскользну из дома и затеряюсь в саду.

Дамы решили, что миссис Филд останется присмотреть за детьми до утра, поэтому Кассандра отправилась домой в одиночестве.

Вот только (думала Кассандра) я не уверена, что это высокое, освещенное лунное окно на положенном месте. По-моему, оно расположено сзади или левее. Когда я входила, здесь его не было. Неужели я заблудилась? Как темно… Кажется, я слышу голоса этих негодяев в конце коридора. Они напились и понятия не имеют, кто я такая, а

у меня нет никаких прав здесь находиться.

Кассандра плотнее закуталась в шаль.

— И чего я так переполошилась? — пробормотала она.

— Чертов дом! — воскликнул Уинбрайт. — Кругом одни жуткие темные коридоры. Что там, Фред?

— Всего лишь сова. Хорошенькая маленькая птичка. И как она сюда забралась?

— Фред, — снова начал Уинбрайт, прислонившись к стене и сползая вниз, — сбегай за моим пистолетом, будь другом.

— Слушаю, капитан, — воскликнул Фред, отсалютовал Уинбрайту и тут же забыл о своем обещании.

Капитан улыбнулся:

— А вот и мисс Тобиас!

— Сэр, — спросила мисс Тобиас, внезапно появляясь из темноты, — что вы тут делаете?

— В доме сова. Мы собираемся ее убить.

Мисс Тобиас оглянулась на птицу, кружащую в темноте, и торопливо промолвила:

— Неужели, сэр, вы совсем не боитесь старых суеверий? В таком случае советую вам заняться изданием атеистической энциклопедии. Я аплодирую вашему бесстрашию, джентльмены, но не

разделяю его.

Мужчины молча уставились на нее.

— Разве вы не слышали, что совы принадлежат Королю-ворону? — спросила мисс Тобиас.

— Не пугайте меня, мисс Тобиас, — ответил капитан Уинбрайт, — а то я начну видеть во тьме венцы из вороньих перьев. Этот дом словно создан для подобных вещей. Черт возьми, что она себе позволяет, Фред? Ведет себя, словно моя гувернантка.

— Она похожа на вашу гувернантку? — спросил Фред.

— Кто ее знает? Сколько их было, и все меня бросали. Вы ведь не оставите меня, мисс Тобиас?

— Не знаю, сэр.

— Фред, — обратился к другу капитан Уинбрайт, — смотри, теперь сов уже две. Какие симпатичные пташки! Вы — настоящая Минерва, мисс Тобиас! Такая высокая и мудрая, такая суровая к нашему брату. Минерва с двумя совами. Кажется, вас зовут Джейн?

— Для вас я мисс Тобиас, сэр.

Уинбрайт уставился во мрак и вздрогнул:

— Помнишь йоркширскую игру, Фред? Когда детей посылают одних в темноту, чтобы призвать Короля-ворона. Какие слова при этом говорят?

Фред вздохнул и покачал головой:

— Что-то о съеденных сердцах — это всё, что я помню.

— Как они смотрят на нас, Фред! — воскликнул Уинбрайт. — Что за дерзкие создания. Я-то всегда считал, что совы — пугливые маленькие птички.

— Мы им не нравимся, — печально промолвил Фред. — А вот вы им по душе, Джейн. Смотрите, одна уселась к вам на плечо. Вы не боитесь?

— Нет, сэр.

— А эти перышки, — сказал Фред, — эти мягкие перышки между крылом и тельцем! Они пляшут, словно язычки пламени. Будь я мышкой, решил бы, что это адское пламя, готовое меня поглотить.

— Воистину так, — пробормотал Уинбрайт.

Мужчины молча смотрели, как совы кружат во тьме. Внезапно одна издала ужасный скрипучий звук, от которого кровь застыла в жилах.

Мисс Тобиас скромно опустила глаза, сложила руки на груди — олицетворение образцовой гувернантки — и промолвила:

— Они кричат, чтобы жертва окоченела от страха и обратилась в камень. Это древняя жестокая магия сов.

Никто не ответил ей. Коридор был пуст. Только

женщина и совы (у каждой птицы что-то свисало из клюва).

— Проголодались, милые? — подбодрила их мисс Тобиас. — Ну, раз-два-три — и проглотили.

Около полуночи книга показалась мистеру Стренджу такой скучной, а ночь такой сладостной, что он решил выйти из дома в яблоневый сад. Изгороди в саду не было, только травянистый склон. Мистер Стрендж улегся под грушей с намерением поразмышлять о магии, но вскоре погрузился в сон.

Вскоре он услышал (во сне или наяву) женский смех и голоса. Подняв глаза, мистер Стрендж увидел трех дам в бледных одеяниях, которые, пританцовывая, шли по склону. Звезды окружали их, ночной ветерок шевелил складки их одежд. Дамы протягивали руки к ветру. Кажется, они и впрямь танцевали. Мистер Стрендж потянулся и блаженно вздохнул, решив (стоит ли этому удивляться), что видит сон.

Однако, поравнявшись с ним, дамы остановились рядом и посмотрели в траву.

— Что это? — спросила мисс Тобиас.

Кассандра вгляделась в темноту.

— Мужчина, — весьма уверенно заявила она.

— Боже милосердный! — воскликнула миссис

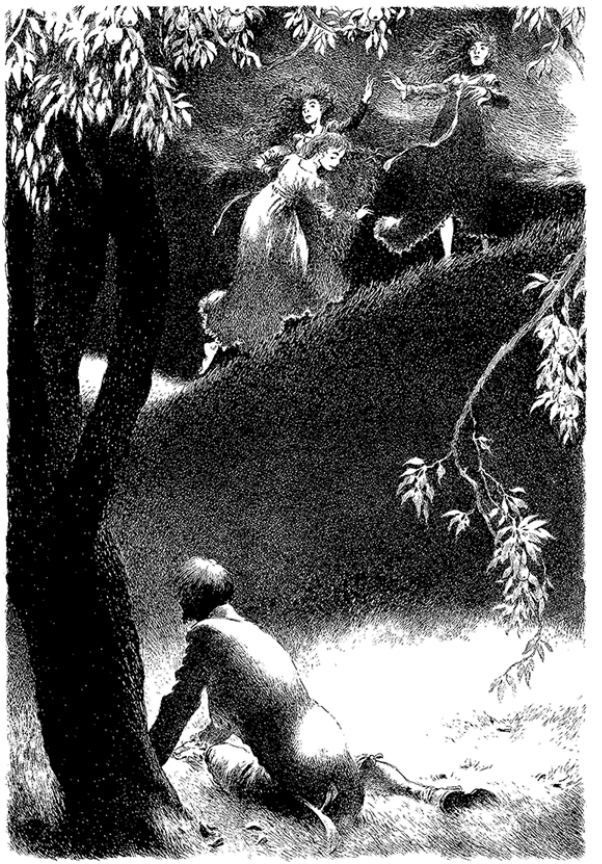
Филд. — Какой мужчина?

— Самый обыкновенный, — отвечала Кассандра.

— Я имела в виду, джентльмен или простой человек?

Отряхиваясь от соломы, смущенный Джонатан Стрендж вскочил на ноги.

— Сударыни, — обратился он к незнакомкам, — простите меня. Я решил, что проснулся во владениях Короля-ворона, а фрейлины королевы Титании вышли мне навстречу.

Дамы молчали.

— Какие странные речи! — наконец промолвила миссис Филд.

— Простите, мадам, но я хотел лишь сказать, что сегодня — превосходная ночь (с чем вы вряд ли будете спорить). И я подумал, что эта ночь (в самом прямом и житейском смысле) — волшебная, поэтому счел вас порождением волшебства.

— Глупости! — воскликнула Кассандра. — Не слушайте его, дорогая миссис Филд. Мисс Тобиас, идемте.

Однако мисс Тобиас с любопытством посмотрела на мистера Стренджа и спросила:

— А вы, что вы знаете о волшебстве?

— Кое-что знаю, мадам.

— Тогда, — продолжила мисс Тобиас, — я дам вам хороший совет. Вам никогда не достичь успеха в магическом искусстве, пока вы придерживаетесь устаревших идей о Короле-вороне и обитателях Иных краев. Разве вы не знаете, что мистер Стрендж и мистер Норрелл давно доказали их несостоятельность?

Мистер Стрендж поблагодарил за совет.

— Мы могли бы еще многому вас научить… — сказала мисс Тобиас.

— Кто знает, — сказал Стрендж, скрестив руки

на груди.

— …однако у нас нет ни времени, ни желания.

— Жаль, — вздохнул Стрендж. — Возможно, вы еще передумаете, мадам? Мой последний учитель считал меня весьма способным учеником. Он уверяет, что я схватываю на лету.

— А как зовут вашего последнего учителя? — спросила мисс Тобиас.

— Норрелл, — тихо промолвил Стрендж.

Снова воцарилось недолгое молчание.

— Вы — волшебник из Лондона, — сказала Кассандра.

— Вовсе нет! — воскликнул уязвленный Стрендж. — Я — шропширский волшебник, а мистер Норрелл — йоркский, и мы никогда не считали Лондон своим домом! Мы оба — сельские жители и хотя бы в этом похожи.

— Мне кажется, сэр, что вашему характеру свойственна непоследовательность и противоречивость, — заметила мисс Тобиас.

— Действительно, мадам, вы не первая, кто мне об этом говорит. А теперь, сударыни, раз уж мы в самом скором времени увидимся снова, разрешите откланяться. Мисс Парбрингер, позвольте мне, в свою очередь, дать вам совет (не сомневаюсь, что ваш был продиктован самыми добрыми

побуждениями). Волшебство, мадам, пьянит как вино, и если вы непривычны к нему, то рискуете быстро захмелеть. Хорошее заклинание развяжет язык самому робкому не хуже бутылки доброго красного вина. Как бы утром вы не пожалели о своих словах, сказанных ввечеру.

Стрендж поклонился и через сад вернулся в дом.

— Волшебник в Прощай-Милости, — задумчиво промолвила мисс Тобиас, — и именно сейчас! Впрочем, не стоит тревожиться заранее. Утро вечера мудренее.

Утро принесло вежливую записку от мистера Вудхоупа. Он выражал надежду, что дамы окажут честь его сестре и посетят дом священника этим же вечером. Приглашена была и мисс Тобиас, хотя обычно она не бывала с визитами в деревне (да и мистер Вудхоуп не очень ее жаловал).

Несмотря на терзавшую дам тревогу (а миссис Филд несколько раз даже высказала свои опасения вслух), мистер Стрендж встретил их весьма учтиво, поклонился каждой гостье и виду не подал, что помнит о вчерашней встрече.

Разговор вертелся вокруг самых обыденных тем. Дамам из Прощай-Милости мистер Стрендж показался весьма общительным и дружелюбным

джентльменом. Их слегка насторожило, когда Арабелла Стрендж спросила мужа, отчего он сегодня так молчалив. Мистер Стрендж отвечал, что виной тому легкая усталость.

— Джонатан ночи напролет читает книги по истории магии, — обратилась миссис Стрендж к миссис Филд. — Дурная привычка, которая в конце концов истощает умственные способности волшебников.

Арабелла улыбнулась мужу, побуждая его сказать в ответ что-нибудь остроумное или дерзкое для поддержания беседы. Однако мистер Стрендж продолжал молча рассматривать гостий.

Вскоре мистер Вудхоуп встал и, поглядывая на мисс Парбрингер, с сожалением заметил, что вынужден покинуть дам — неотложные приходские дела требовали его присутствия. Он заявил, что не может обойтись без помощи мистера Стренджа, и тому пришлось последовать за шурином. Дамы остались в одиночестве.

Разговор коснулся журнальных статей мистера Стренджа, в особенности его утверждений, что Король-ворон никогда не существовал.

— Согласитесь, миссис Стрендж, — заметила Кассандра, — странное суждение для волшебника, ведь даже обычные историки указывают годы

жизни короля в своих книгах — в четыре-пять раз длиннее обычной человеческой жизни.

Арабелла нахмурилась:

— Мистер Стрендж не всегда пишет то, что хочет, — гораздо чаще то, что велит ему мистер Норрелл. Мистер Норрелл изучал магию дольше любого джентльмена в Англии и, несомненно, извлек из своих занятий наибольшую пользу. Его мнение высоко ценят все, кто радеет о благе английской магии.

— Вероятно, вы хотите сказать, что мистер Стрендж по указке мистера Норрелла пишет то, во что сам не верит, — сказала Кассандра. — Будь я мужчиной (и, что еще важнее, волшебником) — ни у кого не пошла бы на поводу!

— Мисс Парбрингер, — с упреком пробормотала мисс Тобиас.

— О, я уверена, миссис Стрендж не обидится на мои слова, — воскликнула Кассандра, — просто я должна была высказать то, что думаю, особенно по этому поводу.

Арабелла Стрендж улыбнулась:

— Все не так просто, как вам кажется. Вот уже несколько лет мистер Стрендж изучает волшебство под руководством мистера Норрелла, который поначалу заявлял, что вообще не собира-

ется никого учить. Он оказал нам большую честь, согласившись взять Джонатана в ученики. К тому же, как известно, в Англии только два настоящих волшебника! Идет война. Что будет, если они поссорятся? То-то обрадуются французы!

Дамы допили чай. Спокойное течение вечера нарушило одно незначительное происшествие — сначала Кассандра, а затем миссис Филд закашлялись, да так, что несколько мгновений миссис Стрендж опасалась за их здоровье.

Вернувшись, мистер Вудхоуп и мистер Стрендж гостий уже не застали. В коридоре стояли миссис Стрендж и служанка с белыми полотняными салфетками в руках. За мгновение до того, как Стрендж поинтересовался, в чем дело, служанка что-то взволнованно объясняла госпоже.

— Что это? — спросил мистер Стрендж.

— Мы нашли косточки, — удивленно ответила жена. — Белые косточки каких-то мелких зверьков и две пустые шкурки. Вот вы, сэр, чародей, объясните-ка нам, в чем дело.

— Это мышиные кости и шкурки. Мышей съели совы. Смотри, шкурки вывернуты наизнанку. Разве не удивительно?

Однако объяснение мужа не устроило миссис Стрендж.

— Куда удивительнее другое, — заметила она. — Мы нашли эти косточки в салфетках, которыми мисс Парбрингер и миссис Филд вытирали пальцы и губы. Джонатан, только не говори мне, что наши гостьи питаются мышами!

Погода продолжала радовать жителей Прощай-Милости. Мистер Вудхоуп пригласил сестру, мистера и миссис Филд, а также их племянницу в холмы полюбоваться пейзажами и перекусить под сенью ветвей. Мистер Стрендж ехал верхом позади процессии. Он настороженно вглядывался в своих спутниц, а миссис Стрендж вслух удивлялась, что муж сегодня не похож сам на себя.

На следующий день Стрендж отправился на прогулку в одиночестве. Он объехал окрестности, расспрашивая фермеров и трактирщиков. Мистер Вудхоуп объяснял странное поведение гостя его всегдашней эксцентричностью, которая только увеличилась после того, как Стрендж поселился в Лондоне и возомнил себя столичной штучкой.

Однажды (это случилось в последний день визита Стренджей) миссис Филд, мисс Тобиас и Кассандра гуляли в пустынных холмах над Прощай-Милостью. Ветер, напоенный солнцем, шевелил высокие травы. Свет и тени сменяли

друг друга с такой быстротой, что казалось, будто в небесах хлопают громадные двери. Кассандра давно уже сняла шляпку и сейчас раскачивала ее на ленточках. Внезапно она увидела джентльмена на вороной лошади, который направлялся к ним.

Подъехав, мистер Стрендж принялся болтать о погоде и красотах пейзажа и за пять минут наговорил больше, чем за предыдущие две недели. Дамам нечего было сказать в ответ, но мистер Стрендж принадлежал к той породе джентльменов, которых подобные препятствия не смущают.

Он рассказывал им о своем удивительном сне.

— От деревенских жителей я слышал, что волшебнику не след пересказывать свои сны, чтобы неосторожно не впустить их в мир. По мне, так нет ничего глупее. Мисс Тобиас, вы изучали этот предмет. Что скажете?

Мисс Тобиас не ответила.

Стрендж продолжил:

— Сон приснился мне при весьма примечательных обстоятельствах. Прошлой ночью я положил под подушку некие косточки, которые попали ко мне в руки недавно. Узнай об этом миссис Стрендж, она бы не смолчала. Впрочем, полная

откровенность между супругами иногда бывает излишней, не правда ли, миссис Филд?

Миссис Филд хранила молчание.

— Мне снилось, что я разговариваю с одним весьма привлекательным джентльменом. Я помню его черты совершенно отчетливо, хотя никогда не видал его раньше. Незнакомец долго не хотел пожимать мне руку — поначалу я не понимал почему. Он выглядел смущенным и слегка пристыженным. Наконец джентльмен протянул мне — нет, не руку, а крошечную лапку, покрытую серым мехом. Мисс Парбрингер, говорят, вы рассказываете деревенским детям волшебные истории. Не расскажете ли мне эту?

Мисс Парбрингер молчала.

— В день нашего приезда в Прощай-Милость прибыли и другие визитеры. Где они теперь? Где тот юноша — или то была женщина? — который сидел в двуколке? Я видел хрупкую, закутанную в темное фигурку.

— Мисс Пай вернулась в Рейгейт в нашей коляске. Наш кучер Дэви отвез ее в родительский дом к матери и тетушке. Добрые женщины так любят бедняжку и уже не чаяли увидеть ее снова, — ответила мисс Тобиас.

— А Джек Хогг, слуга капитана?

Мисс Тобиас улыбнулась:

— Уразумев, что пребывание в Прощай-Милости не принесет ему ничего хорошего, он решил, что пора уносить ноги, — только его и видели.

— А где Артур Уинбрайт? А Фредерик Литтлуорт?

Дамы молчали.

— Ах, сударыни, что же вы наделали?

После непродолжительного молчания заговорила мисс Тобиас:

— В тот вечер, после того как капитан Уинбрайт и мистер Литтлуорт… нас покинули, я кое-кого видела. В противоположном углу коридора возникла смутная фигура — высокая и тонкая, а за ее плечами птицы били крыльями. Мистер Стрендж, я — женщина высокая, и крылья те бились за моими плечами.

— Это было ваше отражение?

— Отражение? В чем? В той части дома нет зеркал.

— И что же вы сделали? — спросил мистер Стрендж нервно.

— Я произнесла вслух слова йоркширской игры. Даже вы, мистер Стрендж, должны знать их. — Мисс Тобиас усмехнулась. — Кажется, мистер Норрелл родом из Йоркшира?

— «Приветствую тебя, повелитель, и призываю всем сердцем», — промолвил Стрендж.

Мисс Тобиас кивнула.

В разговор вступила Кассандра:

— Бедный вы, бедный, тяжело вам приходится. По указке мистера Норрелла пишете то, во что в глубине сердца не верите. Посмеете ли вы вернуться в Лондон и рассказать эту странную историю? Или решите, что Король-ворон, магия диких созданий и женская магия — пустые бредни, которые мистер Норрелл на дух не переносит? Вы не ровня нам, мистер Стрендж. Нас трое, и мы живем в ладу друг с другом. Вы, несмотря на ваши способности, живете в разладе даже с самим собой. Когда ваш разум и сердце заключат перемирие, возвращайтесь в Прощай-Милость — и тогда будете поучать нас, какую магию нам практиковать, а от какой воздерживаться.

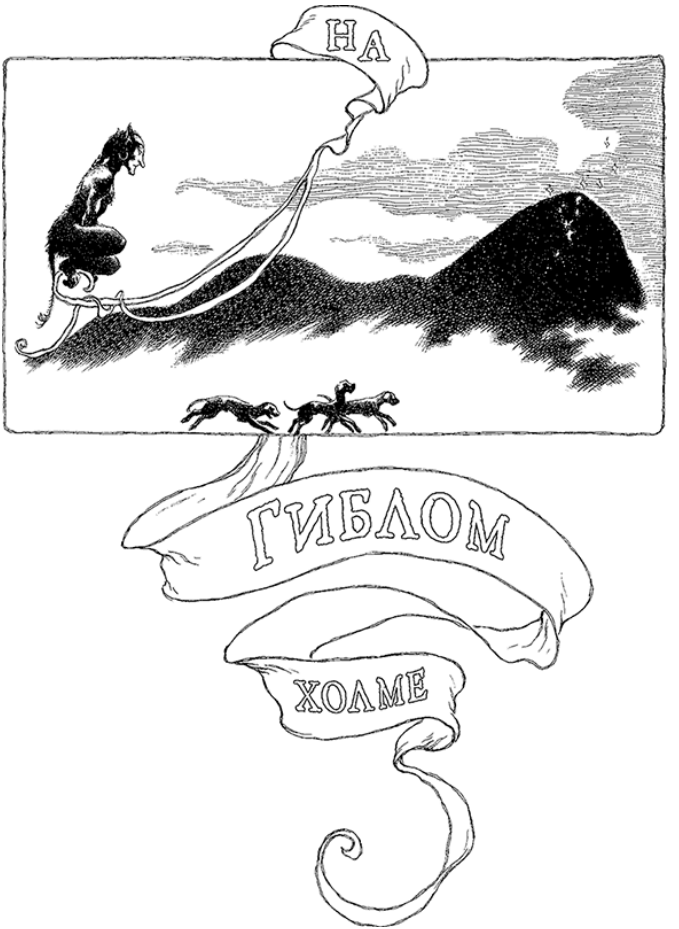
Теперь пришел черед Стренджа замолчать. Дамы из Прощай-Милости пожелали волшебнику всего хорошего и удалились. Только миссис Филд на прощание одарила его улыбкой (надо признать, весьма жалостливой).

Спустя месяц после возвращения Стренджей в Лондон мистер Вудхоуп, к своему удивлению, получил письмо от политика сэра Уолтера По-

ула. Мистер Вудхоуп не был представлен этому джентльмену, тем не менее сэр Уолтер предлагал священнику богатый приход в графстве Нортгемптоншир, в местечке Грейт-Хизердейл. Мистер Вудхоуп решил, что щедрое предложение — дело рук Стренджа, ибо сэр Уолтер и Стрендж слыли друзьями. Священнику не хотелось оставлять Прощай-Милость и мисс Парбрингер, но он утешался мыслью, что прелестные юные дамы обитают и в Нортгемптоншире. Если же надеждам не суждено сбыться, что ж — богатство скрасит ему одиночество.

Узнав об отъезде мистера Вудхоупа, мисс Парбрингер только улыбнулась и в тот же день отправилась гулять на холмы, навстречу осеннему ветру. С ней были подруги — миссис Филд и мисс Тобиас — свободные (по выражению мисс Парбрингер), как ни одна женщина в Англии.

На Гиблом холме

НА
ГИБЛОМ
ХОЛМЕ

С малых лет жила я в доме доктора Куинси, что на той стороне Гиблого холма. Иногда в зимние сумерки Гиблый холм (где обитает Чудный народец) казался мне длинным бурым кораблем посреди сумрачного моря. Далекие огоньки мерцали среди темных дерев, словно серебристые звезды.

Матушка моя состояла при докторе кухаркой и прислугой по дому. Доктор Куинси (безобразный лик, словно плохо нарисованная лошадиная морда; скудная бороденка; тусклые слезящиеся глаза) был стар и учен. Добрая душа, старик сразу распознал во мне то, что укрылось от матушкиных глаз, ибо истинное мое призвание состояло вовсе не в том, чтобы сбивать масло, печь кексы и прясть, как мечталось матушке, а в изучении древней истории, латыни и греческого. Во всем этом доктор меня наставил и желал приобщить также к древнееврейскому, алгебре и геометрии, но время сыграло с ним злую шутку, и прошлым летом старик покинул сию земную юдоль.

На следующий день после смерти доктора матушка испекла пять пирогов. Ныне злонамеренные завистники отверзают уста свои, и ложь вылетает оттуда и гуляет по свету, однако правда в том, что пироги (испеченные моей матушкой)

были премаленькие. Терзаемая внезапным и великим голодом, я съела их все, что и стало причиной нашей ссоры. В сердцах матушка предсказала мне ужасные несчастья (бедность, брак с нищими, цыганами и прочие скорби). Однако, как говаривал мистер Обри{7}, такую красу не скроешь, и вскоре я стала женой сэра Джона Соурестона и поселилась в Пайперс-Холле.

Пайперс-Холл — прелестнейшая старая усадьба, такая приветливая в погожие деньки. Возвели ее в незапамятные времена (думаю, еще при царе Соломоне). На лужайках вкруг дома высятся древние деревья; одеянные в мантии солнечных лучей, выше крыш возносят они свои кроны, словно величавые исполины из героических времен седой древности. Тенистые аллеи устила-

{7} Сноски: 19

Обри, Джон (1626–1697) — английский историк и антиквар, член Королевского научного общества, прославившийся краткими биографическими очерками о знаменитых современниках. Кроме того, множество старинных обычаев и историй об эльфах были бы навсегда потеряны для мира, если бы Джон Обри не упомянул о них в своих хрониках. Судебные тяжбы разорили наследника известного и богатого рода, поэтому бóльшую часть жизни он прожил прихлебателем в знатных семействах, уповая на милость друзей. Джона Обри часто обвиняют в неточностях, отсутствии систематического подхода, использовании сомнительных материалов, слухов и сплетен. Впрочем, приводя в своих работах непроверенные сведения или непристойные анекдоты, он всегда указывал в примечаниях на сомнительность источника и зачастую был виноват лишь в том, что повторял слышанное от других или виденное собственными глазами.

ет длиннолистая мята и благоуханный тимьян. Когда в сумерках мы с Дафной ступали по травам, то словно ангелы ласкали нас своим чистым дыханием.

Сэру Джону Соурестону исполнилось тридцать два: среднего телосложения, кареглазый, длинноногий и статный. Он редко улыбался — не раньше, чем замечал улыбки на лицах других людей. С детских лет сэр Джон страдал великой меланхолией и приступами безудержного гнева, страшившими друзей, соседей и слуг, — словно некое злое божество, позавидовав дарам, коими сэра Джона щедро одарили небеса (молодости, красоте и богатству), наложило на него дурное заклятие.

В доме жил щенок, родившийся в день нашей свадьбы. Будучи трех-четырех недель от роду и еще толком не умея ходить, он любил вскарабкаться на плечо сэру Джону, когда тот почивал после обеда, ибо не чаял в хозяине души. К несчастью, как-то раз, увидав в окно лошадиную морду, щенок от испуга изгадил сэру Джону камзол. Тогда мой супруг засунул бедняжку в мешок и утопил в пруду. Мы прозвали щенка Недотепой, ибо все на свете, как говаривала Дафна, приводило его в недоумение. Думаю, он так и не понял, за

что его утопили. У сэра Джона было три громадных черных пса, и более всего на свете любил он охотиться с ними на Гиблом холме.

Спустя два месяца после свадьбы мы с сэром Джоном отправились в Кембридж, чтобы испросить совета у знаменитого лекаря — доктора Ричарда Блексуона. При себе у нас была склянка с мочой сэра Джона. Встав на колени, доктор Блексуон молился в чуланчике за черными бархатными занавесками. Вскоре в чуланчике объявился сам архангел Рафаил (как случалось всегда после молитв доктора Блексуона) и вперил взор в склянку с мочой. Доктор сказал нам, что по цвету мочи (красноватому, словно бы с кровью) архангел Рафаил доподлинно определил причину душевных терзаний сэра Джона. Сэр Джон нуждался в просвещенных беседах. Архангел Рафаил возвестил, что болящий должен собрать в доме своем ученых мужей, дабы там они упражняли свой разум в философии, геометрии, риторике и механике. Слушая их речи, сэр Джон обратит свои мысли к материям возвышенным и приятным.

Сэра Джона так обрадовал совет, что всю обратную дорогу мы распевали баллады и веселились от души. Даже трое громадных черных псов сэра Джона возвысили свои голоса, славя ученого

доктора Блексуона и архангела Рафаила.

Вечером я в одиночестве гуляла в саду среди героических деревьев, когда повстречала миссис Слопер (мою матушку).

Миссис Абигайль Слопер (вдова, сухощавая и долговязая, лицо, формой напоминающее ложку, а цветом — зеленый сыр; прислуга и кухарка покойного доктора Иеронимуса Куинси) не находила себе места, когда доктор, назло ей, говорил на древнееврейском. Матушка считала слова доктора колдовским заклятием, я же понимала, что он всего лишь жестоко насмехается над ее невежеством, но не могла отучить его от этого вздорного обыкновения. Бывая напугана, матушка разговаривала сама с собой; держала двух кошек (белых с голубизной) — Соломона Гранди (четырех лет от роду) и Синешерстку (десяти лет), а еще телку Полли-Топотушку (одного года). В 1675 году матушка закопала синий горшочек с шиллингами под кустом красной смородины в саду доктора Куинси, однако после кончины доктора дом спешно продали, и с тех пор мысль о том, как вернуть свои сбережения, не выходила у нее из головы.

— Добрый вечер, дражайшая матушка, — поздоровалась я. — Войдите в мой дом и отведайте

угощенья.

Матушка не отвечала. Она вглядывалась в сад, а сама все скатывала и раскатывала фартук.

— Ах! — вздохнула матушка. — Наконец. — (Разглядывая бук, словно обращалась к дереву.) — Дочка-то моя совсем от рук отбилась!

— Вовсе нет, — возразила я — что вы такое говорите! Поведайте, что гнетет вас, дражайшая матушка.

Однако она не ответила, а принялась расхаживать по саду, жалуясь кустам шиповника, что девочка ее выросла неблагодарной. Взывая к молоденьким апельсиновым деревцам, матушка сетовала, что дочь ее не любит свою мать.

— Ах, матушка! — воскликнула я. — Зачем вы заставляете меня ссориться с вами? Отчего не желаете сказать, что случилось?

Матушка закрыла лицо фартуком и жалобно зарыдала, затем внезапно отняла фартук от лица.

— Будь что будет! — воскликнула она (очевидно, обращаясь к каменному богу Юпитеру, который взирал на нее с изрядным презрением). — Помнишь ли ты тот день, когда старый доктор преставился, а я испекла пять пирогов, которые дочь моя съела до последней корочки?

— Ах, матушка! — воскликнула я. — И не на-

доест же браниться? Дались вам эти засохшие пироги! Они были такие маленькие!

— Нет уж, — отвечала она Юпитеру (словно статуя ей возражала). — Где это видано? Целых пять пирогов! Вот я и рассердилась, потому и сказала крошке Соломону Гранди и старушке Синешерстке, — (матушка имела в виду своих котов), — так вот, я и сказала им: а дочка-то моя съела сегодня аж пять пирогов! Целых пять! Тут я подняла глаза и увидала этого красавчика сэра Джона Соурестона. Он был верхом на своей любимой лошадке — сладкий, точно маслице! А сэр Джон возьми да и на Гиблом холме спроси меня: «О чем это вы толкуете, миссис Слопер?» Мне ли было не знать, что сэр Джон Соурестон положил глаз на мою дочку и что он высматривает ее сквозь заросли бузины? Что было делать — признаваться, что дочка моя съела целых пять пирогов? Вот я и придумала сказать, будто дочка сегодня напряла пять мотков пряжи…

— Нет! — вскричала я. — Матушка, не может быть! Неужто вы солгали сэру Джону?

— То-то и оно, что солгала, — отвечала она. — И дочке моей от этого вышло только благо. Ибо сэр Джон Соурестон выпучил свои глазища, словно плошки с шоколадом, и молвил: «Всемогущие

звезды! Никогда о таком не слыхал! Миссис Слопер, в воскресенье я женюсь на вашей дочери».

«Вот так дела, — отвечала я, — и что ж теперь, дочка моя сможет вкушать любые яства, наряжаться в лучшие платья и беседовать с кем пожелает?»

«Так и есть, — отвечал он, — но в последний месяц первого года нашего супружества придется ей каждый день прясть по пять мотков пряжи. А если…»

— Что «если», матушка? — в страхе вскричала я.

— О-хо-хо! — запричитала матушка. — Говорила я вам, что дочка моя совсем отбилась от рук? Ведь говорила! А я-то сделала ее важной дамой. Теперь у нее есть красавчик-муж, она может вкушать любые яства, наряжаться в лучшие платья и беседовать с кем пожелает, а где благодарность? Хорошо хоть, — и тут матушка с лукавым видом постучала пальцем по носу, — дочке моей ничего не грозит. Сэр Джон Соурестон до смерти ее любит, он и думать-то забыл про те пять мотков…

Так, оправдавшись перед кустами шиповника, буком и садовыми статуями, матушка удалилась восвояси.

Однако сэр Джон Соурестон ничего не забы-

вал. Я знала, как знаю непреложно, что Чудный народец обитает на Гиблых холмах, в первый же день последнего месяца первого года нашего брака сэр Джон велит мне исполнить обещанное. Поначалу я готова была выплакать реки горючих слез, потом вспомнила о добродетельных римских матронах, о коих вещал доктор Куинси. Как бы ни были велики их страдания, ни слезинки не проливалось из их очей. Так напрасно ли в моей хорошенькой ангельской головке роилось столько умных мыслей? Неужто не найдется хитроумного способа обмануть подлую судьбу? И я решила не загадывать наперед и действовать по обстоятельствам.

Тем временем сэр Джон отправился в Лондон, чтобы отыскать ученых джентльменов, способных излечить его меланхолию. В деле сем мой супруг очень скоро преуспел, ибо оказалось, что нет ничего проще, чем уговорить сих достойных мужей пожить в доме богатого землевладельца за его счет. Сэр Джон свел знакомство с неким мистером Обри. Настойчивость сэра Джона вкупе с иными обстоятельствами (угрозой долговой тюрьмы!) заставила того согласиться не раздумывая.

Мистер Обри записывал все, что мог вспом-

нить, про обычаи былых времен. От него пахло бренди и мелом. С ног до головы ученый муж был испачкан чернилами, а изо всех карманов у него торчали рукописи. Мистер Обри был членом Королевского научного общества и моим добрым другом. Сей ученый джентльмен составлял жизнеописания всех выдающихся мужей современности, дабы их заслуги не канули в Лету. Сам мистер Обри говорил, что подбирает щепы с разбитого брига Времени и раскладывает их на песке и все же самые ценные сокровища уносят воды забвения.

Много лет мистер Обри желал посетить наше графство, ибо, по его словам, оно славится хранителями старины, кои, в случае преждевременной кончины, оставят потомков без своих воспоминаний, если только кто-нибудь, радеющий об общественном благе, не запишет их. Мистер Обри давно уже лелеял эту мысль, но его останавливало отсутствие свободных средств и друзей, готовых с радостью и надолго предложить свой кров нежданному гостю. Некогда мистер Обри и сам владел обширными землями, поместьями, фермами, коровами, овцами и прочим имуществом, а также (я уверена) преогромными сундуками с серебром и золотом. Однако судеб-

ные тяжбы, злые родственники и превратности судьбы лишили его состояния. Ибо ничто не способно так измучить ученого мужа и погрузить его в пучину слез, говаривал мистер Обри, как судебное крючкотворство. Однако ныне, Миранда, говорил он, все мои горести остались позади, и просил у меня в долг три фунта.

Вскоре к мистеру Обри присоединились другие мужи, знаменитые своей ученостью. Мистер Милдрет, добрый и застенчивый джентльмен, словно присыпанный пылью, изучал насекомых, каковых в его коробке было ровно двести тридцать семь мертвых особей. Мистер Шепрет вычислил дату основания Лондона. Подобно дате рождения, число это позволило ему составить гороскоп города, и теперь мистер Шепрет знал его будущее. Доктор Фокстон неопровержимо доказал, что корнуольцы суть разновидность рыб. Борода доктора Фокстона вилась естественным образом, что, как известно, есть свидетельство мудрости.

Всю зиму просвещенные беседы ученых мужей изрядно развлекали сэра Джона. К несчастью, недуг, терзавший его, имел одну особенность. Все, что поначалу внушало сэру Джону особое удовольствие, впоследствии вызывало у него

сильнейшее отвращение. К весне он называл ученых джентльменов не иначе как бесчестными и ненасытными мошенниками, а также неблагодарными пьяницами. Сэр Джон жаловался, что ученые мужи его объедают и манкируют своими занятиями, а за обеденным столом взирал на бедных ученых джентльменов так грозно, что те начисто утратили аппетит. Бедняги скромно жевали свои горбушки и пребывали в самом унылом расположении духа. Миновало лето, и неотвратимо приблизилась годовщина нашей свадьбы. Как ни пыталась я выкинуть из головы мысли о предстоящем испытании, но только о нем и думала.

В тот день мы с моими учеными друзьями сидели под громадным буком, что рос у дверей Пайперс-Холла.

Мистер Милдрет вздохнул:

— Джентльмены, мы оказались плохими лекарями. Нам не удалось развеять печаль бедного сэра Джона.

— Истинно так, — согласился мистер Шепрет, — однако мы преуспели в другом. Леди Соурестон (он имел в виду меня) заметно повеселела, слушая наши ученые разговоры.

— В том нет нашей заслуги, — отвечал мистер

Обри, — ибо Миранда всегда весела.

— Мистер Обри… — начала я.

— Слушаю, Миранда.

— Как странно, мистер Обри. Всю жизнь я провела у Гиблого холма, но мне так и не довелось увидеть никого из Чудного народца.

— Чудного народца? — удивился мистер Обри. — О ком ты толкуешь, дитя?

— Они живут на Гиблом холме. Или под холмом, точно не знаю. Пребольно щиплют бедную молочницу, метут пол, выпивают сливки и оставляют в башмаках серебряные пенни. Надев белый колпак и оседлав пук соломы с криком: «Лошадка и охапка!»{8} — летят в винные подвалы французского короля. Там пьют вино из серебряных кубков, а затем ищут повешенных злодеев, коих спасают, ежели им придет такая блажь.

— Ах вот оно что! — воскликнул доктор Фокстон. — Миранда толкует об эльфах.

— Именно так, — отвечала я. — О Чудном народце. Доктор Куинси уверял меня, будто в Англии

{8} Сноски: 20

Лошадка и охапка (Horse and Hattock) — выражение пришло из шотландского фольклора. Эльфы обрели крылья лишь в викторианской литературе, раньше им было свойственно передвигаться, используя пук соломы или капустную кочерыжку. По свидетельству Джона Обри, когда эльфы хотят магическим способом переместиться из одного места в другое, то выкрикивают: «Лошадка и охапка».

они почти перевелись. Самой мне их видеть не доводилось, но старики из тех, что заслуживают доверия, наблюдали, как обитатели Гиблого холма, горестно понурясь, выезжают в широкий мир на косматых пони, как ныряют в мрачные подземные дыры или исчезают средь теней меж дерев. Вот я и подумала, что нет для ученого мужа достойней цели, чем разузнать правду о Чудном народце, как нет в целом свете места, более подходящего для этой цели, чем Пайперс-Холл под Гиблым холмом, ибо там они обитают. Мистер Обри, известны ли вам заклинания, вызывающие эльфов?

— И не одно! — отвечал мистер Обри. — Мистер Ашмол{9} (антиквар выдающийся, собравший в Оксфорде коллекцию древностей) записал несколько.

— Мистер Обри… — начала я.

— Да, Миранда?

— Не могли бы вы показать их мне?

Не успел мистер Обри ответить, как мистер Милдрет с хмурым видом поинтересовался, а

{9} Сноски: 21

Мистер Ашмол… — Элиас Ашмол (1617–1692) — основатель музея и библиотеки древней истории, изящных искусств и археологии при Оксфордском университете, член Королевского научного общества, увлекался также алхимией, астрологией и прочими эзотерическими материями.

работают ли эти хваленые заклинания?

— Почем мне знать, — пожал плечами мистер Обри.

— И кого же мы вызовем первым? — спросил мистер Фокстон.

— Королеву Титанию, — отвечал мистер Шепрет.

— Самого обычного эльфа, — предложила я.

— Почему, Миранда? — спросил мистер Шепрет.

— Они столько всего умеют! — воскликнула я. — Пекут пироги, собирают овец в гурты, сбивают масло, прядут пряжу…

И тут все ученые мужи стали надо мной потешаться.

— Все это умеют ваши служанки, Миранда, — сказал мистер Шепрет, отсмеявшись. — Нет, нас интересует собственное устройство эльфов, поэтому нам нужна их королева. Кроме того, она одарит нас своими дарами.

— Как же, — хмыкнул мистер Милдрет, — королева привечает только юных красавцев.

— А чем мы нехороши? — удивился мистер Шепрет.

Доктор Фокстон заметил, что из множества неудобств, возникающих в беседе с эльфами,

самое неприятное, что в любое мгновение собеседники способны исчезнуть с глаз долой. Посему ученые джентльмены решили составить список вопросов, чтобы был под рукой.

Вопрос: есть ли у эльфов религия?

— В Корнуолле жила одна фея, — вспомнил доктор Фокстон. — Однажды она услышала, как священник читает молитвы, и спросила, будет ли даровано спасение и вечная жизнь таким, как она? «Нет», — отвечал ей священник. С криком отчаяния фея бросилась со скалы в бурное море.

(Эту историю доктору Фокстону рассказал один очень набожный господин, который не солгал ни разу в жизни. «Иначе бы я в нее не поверил», — заметил доктор, а мистер Милдрет, человек кроткий и мягкосердечный, всплакнул.)

Вопрос: вступают ли эльфы в брак?

Мистер Шепрет заявил, что эльфы не живут парами, как христиане и голубки, а владеют своими женщинами сообща.

— Хм! — возмутился мистер Милдрет.

— Ба! — удивился мистер Обри и быстро записал услышанное.

Вопрос: правда ли (как утверждают некото-

рые), что эльфы пришли в упадок и вовсе не так сильны, как прежде?

Вопрос: какова система правления эльфов — монархия или республика?

Вопрос: если у них монархия, правда ли (как мы слышали), что король и королева Страны Фей пребывают в ссоре?

Вопрос: правда ли, что их королева в одном над собой не властна?

Так, споря и ссорясь, ученые мужи сочинили сорок два вопроса, коими вознамерились мучить ни в чем не повинных обитателей Гиблого холма, буде с ними повстречаются. Тут мистер Фокстон заявил, что ни эльфам, ни христианам навязчивость не к лицу. Мистер Обри вздохнул и обещал уменьшить количество вопросов.

— Смотрите, сэр Джон Соурестон! — прошептал доктор Фокстон.

— Мистер Обри! — воскликнула я.

— Да, Миранда?

Однако я не успела ничего сказать, ибо сэр Джон позвал меня в дом.

— Дорогой мой, — обратилась я к сэру Джону, — отчего вы невеселы? Негоже, чтобы наши ученые гости видели вас столь мрачным. Они так стараются развеять вашу печаль!

— Куда мы идем, сэр Джон? — продолжала я. — Что это за лестница? Должно быть, ребенком вы играли в этой части дома и теперь хотите показать мне ваш тайник?

— Никогда не бывала в этой комнате, — забеспокоилась я. — А вот и три ваших пса сражаются за кости! Сэр Джон, неужели большущим псам по душе крохотная комнатенка? И зачем здесь лежит эта маленькая прялка?

— Миранда, — отвечал мне сэр Джон, — ты очень молода, и посему в обращении с тобою мне приходится обуздывать свой праведный гнев. Однако часто ты смотришь дерзко, а речи твои непочтительны и неподобающи для женщины.

— Ах нет, дорогой мой, вы ошибаетесь: когда я смотрю на вас, в глазах моих одна лишь любовь!

— Почем мне знать? — промолвил мой муж. — Иногда, Миранда, я готов тебе поверить, но сомнения возвращаются, чтобы терзать меня снова и снова. Разве людям, а особенно женскому полу, не свойственно лгать? Они впитывают обман с материнским молоком. Словно неразумные дети, обвиняют друг друга во всех грехах. Ложь и обман, которыми они опутывают меня всечасно, — (сэр Джон разумел слуг, соседей, поверенных, родственников и прочая, прочая), —

жалят мою плоть, словно пчелы. Впрочем, меня не злят их укусы, но твоя ложь, Миранда, твоя ложь пронзает сердце, словно острый меч. Выходя за меня, ты клялась, что в день прядешь по пять мотков пряжи…

— По пять мотков! Да что вы, сэр Джон! Разве кому-нибудь по силам подобное!

— Надеюсь, Миранда, твои клятвы не окажутся лживыми. Жена, Миранда, — хранительница совести мужа и посему должна вести себя так, чтобы не испытывать его терпение, ибо злое это дело — подвергать ближнего искушению. Убить в гневе, Миранда, — это ли не грех?

Сэр Джон заплакал, но не надо мной проливал он свои слезы. Он оплакивал свою злосчастную судьбу, словно моя смерть огорчила бы только его, а мои страдания не в счет.

— Не терзайте себя, дорогой мой, — промолвила я весело. — Нить, что я спряду для вас, будет тонкой и мягкой. Мы с Дафной сошьем из нее рубашки, и всякий раз, когда ткань будет льнуть к вашей коже, вам будет казаться, будто это я припадаю к ней губами.

Однако сэр Джон запер дверь и удалился.

Из окна я видела ученых джентльменов, сидевших под буком. Они обрадовались, когда сэр

Джон ушел. Когда сумерки сгустились, ученые мужи выпили за здоровье друг друга и запели балладу времен своей юности про пастушку — ту, что так любят петь некоторые джентльмены. На прощание ученые мужи, взявшись за руки, спели про пастушку еще раз, засим отправились почивать.

Дверь кухни отворилась, и на лавандовые кусты упал свет от очага. Выглянула Дафна. (Дафна Бабрахем: служанка леди Миранды Соурестон, то есть моя; светлые волосы, пахнет розмарином и прочими приятными вещами; владелица двух платьев, синего и красного). Дафна тихо позвала: «Мадам, где вы, мадам?» Затем она прошлась по дорожке, оглядываясь по сторонам и удивляясь, куда я запропастилась. Дафна боялась, что сэр Джон уже утопил меня в пруду.

— Ах вот вы где! — воскликнула она, заметив меня в окне. — Что вы там делаете? Откуда выходит это оконце? Я иду к вам, голубушка!

— Нет, — отвечала я, — ступай в постель. Сегодня мне захотелось переночевать в этой комнате.

— А что за ужасные звуки я слышу?

— Собаки охраняют мой сон, — отвечала я. — Доброй ночи, голубушка. Благослови тебя Господь. Я ни капельки не боюсь.

Всю ночь псы рычали и вздрагивали во сне. Наверное, им снилось, что они гонят оленя по Гиблому холму.

Утром сэр Джон принес кудель и еду, снова запер меня и удалился. Серебристый туман за окном скрывал очертания Пайперс-Холла. Все, что ни есть на белом свете (как то: деревья, изгороди, фонтаны, статуи, жилища людей, скота, кур, пчел, лошадей и прочая), таяло в сером мареве. За Гиблым холмом разлилось золотистое сияние, но солнце еще не выглянуло из-за кромки леса. Запели птицы, и серые розы опустили головки под тяжестью капель росы.

Четыре серые фигуры в длинных мантиях приближались к буку, что рос у дверей Пайперс-Холла. Один из обладателей мантии чихнул и пожаловался на утреннюю свежесть, не слишком благотворную для здоровья. Другой посетовал, что за ужином съел слишком много сыра и маринованной селедки. Третий страшился, что Чудный народец его похитит.

У доктора Фокстона была волшебная шляпа, которая (как он полагал) в древности принадлежала злому старому чернокнижнику Саймону

Форману{10}. Сейчас доктор нахлобучил шляпу на голову. Солнце показалось из-за кромки Гиблого холма. Звонким голосом доктор Обри начал читать заклинание, в коем магических слов было, как слив в пудинге.

— Я, Джон Обри, призываю тебя, о королева Титания, именем…

Я послушно внимала и повторяла за ним слова заклинания. Только там, где доктор Обри произнес «королева Титания», молвила: *«Pharisee Vulgaris»*{11}.

— …заклинаю, строго наказываю и повелеваю Тетраграмматоном, Альфой, Омегой и прочими возвышенными и чтимыми…

Туман над Пайперс-Холл порозовел и засеребрился. Из сада донесся шорох, но то лишь три

{10} Сноски: 22

Саймон Форман (1552–1611) — знаменитый английский врач, астролог, оккультист и травник. Многотомный архив Саймона Формана, содержащий его ученые труды и врачебные записи, был куплен у наследников его ученика астролога Ричарда Нейпира собирателем древностей Элиасом Ашмолом и ныне хранится в Бодлеанской библиотеке.

{11} Сноски: 23

Pharisee Vulgaris — эльфус вульгарис, или эльф обыкновенный *(англ. диалектн., лат.). Pharisee* — саффолкское название фей (эльфов). Слово *fae* или *faerie* пришло в староанглийский из старофранцузского и происходит от латинского «фата» — парка, сохранившегося в таких сочетаниях, как «фата-моргана». Долгое время оно бытовало в форме *phairie* (в частности, так в «Демонологии» короля Якова I). *Pharisee (farisee)* возникло в саффолкском диалекте из формы множественного

числа и как омоним слова «фарисей» частенько приводило к недоразумениям, в том числе к попыткам доказать существование фей при помощи Библии.

птицы вспорхнули с ветвей.

— …смиренно снизойди к моему искреннему и чистосердечному рвению, без обмана, мошенничества и притворства разреши мои сомнения и удовлетвори мое любопытство, исполни все, о чем прошу…

Туман над Гиблым холмом подернулся позолотой. В курятнике раздалось шуршание, но то лисица спешила укрыться в лесу.

— …спеши, спеши, спеши, приди, приди, приди. *Fiat, fiat, fiat, amen, amen, amen*…{12} — Мистер Обри помедлил. — *Etcetera*{13}, — закончил он торжественно.

Туман над Гиблым холмом обратился каплями воды. Что-то зашумело под окном, но я не поняла, что это было.

Наступило долгое молчание.

— Всем известно, что королеве Титании нельзя доверять, на редкость взбалмошная и капризная особа, — наконец вздохнул доктор Фокстон.

— Может быть, ей не пришлась по вкусу ваша шляпа? — парировал мистер Шепрет, желая под-

---

{12} Сноски: 24

Fiat, fiat, fiat, amen, amen, amen… — Да будет, да будет, да будет, аминь, аминь, аминь *(лат.)*.

{13} Сноски: 25

Etcetera — и так далее *(лат.)*.

деть собеседника.

Внезапно псы взвыли, запрыгали и заметались как оглашенные. Они никак не хотели угомониться, и я в страхе забилась в угол.

— Женщина, — произнес голос, — о чем ты плачешь?

— Ах! — воскликнула я. — Ты дух?

Маленький и черненький. Волосатый. Кривенькие ножки, как ручки у кувшина. Невзрачное личико. Длинный черный хвост. Я удивилась — всем известно, что у ирландцев хвосты достигают четверти ярда, но мне еще не доводилось слышать о хвостатых эльфах.

— Ты добрый дух или злой? — спросила я.

Вертя длинным черным хвостом, гость, казалось, обдумывал вопрос.

— Не твое дело, — наконец буркнул он. Затем мотнул головой в сторону окна. — Там, на лужайке, столпились четверо упрямых старцев в нелепых потрепанных шляпах.

— Видно, они расстроены, что их заклинание не возымело силы, в отличие от моего, каковое привело тебя ко мне!

— Что мне за дело до пустых старых заклинаний? — возмутился чернявый, ковыряя в зубах чем-то похожим на старую заячью кость. — Я

спрашиваю, о чем ты плачешь?

И тогда я рассказала ему свою историю, начав с пирогов (которые были премаленькие), а закончив пятью мотками пряжи.

— Буду откровенна, о дух, — промолвила я, — истинное мое призвание состоит в изучении древней истории, латыни и греческого. Мне проще взлететь, чем усесться за прялку.

Дух задумался над моей бедой.

— Ну, с прялкой-то я справлюсь, — наконец промолвил он. — Утром я буду подходить к твоему окну и забирать кудель, а вечером приносить пряжу.

— Как мне благодарить тебя за щедрость? — воскликнула я. — Впрочем, я и раньше слышала, что Чудный народец всюду творит добро и ничего не просит взамен.

— Где это ты такое слышала? — Гость почесал под мышкой. — Тебя обманули, женщина.

— Ах, может ли это быть!

Дух зыркнул на меня черненькими глазками и молвил:

— Каждый вечер я буду трижды спрашивать у тебя свое имя, и если через месяц ты не угадаешь его, то станешь моею!

— Думаю, за месяц я справлюсь.

— Думаешь, справишься? — засмеялся дух и завертел хвостом — Ответь-ка мне, как зовут этих псов.

— Ну, это нетрудно. Их зовут: Платон, Сократ и Евклид. Сэр Джон сказал мне.

— А вот и не угадала, — отвечал дух. — Одного зовут Злой, второго Злее, а третьего Самый Злой. Они сами назвали мне свои имена.

— Вот как, — удивилась я.

— Может статься, — с довольным видом заявил дух, — что ты и своего-то имени не знаешь.

— Миранда Слопер, — отвечала я, — тьфу… то есть Соурестон.

— Женщина, быть тебе моею! — рассмеялся дух и упорхнул, прихватив кудель.

Весь день в комнатке висел полумрак от листьев, что кружились за белыми стенами.

Когда сумерки снаружи уподобились полумраку внутри, дух вернулся.

— Добрый вечер! — сказала я. — Как поживаешь, о дух?

Мой чернявый знакомец насупился:

— Серединка на половинку. Болят мои старые ушки, гудят мои старые ножки…

— Ох, — вздохнула я.

— Держи свои мотки, — сказал дух. — А теперь

скажи, женщина, как меня зовут?

— Ричард? — предположила я.

— Нет, не Ричард, — отвечал дух и завертел хвостом.

— Тогда, может быть, Джордж?

— Нет, не Джордж. — И мой чернявый знакомец завертел хвостом еще пуще.

— Неужели Никодимус? — не сдавалась я.

— Вот и не угадала, — молвил дух и был таков.

Как ни удивительно, но шагов сэра Джона я не слышала, только заметила среди мелькающих теней на стене его длинную тень. Увидав пять мотков пряжи, сэр Джон был потрясен до глубины души.

Каждое утро муж приносил мне кудель и еду. Собаки радовались хозяину, но разве можно сравнить их оживление с тем восторгом, с коим встречали они моего чудесного спасителя! Псы ластились и обнюхивали его, словно дух источал нежнейший аромат роз. Я перебирала в уме все имена, какие знала, но не могла угадать искомое. Каждый вечер мой чернявый знакомец приносил мотки и каждый вечер придвигался все ближе и все радостнее вертел хвостом.

— Женщина, — смеялся он, — быть тебе моею!

И каждый вечер сэр Джон забирал пряжу, что-

бы на следующий вечер снова поразиться моим успехам, ибо он знал, что три злобных сторожа не пустят ко мне никого из людей, кроме своего хозяина.

Однажды, когда месяц подходил к концу, я выглянула в окно и увидела слуг, которые с печальными лицами покидали Пайперс-Холл. Средь толпы я заметила светлую головку Дафны. Девушка заливалась слезами.

Ученые мужи, сидевшие под буком, казалось, были удивлены не меньше моего.

— Сэр Джон! — воскликнул мистер Обри. — Куда уходят слуги? Кто будет ухаживать за леди Соурестон?

(Сэр Джон говорил всем, что я больна.)

Сэр Джон пригнулся и сказал что-то, чего я не расслышала. Казалось, слова сэра Джона несказанно удивили ученых мужей.

— Разумеется, нет! — воскликнул мистер Шепрет.

Мистер Обри помотал головой.

Мистер Фокстон торжественно промолвил:

— Мы — джентльмены и ученые, сэр Джон, а не пряхи.

— Сказать по правде, — заметил мистер Милдрет, — прясть-то я не умею, а вот пирог испечь

могу. Я читал об этом в книге и, думаю, справлюсь. Нужно взять муку, чистую воду, немного изюма, начинку, какую вы любите, еще, наверное, несколько яиц, а затем…

Доктор Фокстон (некогда служивший учителем в начальной школе) стукнул мистера Милдрета по макушке, чтобы тот замолчал.

После ухода сэра Джона ученые мужи стали жаловаться друг другу, что в последнее время Пайперс-Холл стал неуютен и угрюм. Быть может, пришло время оставить усадьбу и вернуться в широкий мир, вопрошал мистер Шепрет. Затем ученые мужи решили дождаться выздоровления леди Соурестон, которая была так к ним добра. Тут мистер Милдрет поднял глаза.

— Так вот же она! — воскликнул он. — Я вижу леди Соурестон в окошке меж листвы!

— Миранда! — вскричал мистер Обри.

Доктор Фокстон помахал мне шляпой, мистер Шепрет послал мне двадцать воздушных поцелуев, мистер Милдрет от избытка чувств прижал руки к груди, а мистер Обри радостно заулыбался.

— Доброе утро, мои ученые друзья! — крикнула я. — Обнаружили вы свою королеву эльфов?

— Нет, — отвечал доктор Фокстон, — но мы

придумали еще восемьдесят четыре вопроса, чтобы задать ей их, когда она появится.

— Вам стало лучше, Миранда? — спросил мистер Обри.

— Надеюсь, что поправлюсь до конца месяца. Рассказать ли вам, мои ученые друзья, о странном сне, который приснился мне намедни? Мне снилось, что если ученый муж хочет призвать волшебное существо, то прежде всего должен узнать его настоящее имя.

— Ты права, Миранда, — сказал мистер Обри, — у многих эльфов есть тайные имена.

— Известны ли они вам? — крикнула я.

Ученые мужи склонили головы. Завязался нешуточный спор. Затем все они согласно закивали.

— Нет, — ответил за всех мистер Обри, — нам они неведомы.

Наконец настал мой последний день. Рано утром я выглянула из окошка и увидела, как волнуется листва под струями холодного дождя над Гиблым холмом. Когда сэр Джон принес кудель и еду, я поведала об этом ему.

— На Гиблом холме водятся олени, — задумчиво промолвил сэр Джон.

— И не только олени! — подхватила я. — Пом-

ню, как после нашей свадьбы вы твердили мне, что не знаете большего наслаждения, чем охотиться на Гиблом холме и, сразив добычу, вернуться домой, где вас ждет поцелуй верной Миранды. Возьмите с собой этих славных псов, дайте им вдохнуть ароматы трав на Гиблом холме. Отправляйтесь-ка на охоту вместе с вашими учеными гостями, сэр Джон!

Сэр Джон нахмурился, размышляя, что месяц еще не закончился, а стало быть, собакам надлежит оставаться подле меня, но мог ли он устоять перед сладостным ароматом лесов, что проникал в окно вместе с ветром?

Я слышала, как, сидя в тени бука, мистер Шепрет и мистер Обри радовались тому, что сэр Джон забыл обиды и пригласил их поохотиться. У доктора Фокстона была особая охотничья шляпа, каковую он немедля и нахлобучил. Затем сэр Джон, ученые джентльмены и егеря вскочили в седла и поскакали в сторону Гиблого холма, а Злой, Злее и Самый Злой мчались впереди, обнюхивая все, что попадалось по пути.

Дождь зарядил на весь день. И весь день новые слуги сэра Джона отлынивали от работы, ибо не осталось никого из старых слуг, чтобы их образумить. Хлеба полегли. Лопасти маслобо-

ек не крутились. Ножи и серпы затупились от неумелых рук. Ворота были распахнуты настежь. Коровы и лошади забредали в поля, ломали изгороди и топтали посевы. Какие-то негодные мальчишки забрались в сад и объелись яблок. По всему дому только и слышны были крики и ругань новых слуг.

Пришло время явиться моему чернявому знакомцу, но его не было.

В летних сумерках серые кролики резвились в саду, прежде чем забраться в огород полакомиться салатом. В лесу ухали совы, лаяли лисы.

Последние солнечные лучи угасли за Гиблым холмом. Сейчас придет сэр Джон, чтобы убить меня. Время шло, а он не появлялся.

— Миранда!

— Добрый вечер, дорогие мои ученые друзья! Какого зверя вы добыли на охоте?

— Никого мы не добыли, Миранда! — вскричал мистер Милдрет в великом волнении. — Мы пришли, чтобы поведать об удивительном событии, каковое с нами приключилось. Стоило нам добраться до Гиблого холма, как Платон, Сократ и Евклид (он говорил о собаках, которых дух именовал Злым, Злее и Самым Злым) помчались так, словно спешили на встречу с лучшим другом,

коего не чаяли обнять. Лошади понесли, и мы были не в силах их укротить. Собаки привели нас на ту сторону холма, где никто из нас не бывал. Громадный олень-самец с блестящими дождевыми каплями на крапчатых боках выскочил прямо перед нами и взглянул так, словно он — Владыка всех живых созданий, а мы недостойны называться людьми. Лисы перебегали дорогу и смотрели нам вслед. Серые крольчата без страха взирали на нас из своих каменных колыбелек. Однако Платон, Сократ и Евклид неслись вперед сломя голову, лошади мчались за ними, и мы не успевали изумиться всем чудесам…

— Так все и было! — воскликнул мистер Шепрет. — А потом какой-то угрюмый тип из егерей крикнул, что нас занесло в подземное королевство, где звери мстят охотникам за обиды, причиненные на земле. Доктор Фокстон вспомнил о диких скачках, что длятся вечность, о заколдованных всадниках, что страшатся спрыгнуть, ибо, коснувшись земли, рассыплются в прах. Но мистер Обри призвал нас уповать на Всевышнего и не страшиться…

Неожиданно мы остановились у зеленой лужайки средь темного леса, поросшей цветами. Тот угрюмый тип крикнул, что таких цветов нет нигде в целом свете! Однако сэр Джон обозвал его болваном и заявил, что знает все названия не хуже собственного имени, ибо это пастушкины слезки, девичьи застежки и бродяжий гребень. В самом центре лужайки мы обнаружили меловую яму, скрытую высокими травами и цветами, названия которых знал сэр Джон. Оттуда доносилось жужжание. Слуги отогнали собак (к их величайшему неудовольствию), а мы заглянули вниз. И как вы думаете, кого мы там узрели?

— Не ведаю, доктор Фокстон.

— Бесенка, Миранда! И чем, по-вашему, он занимался?

— Откуда мне знать, доктор Фокстон?

— У него была маленькая прялка, которую он вращал с удивительной скоростью, вертя при этом своим длинным черным хвостом. «Скорее, — воскликнул тогда мистер Шепрет, — скорее говорите ваше заклинание, мистер Обри!» И он прыгнул в яму, а мы — за ним.

— Удивительная история! — воскликнула я. — И что же сказало вам волшебное существо?

— Ничего, — сердито отвечал доктор Фок-

стон. — Мы задали ему все сто сорок семь вопросов (именно поэтому мы так задержались и опоздали на обед), однако нам попался самый невежественный дух на свете!

Мы замолчали.

— Однако он вас выслушал, — заметила я. — Странно. Что же помешало ему явиться в первый раз?

— Дело в том, Миранда, — ответил мистер Обри, — что в первый раз мы не знали его имени. Стоило нам произнести заклинание и назвать бесенка по имени, и ему пришлось выслушать нас, как ни жаждал он вернуться к своим куделям. Мы узнали его имя случайно, из песенки, которую бесенок распевал, причем прескверной. Выдающийся мастер прялки, Миранда, но отнюдь не поэт. Волшебные существа любят петь, но зачастую обделены поэтическим талантом. Так и будут твердить одну и ту же строчку, пока какая-нибудь добрая душа не подскажет им другую.

Мы снова помолчали.

— И что же он пел? — спросила я.

— «Нимми-нимми-нот, мое имя Том-Тит-Тот», — ответил мистер Обри.

— Меня радует, дорогие мои ученые друзья, — промолвила я, — что вам довелось повстречать

волшебное существо, но куда более мое сердце греет то, что вы вернулись домой целыми и невредимыми. Ступайте обедать, хотя, боюсь, еда покажется вам скудной.

И вот с пятью мотками пряжи в руках из вечернего тумана возник мой чернявый знакомец. Сначала я загадала Соломона, потом Зеведея, а после назвала его истинное имя, и бедному Том-Тит-Тоту пришлось с воем убираться восвояси в свою холодную одинокую нору.

Затем с охоты вернулся сэр Джон, хмурый и мрачный, на лошади — черной, как буря. Следом за ним бежали Злой, Злее и Самый Злой. Но стоило ему увидать пять мотков пряжи, как он взял меня за руку, и мы отправились пировать вместе с нашими учеными гостями. На радостях они тут же сочинили славную песенку о четырех джентльменах, которым довелось повстречать волшебное существо. Все наши добрые слуги вернулись домой, и каждый получил по шестипенсовику, чтобы выпить за здоровье сэра Джона.

— Я собираюсь записать эту историю, — сказала я мистеру Обри. — Подскажите, откуда начать.

— Ах, Миранда, — отвечал он, — начни, откуда пожелаешь, но не медли, покуда воспоминания

еще свежи в твоей хорошенькой головке. Ибо, поверь мне, они подобны мотылькам — и не заметишь, как выпорхнут из окошка. Если бы все, что я забыл, сгрузить на корабли его величества, весь королевский флот пошел бы ко дну!

Среди многочисленных использованных источников автор хочет особенно отметить замечательный вариант сказки о Том-Тит-Тоте на суффолкском диалекте, изданный в 1898 году фольклористом Эдвардом Клоддом.

Миссис Мабб

МИССИС МАББ

В конце весны 18… года одна дама, живущая в деревушке Киссингленд в Д…шире, пребывала в горьком разочаровании.

Из письма миссис Фанни Хокинс, адресованного миссис Кларе Джонсон:

«…И я уверена, дорогая моя Клара, когда я расскажу вам, что произошло, вы поймете мою досаду. Несколько месяцев назад моей сестре, мисс Мур, посчастливилось пленить армейского офицера. Капитан Фокс с самого начала оказывал Венише решительное предпочтение, и я питала большие надежды видеть ее прилично устроенной, но вдруг, как удар злой судьбы, она получила письмо от знакомой дамы из Манчестера, которая заболела и нуждалась в заботе. Можете вообразить, как мне не хотелось, чтобы Вениша в такой момент покидала Киссингленд, но, несмотря на все мои уговоры, она настояла на том, чтобы предпринять это затруднительное путешествие, и теперь, боюсь, она слишком сильно наказана за свое упрямство, поскольку в ее отсутствие презренный капитан Фокс совершенно

забыл о ней и стал уделять внимание другой даме, нашей соседке, миссис Мабб{14}. Можете быть уверены, что, когда сестра вернется, я буду ссориться с нею по этому поводу…»

Доброе намерение Фанни Хокинс поссориться с сестрой было вызвано не только желанием исправить ошибочное поведение, но и опасением, что, если Вениша не выйдет замуж за капитана Фокса, ей придется жить в доме мужа Фанни, священника в Киссингленде, человека, который крестил, венчал и хоронил всех его обитателей, который посещал их в болезни, утешал в печалях, читал письма тем, кто не умел этого сделать сам, — и за все это получал огромную сумму, сорок фунтов

{14} Сноски: 26

Маб — королева фей из монолога Меркуцио в «Ромео и Джульетте».

Все королева Маб. Ее проказы.
Она родоприемница у фей,
А по размерам – с камушек агата
В кольце у мэра. По ночам она
На шестерне пылинок цугом вздит
Вдоль по носам у нас, пока мы спим.
В колесах – спицы из паучьих лапок,
Каретный верх – из крыльев саранчи,
Ремни гужей – из ниток паутины,

И хомуты – из капелек росы.

(Перев. Б. Пастернака)

в год. Соответственно, любая свободная минута, которую Фанни удавалось выкроить среди множества домашних дел, уходила на обдумывание сложного вопроса, каким образом доходов, которых недостаточно на двоих, может хватить на содержание троих человек.

Фанни поджидала возвращения сестры и по нескольку раз на дню твердила мистеру Хокинсу, что выскажет упрямице все, что думает по этому поводу. «Уехать, когда дело между ними еще совсем не слажено. Что за странное существо! Не могу ее понять».

Но и у Фанни были свои странности, одна из которых — представляться сварливой и бессердечной, в то время как на самом деле она была просто переутомлена и обеспокоена. Когда наконец мисс Мур вернулась в Киссингленд и когда Фанни увидела, как бедная девушка потрясена и как она побледнела, услышав о неверности своего возлюбленного, все намерения Фанни поссориться с сестрой свелись к тому, что она, покачав головой, сказала:

— Теперь ты видишь, Вениша, что бывает, когда люди упрямятся и предпочитают делать по-своему, не слушая, что им советуют другие. Ну, моя дорогая, я надеюсь, ты не будешь расстраиваться.

Человек, который мог так низко обмануть тебя, недостоин твоих сожалений. Как твоя подруга в Манчестере?

— Умерла, — еле слышным голосом, в котором звучали слезы, ответила Вениша.

— Ох!.. Дорогая, мне очень грустно это слышать. Мистер Хокинс скажет то же самое, когда узнает. Бедная девочка, сколько горя на тебя свалилось!

В тот вечер за ужином (немножко жареного мяса и много вареной репы) Фанни сообщила мистеру Хокинсу:

— Она пошла прилечь, сказав, что у нее ужасно разболелась голова. Очевидно, она гораздо больше привязана к нему, чем мы предполагали. Да и как ей было не полюбить капитана Фокса от всего сердца — при том внимании, что он ей оказывал. Вспомни, я всегда это говорила.

Мистер Хокинс ничего не ответил: домашние дела Хокинсов были устроены так, что на долю Фанни приходился разговор, а на его — молчание.

— Ну ладно, — продолжала Фанни, — мы должны жить так бережливо, как только сможем. Могу поручиться, что еще сумею кое на чем сэкономить.

Фанни оглядела обшарпанную гостиную в по-

исках какой-либо роскоши, которая до сих пор оставалась незамеченной. Не обнаружив ничего, она сказала:

— Вещи могут служить гораздо дольше, чем полагают люди, которые стремятся иметь все новое.

На самом деле у Фанни уже давно не было ничего нового: истертый каменный пол ее гостиной не прикрывал ковер, стулья были жесткими и неудобными, а обои настолько древними и выцветшими, что казалось, на них изображались поблекшие гирлянды засохших цветов, перевитые тусклыми коричневыми лентами.

На следующее утро Фанни только и думала о своих обидах на капитана Фокса, и гнев заставлял ее говорить о нем почти беспрестанно — в то же время она постоянно советовала Венише не думать о нем больше. Так прошло полчаса, и Вениша сказала со вздохом, что собирается немного пройтись по свежему воздуху.

— Ладно, — сказала Фанни, — а куда ты направишься?

— Не знаю.

— Хорошо, если бы ты пошла в сторону деревни, мне нужно кое-что купить.

И Вениша пошла по Черч-лейн в Киссингленд.

Конечно, если бы она теперь воспылала ненавистью и презрением к капитану Фоксу, это только послужило бы к чести всему женскому полу, но у Вениши даже не возникло такой мысли. Вместо этого она предавалась напрасным вздохам и сожалениям и пыталась, насколько могла, утешиться тем, что лучше быть бедной и забытой в Киссингленде, с его зелеными деревьями и душистыми цветущими лугами, чем в Манчестере, где ее подруга, миссис Уитсан, умирала в холодной мрачной комнате на верхнем этаже унылого доходного дома.

Капитан Фокс был высокий ирландец тридцати шести — тридцати семи лет, которого было принято считать рыжим. Действительно, на ярком свете его волосы отливали рыжиной, но, очевидно, его «лисья» фамилия, широкая ироническая усмешка и какая-то ирландская диковатость заставляли людей думать, что он рыжеволос. У него была слава неслыханного храбреца, поскольку однажды он отважился спорить с герцогом Веллингтоном, в то время как все окружающие самым решительным образом соглашались с этой прославленной персоной.

Поводом для спора были сапоги. Сапоги (десять тысяч пар) были отправлены на спинах семиде-

сяти мулов на восток из Португалии — туда, где английская армия в совершенно изношенной обуви страстно жаждала их получить. Без новых сапог армия никак не могла начать долгий поход на север, чтобы отбить у французов Испанию. Герцог Веллингтон с нетерпением ожидал прибытия сапог и много говорил о досадном промедлении и о том, насколько оно пагубно для англичан, а под конец заметил, что солдаты не способны ничего сделать без новых сапог. «Напротив, — воскликнул капитан Фокс, — лучше бы сапоги пропутешествовали еще немного севернее, в город С., где солдаты смогли бы встретиться с ними по пути на север, ведь это означало бы, что они с каждым шагом приближаются к вожделенным новым сапогам, и такая обнадеживающая мысль вдохновляла бы их идти быстрее». Герцог Веллингтонский задумался. «Я полагаю, — сказал он наконец, — что капитан Фокс прав».

Повернув за угол дома Блюиттов, Вениша увидела солидное каменное здание. Это было жилище мистера Граута, преуспевающего юриста. В его саду цвели столь роскошные розы, что одна из стен дома, увитая ими, была сплошь бледно-розового цвета. Но отрадное для глаз зрелище только расстроило Венишу, ведь капитану Фоксу

особенно нравились бледно-розовые розы и он дважды говорил, многозначительно поглядывая на нее, что когда женится и заведет собственный сад, то розы там будут именно такие — и никаких других.

Вениша твердо решила думать о чем-нибудь другом, но этому решению не суждено было сбыться, так как первый же человек, встретившийся ей на Хай-стрит, оказался слугой капитана Фокса, Лукасом Барли.

— Лукас! — воскликнула она — Как! Разве капитан Фокс здесь?

Она поспешно огляделась вокруг и, только убедившись, что капитана Фокса поблизости не видно, внимательнее присмотрелась к Лукасу. С некоторым удивлением она заметила, что с ним произошли странные перемены. Исчез ловко сидевший коричневый мундир, исчезли блестящие сапоги, исчез весь его щегольской вид — вид человека, сознающего, что его хозяин однажды победил в споре герцога Веллингтона. Сейчас на слуге был грязный зеленый фартук, значительно большего размера, чем следовало бы, и деревянные башмаки. Он нес две огромные оловянные кружки с крышками, расплескивая пиво прямо в грязь.

— Куда ты несешь эти кружки, Лукас? Ты перестал служить у капитана?

— Не знаю, мисс.

— Не знаешь! Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, мисс, что, если бы мне вновь довелось увидеть капитана Фокса, я непременно спросил бы, что он думает по этому поводу, а если бы ему захотелось узнать, что я думаю по этому поводу, я непременно сказал бы ему, что это меня мало волнует. Похоже, вы удивлены, мисс, да и я все время пребываю в изумлении. Но в этом я не одинок — капитан покинул всех своих прежних друзей.

И, поскольку руки Лукаса были заняты, он изобразил на лице некую гримасу и мотнул головой, так что Вениша обернулась и увидела чудесную вороную кобылу, которую вели в конюшни мистера Граута.

— Боже мой! — воскликнула Вениша. — Ведь то сама Прекрасная Дама!

— От миссис Мабб принесли записку, что кобылу следует продать мистеру Грауту, мисс.

— Разве капитан оставил полк?

— Не знаю, мисс. Но что такому маленькому, кругленькому человечку, как мистер Граут, делать с этой лошадью? Ему надо остерегаться, как

бы она не перепутала его с репой и не съела.

В самом деле, казалось, у кобылы есть свои соображения по данному поводу; блеск отчаяния в ее диковатых карих глазах свидетельствовал, что она сознает свое падение в этом мире и считает, что кто-то должен за это поплатиться, и как раз в настоящую минуту решает, кто именно.

— Дело было так, мисс, — сказал Лукас. — На следующее утро после вашего отъезда миссис Мабб прислала капитану записку с приглашением, не будет ли он четвертым в карточной игре, и я пошел с ним, поскольку мне когда-то говорили, что у миссис Мабб не перечесть тетушек, племянниц и родственниц женского пола, причем одна краше другой, — я надеялся познакомиться с кем-нибудь из них, с той, которая не окажется слишком гордой и поболтает со мной. Но когда мы добрались до дома, мне пришлось ждать в маленькой каменной прихожей, холодной, как могила, где ничего не было, кроме нескольких костей в очаге. Я ждал, ждал и ждал, а потом подождал еще немного; мне был слышен голос капитана и женский смех, высокий и громкий. А через некоторое время, мисс, я обнаружил, что у меня отросли ногти, а подбородок весь покрылся щетиной, — и я испугался, как вы можете себе

представить. Ну а поскольку входная дверь была не заперта, я выскользнул из дома и бежал весь обратный путь до Киссингленда, и выяснилось, что я пробыл в каменной прихожей у миссис Мабб три дня и три ночи.

— Боже мой! — воскликнула Вениша и задумалась. — Ладно, — со вздохом произнесла она наконец, — если человек вдруг понимает, что ошибся в своих чувствах, или находит кого-то лучше… Я думаю, она очень красива?

Лукас пренебрежительно фыркнул, словно ему хотелось сказать что-то очень резкое о красоте миссис Мабб, а удерживало его лишь то, что он ее никогда не видел.

— Не думаю, что миссис Мабб может идти хоть в какое-то сравнение с вами, мисс. Капитан несколько раз говорил мне, мисс, что вы поженитесь и что все мы поедем в Эксетер и будем жить в белом домике с садом и шпалерами вьющихся розовых роз; и я сам однажды утром в церкви дал торжественный обет служить вам верно и честно — ведь вы всегда были очень добры ко мне.

— Спасибо, Лукас… — произнесла Вениша и поняла, что продолжать не в силах. То, чего уже никогда не произойдет, представилось девушке так живо, что глаза ее наполнились слезами. Она

была бы рада дать Лукасу какую-нибудь мелочь, но у нее в кошельке не оказалось ничего, кроме денег на хлеб, что просила ее купить Фанни.

— Не за что, мисс, — сказал Лукас. — Все мы пострадали от миссис Мабб. — Он помолчал. — Мне очень жаль, что вам пришлось из-за меня плакать, мисс.

Последняя фраза, произнесенная с такой добротой, заставила девушку поспешить к пекарне, где печальные мысли о капитане Фоксе, беспечно оставившем военную карьеру ради миссис Мабб, и о миссис Мабб, которая при виде этого громко смеется, поглощали все ее внимание, так что она не ведала, что творит. А вернувшись домой и открыв пакеты, с удивлением обнаружила, что купила три дюжины французских булочек и пирог с абрикосовым джемом — ничего этого Фанни не заказывала.

— О чем же, ради всего святого, ты думала? — воскликнула Фанни, увидев, с чем вернулась Вениша.

От такой расточительности Фанни пришла в ужас и под губительным воздействием булочек и пирога с джемом стала раздражительной и резкой и пребывала в таком настроении целый день, пока Вениша не вспомнила, что ее подру-

га, миссис Уитсон, перед самой своей смертью вручила ей в качестве свадебного подарка шторы для окон. Теперь, когда никакой свадьбы не ожидалось, Вениша сочла, что будет правильно и хорошо подарить шторы Фанни. Материал был замечательный — ярко-желтый в тонкую белую полоску. К Фанни тотчас вернулось прекрасное расположение духа, и с помощью Вениши она захлопотала, пристраивая шторы на окно гостиной, и в то самое время, как они предавались этому занятию, Вениша задала вопрос:

— Фанни, кто такая миссис Мабб?

— Это очень дурная женщина, — ответила Фанни, в упоении щелкая большими черными ножницами.

— Чем именно?

Но у Фанни не было по этому поводу точных сведений. Вот все, что удалось узнать Венише: миссис Мабб дурна тем, что чрезвычайно богата и всегда поступает так, как ей нравится.

— Как она выглядит? — спросила Вениша.

— Боже мой! Не знаю. Я никогда ее не видела.

— Значит, она поселилась здесь недавно?

— Да. Совсем недавно. Хотя, знаешь, я не уверена. Теперь мне припоминается, что она живет здесь уже довольно давно. Совершенно точно —

она уже была здесь, когда мистер Хокинс приехал сюда пятнадцать лет назад.

— Где ее дом?

— Далеко. За Найтсвудом.

— Значит, неподалеку от Данчера?

— Нет, дорогая, не там. Пожалуй, ближе к Пайперу, но не так уж близко… — (Все это были небольшие городки и деревни по соседству с Киссинглендом.) — Если сойти с дороги как раз за Пайпером и пройти по заросшей тропинке, которая внезапно спускается вниз, то окажешься около уединенного пруда, заросшего камышами, который зовется Грейпул, а за ним на вершине небольшого холма увидишь расположенные кругом древние камни. За этим холмом — небольшая зеленая долина, а затем старый лес. Дом миссис Мабб стоит между камнями и лесом, но ближе к лесу.

— Ох! — только и произнесла Вениша.

На следующий день Фанни отвергла предложение Вениши снова сходить в деревню за хлебом, вместо этого послала ее с корзиной овощей и кастрюлей супа нанести благотворительный визит одному нуждающемуся семейству в Пайпере. «Поскольку, — сказала Фанни, — рассеянность при покупках обходится недешево, но если Вени-

ша отдаст суп каким-нибудь другим беднякам, разница невелика».

Вениша отнесла корзину бедной семье в Пайпере, но на обратном пути пролезла в прореху в ограде, где узкая, извивающаяся тропка отходила от главной дороги и постепенно спускалась вниз. Мощные старые деревья росли с обеих сторон, их ветки переплетались над тропинкой, образуя тенистый навес, пробивающиеся сквозь листву лучи солнца выхватывали из тени то кустик фиалок, то несколько стебельков травы. Никакой другой английский пейзаж сейчас не мог бы быть приятнее глазу Вениши, чем эта зеленая тропинка, потому что это была та самая тропинка, о которой Фанни говорила, что она ведет к дому миссис Мабб, и все мысли Вениши были только об этом доме и его обитателях. «Может быть, — думала она, — я просто немножко прогуляюсь по тропинке. Мне хотелось бы убедиться, что он счастлив. Так что если это не очень далеко, я, может быть, подойду и взгляну на дом».

Как она предполагала убедиться в том, что капитан счастлив, взглянув издали на чужой дом, она сама точно не представляла, но продолжала идти по тропинке, миновала заросший камышами пруд, поднялась к древним камням и пошла дальше, пока не добралась до места, где, казалось, существовали только округлые зеленые холмы, и больше ничего.

Здесь было тихо и безлюдно. Трава, росшая на холмах и в долине, была нетронута, словно водная гладь, — в довершение сходства под ветром по ней пробегала рябь. На противоположном холме стоял старинного вида дом из серого камня. Это был очень высокий дом, почти что башня, окруженный высокой каменной стеной, в которой не было видно ни калитки, ни ворот; ни одна тропка не вела к этому дому. Но, как бы ни был высок дом, еще выше поднимался за ним освещенный солнцем лес. И Венише никак не удавалось отделаться от дурацкой мысли, что на самом деле она смотрит на очень маленький дом, который мог бы принадлежать полевой мыши, или пчеле, или бабочке, — домик среди травы.

«Не надо здесь больше оставаться, — подумала Вениша. — А что, если я случайно встречу капитана или миссис Мабб? Подумать страшно!»

Она повернулась и пошла прочь очень быстро, но не успела уйти далеко, как услышала позади стук копыт.

«Не стану оборачиваться, — подумала она, — потому что, если это капитан Фокс, я уверена, он будет так добр, что позволит мне спокойно вернуться домой».

Но стук копыт приближался, теперь казалось, что целая армия скачет среди тихих холмов. Вениша в изумлении обернулась посмотреть, что бы это могло быть.

На Венише было старинного фасона платье из тонкой синей шерсти. Лиф расшит лютиками и маргаритками, талия занижена. Юбка не очень длинная, но с множеством льняных нижних юбок. Минуту или две она раздумывала над своим нарядом.

«Наверное, — решила она, — это костюм молочницы, или пастушки, или какой другой сельской жительницы. Как странно! Не могу припомнить, чтобы я когда-нибудь была молочницей или пастушкой. Наверное, я должна играть роль в какой-то пьесе — но боюсь, я совсем не готова, ведь я не помню ни одной реплики».

— Щеки немного порозовели, — послышался встревоженный голос Фанни. — Как вам кажется,

мистер Хокинс?

Вениша обнаружила, что находится в гостиной Фанни. А мистер Хокинс стоит на коленях на каменных плитах пола перед ее креслом. Рядом — таз с водой, над которой поднимается пар, а за ним пара старых шелковых бальных туфель. Мистер Хокинс мокрым полотенцем протирал ей ноги. Это тоже было странно — ей никогда прежде не приходилось видеть его за подобным занятием. Потом он начал очень сосредоточенно промокать ей лицо.

— Осторожнее, мистер Хокинс! — воскликнула его жена. — Не напустите мыла девочке в глаза! О, моя дорогая! Я в жизни не была так напугана, как когда тебя принесли домой! Думала, упаду в обморок, и мистер Хокинс того же мнения.

Фанни была серьезно встревожена, это отразилось на ее лице. У нее всегда были запавшие глаза и впалые щеки — сказывались пятнадцать лет борьбы с нуждой, — но сейчас от страха щеки впали еще глубже, глаза были круглыми, испуганными, а нос заострился и стал похож на кончик ножниц.

Какое-то время Вениша смотрела на Фанни, пытаясь понять, что ее так встревожило. Затем, опустив взгляд на свои руки, поразилась, на-

сколько они исцарапаны. Провела рукой по лицу и почувствовала боль.

Она вскочила. На противоположной стене было небольшое зеркало — девушка увидела, что лицо ее в синяках, а волосы всклокочены. От ужаса Вениша громко вскрикнула.

Поскольку она не помнила ничего, что с ней произошло, Фанни поведала — с множеством отступлений и восклицаний, — что ее нашел молодой человек, фермер по фамилии Первис, когда она шла по тропинке. Она была совершенно не в себе и на все вопросы Первиса бормотала что-то бессвязное о серебряных бубенцах и развевающихся в небе зеленых знаменах. Потребовалось некоторое время, чтобы выяснить, кто она и откуда. Одежда ее была разорвана, туфли исчезли. Мистер Первис посадил Венишу на свою лошадь и отвез к себе домой, где его мать напоила ее чаем, переодела в это старинное платье и обула в бальные туфельки.

— Ох, дорогая, — спросила Фанни, — неужели ты не помнишь, что с тобой произошло?

— Нет, ровным счетом ничего, — ответила Вениша. — Я отнесла суп Пизонсам, как ты меня просила, — а что же я делала потом? Кажется, я куда-то пошла. Но куда? Почему я ничего не могу

вспомнить?

Мистер Хокинс, все еще стоя на коленях перед Венишей, приложил палец к губам в знак того, что ей не следует волноваться, и начал осторожно поглаживать ее лоб.

— Ты свалилась в канаву, дорогая, — сообщила Фанни. — Только и всего. Конечно, ты постаралась забыть о таком неприятном случае. — Она принялась плакать. — Ты всегда была беспамятной, Вениша.

Мистер Хокинс снова приложил палец к губам в знак того, что Фанни тоже волноваться не следует, и похлопал ее по руке, ухитряясь в то же время поглаживать лоб Вениши.

— Фанни, — спросила Вениша, — сегодня проходили солдаты?

— Проходили солдаты? — повторила Фанни. Она оттолкнула руку мистера Хокинса и громко высморкалась. — Что ты имеешь в виду?

— Вот что я сегодня делала. Я вспомнила. Я наблюдала, как шла конница.

— Не проходили сегодня никакие солдаты, — ответила Фанни. — Думаю, они в своих казармах.

— Хорошо, что же я тогда сегодня видела? Сотни солдат в полном снаряжении, которое блестит на ярком солнце, и звук серебряных бубенчиков,

когда они проезжают рядом…

— Ох, Вениша, — воскликнула Фанни в большом раздражении, — перестань говорить ерунду, не то нам с мистером Хокинсом придется послать за врачом, а это обойдется в гинею, да еще траты на лекарства…

Фанни разразилась долгим монологом о дороговизне услуг доктора и мало-помалу пришла в такое беспокойство, что, казалось, она нездорова не меньше Вениши. Вениша поспешила успокоить ее: доктор вовсе не нужен — и пообещала больше не упоминать о скачущей мимо коннице. Затем удалилась в свою комнату и внимательно себя осмотрела.

Только царапины и синяки, тяжелых ран не было. «Наверное, — подумала она, — я упала в обморок, но это странно, ведь раньше со мной ничего подобного не случалось».

И когда домашние собрались за ужином — что в тот день произошло довольно поздно, — о странном приключении Вениши никто не упоминал, если не считать сожалений Фанни о том, что Первисы все еще не вернули платье.

На следующее утро Венише было трудно шевелиться, все тело болело. «Кажется, — подумала она, — будто я два или три раза упала с лошади».

Ощущение было знакомое. Прошлой осенью капитан Фокс учил девушку ездить верхом. Они поднимались на плоскогорье над Киссинглендом, и капитан Фокс сажал спутницу на спину Прекрасной Дамы. Под ними золотистыми оттенками осени переливалась деревня, в окнах домов мерцали огоньки свечей. От костров в садах мистера Граута поднимались столбы синего дыма.

«Как мы были счастливы! Только Пен Харрингтон вечно догадывалась, куда мы собираемся, и настаивала на том, что поедет с нами. Ей всегда хотелось, чтобы капитан уделял ей внимание, и он — воплощенное благородство — вынужден был это делать. Она очень утомительна. Да, а сейчас я ничуть не лучше ее или любой из тех девушек, которым нравился капитан и которыми он пренебрег ради миссис Мабб. Было бы гораздо естественнее, если бы я ненавидела капитана и чувствовала сестринскую симпатию к бедняжке Пен…» Она немного посидела, пытаясь пробудить в себе именно эти чувства, но спустя минут пять обнаружила, что не стала любить Пен больше, а капитана меньше.

«Я думаю, дело в том, что трудно испытывать сочувствие к девушке, которая носит ярко-желтое платье с сиреневой отделкой, — сочетание ярко-

желтого и сиреневого так ужасно. А что касается вчерашнего, мне кажется, самое правдоподобное объяснение, что я упала в обморок на тропинке, а мистер Первис нашел меня, подобрал и посадил на коня, а затем уронил — поэтому я вся в синяках, а платье порвалось. И наверное, он смущен и не рассказывает об этом — что можно понять. Капитан, — подумала она и вздохнула, — ни разу не дал мне упасть с коня».

Этим же утром, трудясь на кухне (Вениша лущила горох, а Фанни делала сдобное тесто), сестры неожиданно услыхали, как подъехала повозка.

Фанни выглянула в окно.

— Это Первисы, — сообщила она.

Миссис Первис, полная жизнерадостная женщина, увидев Венишу, тихонько вскрикнула и сердечно обняла ее. От миссис Первис сладко пахло молоком, свежим хлебом и свежевскопанной землей, словно она провела утро на маслобойне, на кухне и в огороде — да так оно и было на самом деле.

— Осмелюсь сказать, мэм, — обратилась миссис Первис к Фанни, — вас удивляет моя сердечность, но если бы вы только видели мисс Мур, когда Джон привел ее, бледную и дрожащую, думаю, вы бы меня извинили. Я знаю, что мисс Мур меня

извинит, потому что мы с ней сделались большими друзьями, пока она гостила у меня на кухне.

«Действительно сделались?» — подумала Вениша.

— И вот, моя дорогая, — продолжала миссис Первис, роясь в большой холщовой сумке, — я принесла вам маленькую фарфоровую пастушку, которая вам так понравилась. Ох, не благодарите меня. У меня еще с полдюжины разных фигурок, а времени разглядывать их нет. А вот это, мэм, — почтительно обратилась она к Фанни — спаржа, и клубника, и шесть прекрасных гусиных яиц. Осмелюсь сказать, и вы согласитесь со мной, неудивительно, что наши юные леди падают в обморок, когда они такие худенькие.

Фанни любила гостей, а миссис Первис была гостьей такого типа, которые были ей особенно приятны, — она обращалась к Фанни, как и должна вдовствующая фермерша обращаться к жене священника, и беззлобно сплетничала. Фанни пришла в благодушное настроение и дала Первисам по маленькому печенью.

— У меня была бутылка доброй мадеры, — сказала она им, — но, боюсь, там ничего не осталось.

Чистая правда — мистер Хокинс докончил ее на Рождество восемь лет назад.

О платье старинного фасона миссис Первис сказала следующее:

— Оно принадлежало моей сестре, мисс Мур. Она была почти такая же хорошенькая, как вы, и умерла примерно в вашем возрасте. Вы можете оставить его себе, хотя я думаю, вы предпочитаете новые фасоны, как другие юные леди.

В самом конце визита миссис Первис закивала и стала делать знаки сыну, чтобы он что-то сказал. Тот выразил удовольствие видеть мисс Мур в гораздо лучшем состоянии и надежду, что миссис Хокинс не будет против, если он зайдет к ним снова через день-другой. Бедный Джон Первис! Румянец на его щеках красноречиво свидетельствовал, что приключениями вчерашнего дня был нанесен ущерб не только Венише; ее спаситель, казалось, тоже получил рану, но в сердце.

Когда они ушли, Фанни заметила:

— Она кажется очень порядочной женщиной. Однако странно, что она не привезла твою одежду. Я несколько раз собиралась спросить ее об этом, но не успевала открыть рот, как она заговаривала о чем-то еще. Не могу понять, зачем она так долго держит у себя твое платье. Может быть, собирается продать? Ведь мы только с ее слов знаем, что платье порвано.

Фанни могла бы довольно долго продолжать в том же духе, но, едва начав говорить, она обнаружила, что оставила свою рабочую шкатулку в спальне, и послала Венишу за ней наверх.

На тропинке под окнами спальни Фанни миссис Первис и ее сын готовились к отъезду. Вениша видела, как Джон Первис достал из кузова старой брички большое деревянное ведро и поставил его на землю вверх дном, чтобы матери было удобнее взбираться.

Вениша слышала, как миссис Первис сказала:

— Ну, мне полегчало, когда я увидела, что она выглядит намного лучше. Великое счастье, что она ничего не помнит.

Тут Первис ответил ей что-то, но он стоял отвернувшись, и Вениша не могла расслышать его слов.

— Это были солдаты, Джон, я совершенно уверена. Ее платье иссечено шпагами и саблями. Если бы они увидели, как было изрезано ее платье, когда ты нашел бедняжку, то, я уверена, напугались бы до смерти. Думаю, что этот капитан Фокс — тот самый, о котором я рассказывала тебе, Джон, — послал своих солдат напугать ее. И как бы жесток он ни был по отношению к ней, она, может быть, все еще любит негодяя. Скорее всего,

так и есть, ведь у нее такое нежное сердце…

— Боже мой! — прошептала в изумлении Вениша.

Поначалу она даже не ощутила ужаса, его затмила обида за капитана. «Действительно, эта женщина была очень добра, приютив меня, но она очень глупа, если выдумывает такие небылицы о капитане Фоксе. Он человек чести во всем и никогда не причинил бы мне вреда — если бы ему не пришлось, разумеется, преследовать меня по долгу службы». Но затем, когда перед ее мысленным взором возникло бедное, жестоко пострадавшее платье, неприятное впечатление от слов миссис Первис усилилось, и Вениша в испуге задумалась: «Что же, ради всего святого, со мной приключилось?»

Но никакого удовлетворительного ответа девушка не нашла.

На следующий день после обеда Вениша почувствовала необходимость прогуляться на свежем воздухе и сказала Фанни, что ненадолго выйдет. Она прошла по Черч-лейн, завернула за угол двора Блюиттов, подняла взгляд на стену вокруг огорода мистера Граута и — ох! — увидела нечто настолько страшное, что ноги у нее подкосились и она упала на землю.

— Юная леди! Юная леди! Что случилось? — послышался голос. Появились мистер Граут и его экономка, миссис Бейнс. Они смутились, увидев Венишу чуть ли не ползущей по земле, а она не меньше смутилась оттого, что ее увидели в таком положении. — Юная леди! Что, ради всего святого, с вами случилось?

— Мне показалось, что я вижу ряды солдат, идущих прямо на меня, — ответила Вениша, — но теперь я понимаю, что приняла верхушки берез за бледно-зеленые знамена, развевающиеся на ветру.

Мистеру Грауту, судя по лицу, было не очень ясно, о чем она говорит.

Миссис Бейнс сказала:

— Ну, моя дорогая, что бы это ни было, стакан марсалы, безусловно, пойдет вам на пользу.

И хотя Вениша уверяла, что с ней все в порядке и что она через минуту-другую перестанет дрожать, они привели ее в дом, усадили у камина и дали ей марсалы.

Мистер Граут был юристом, который много лет назад обосновался в Киссингленде, где жил тихо и скромно. Он обходился с соседями по-дружески, и все считали его прекрасным человеком, пока он внезапно не разбогател и не купил две фермы

в Найтсвудском округе. Это было не так давно, но с этих пор мистер Граут приобрел репутацию самого сумасбродного землевладельца, который грубо обращается с фермерами, работающими на него, и поднимает арендную плату, как ему заблагорассудится.

— Может быть, вы хотите что-нибудь съесть? — спросил у Вениши мистер Граут. — Моя превосходная миссис Бейнс пекла сегодня, если я не ошибаюсь. Я чувствую запах яблочных пирогов.

— Я ничего не хочу, сэр, спасибо, — ответила Вениша и, не зная, что еще сказать, добавила: — Думаю, я не переступала порога вашего дома с тех пор, как была девочкой.

— В самом деле? — переспросил мистер Граут. — Тогда вы заметите множество перемен к лучшему! Удивительная вещь, юная леди, но богатство не каждому на пользу. Некоторым достаточно одного упоминания о большом количестве денег, чтобы ощутить тревогу. По счастью, я могу хладнокровно думать о любом богатстве. Деньги, моя дорогая, дают больше, чем материальные удобства; они снимают с плеч бремя забот, придают силу и решительность действиям и нежность цвету лица. Они приводят в хорошее настроение и самого человека, и весь мир вокруг.

Когда я был беден, на меня не стоило и смотреть.

По всей видимости, деньги и впрямь произвели какие-то странные перемены в мистере Грауте: его сутулость исчезла, а вместе с нею и все морщины; серебряные волосы сияли так, что порой казались нимбом; глаза и кожа блестели, и это не было слишком приятно. Не составляло труда заметить, что его распирает от тщеславия, и теперь он улыбался Венише, словно приглашая немедленно в него влюбиться.

— Да, сэр, — согласилась Вениша, — я уверена, что вы, как никто, заслуживаете богатства. Очевидно, вы умело вложили деньги.

— Нет, вовсе нет. Все мое богатство происходит из благородного источника, от одной важной дамы, которой я оказывал и оказываю деловые услуги, что, могу сказать, очень хорошо вознаграждается. Эту даму зовут миссис Мабб.

— Ох! — воскликнула Вениша. — Именно ее мне так хочется увидеть.

— Не сомневаюсь в этом, юная леди, — тонко улыбнулся мистер Граут. — Ведь она заполучила вашего возлюбленного, храброго капитана Фокса, не так ли? О, не надо делать вид, будто это не так, поскольку, как вы видите, я все знаю. Потерпеть поражение от такой соперницы, как

миссис Мабб, не стыдно. Миссис Мабб — бесценная жемчужина, она выше всяких похвал. Душа радуется малейшему движению ее руки. Ее улыбка подобна солнцу… Нет! Она краше солнца! Можно с радостью прожить всю жизнь в темноте ради одной улыбки миссис Мабб. О, юная леди! А изгиб шеи миссис Мабб! Ее бровь! Ноготок на мизинце! Само совершенство!

Вениша вздохнула.

— Хорошо, — сказала она и, не зная, что еще добавить, вздохнула снова.

— В юности, я полагаю, она трудолюбиво увеличивала собственные владения и приводила в порядок дела своих родственников и приживалов. Их много, и все они живут с нею вместе, но со временем мирская суета стала утомлять ее, и вот уже много лет, как она предпочитает уединение. Она проводит время дома, за рукоделием. Я сам имел честь разглядывать, ярд за ярдом, самую изысканную вышивку, собственноручно выполненную миссис Мабб. И все ее незамужние сестры, и старые девы-тетки, и прочие родственницы, которых она держит при себе из милости, много занимаются вышиванием, поскольку миссис Мабб не потерпит безделья.

— Она живет близ Пайпера, правда? — спроси-

ла Вениша.

— Близ Пайпера! — воскликнул мистер Граут. — О нет! Откуда вы взяли? Дом миссис Мабб расположен гораздо ближе и совсем в другой стороне. До него можно добраться, если пойти по узенькой тропке через церковный двор и выйти в арку, увитую плющом. Тропинка, утопающая в конском щавеле и наперстянке, проходит мимо небольшого пруда, заросшего камышами, и поднимается на гладкий зеленый холм. На вершине холма следует пройти через пролом в разрушенной старой каменной стене — и окажешься в саду миссис Мабб.

— Как странно! — сказала Вениша. — Ведь я была уверена, кто-то сказал мне, что она живет близ Пайпера. Однако, сэр, я обещала сестре, что уйду ненадолго, и она станет волноваться, если я вскоре не вернусь.

— О, а мы только начали знакомиться! — огорчился мистер Граут. — Я надеюсь, моя дорогая, вы не из тех чопорных юных леди, которые боятся остаться наедине со старым другом. Ведь я как-никак старый друг, хотя и выгляжу столь молодо.

На Черч-лейн Вениша приподнялась на цыпочки и посмотрела через церковную ограду.

— Так вот где тропинка, ведущая к дому миссис

Мабб, вот где арка, увитая плющом!

Она не помнила, что видела их прежде. «Ну, я думаю, ничего плохого не случится, если я потихоньку пойду и взгляну на ее дом».

И, совсем забыв собственные слова, сказанные мистеру Грауту — о том, что Фанни станет беспокоиться, если сестра не вернется скоро, — Вениша проскользнула в церковный двор, затем под обвитую плющом арку, прошла мимо пруда и в конце концов добралась до разрушенной стены.

Удивительно, почему такая важная дама не приказала сделать парадные ворота — какая-то неудобная дыра в старой стене!

Вениша прошла сквозь пролом.

Высокие величественные старые деревья вольготно расположились вокруг бархатистого зеленого луга. Каждое дерево с аккуратно подстриженной круглой кроной было выше киссинглендской церкви, каждое хранило собственную тайну, от каждого падала длинная тень, такая же таинственная, как и само дерево. Высоко-высоко вверху, в синем небе, висела крошечная луна, похожая на собственный хрупкий призрак.

«О, как тут тихо и пусто! Сейчас я совершенно уверена, что можно подождать и не возвращаться домой, ведь я никогда прежде не бывала в таком

уединенном месте. В любой момент могут послышаться серебряные бубенчики и стук копыт, я знаю, что так и произойдет! Но ничего похожего на дом я не вижу».

Все-таки что-то там было; в конце лужайки стояла построенная на старинный манер круглая башня из серого камня с бойницами наверху и тремя темными щелями окон. Это была довольно высокая башня, но, несмотря на ее высоту, живая изгородь из бледно-розовых роз, что находилась за ней, была еще выше, и Вениша не могла отделаться от мысли, что на самом деле башня крошечная — башня для муравья, или пчелы, или птицы.

«Наверное, меня сбивает с толку эта высоченная изгородь. Скорее всего, это летний домик. Интересно, как попасть внутрь, — я не вижу двери. О! Кто-то играет на флейте, хотя самого музыканта не видно. Теперь барабан! Странно, что я не вижу, кто играет. Интересно, что, если… Два шага вперед, реверанс, поворот…»

Слова эти непроизвольно возникли в ее мозгу, и ноги сами начали двигаться. Она принялась танцевать и нисколько не удивилась, когда в нужный момент кто-то взял ее протянутую руку.

Кто-то тихонько плакал и, как и в прошлый раз,

мистер Хокинс стоял на коленях перед креслом, на котором сидела Вениша, и омывал ей ноги.

«Хотя, — подумала она, — вряд ли они будут чистыми, если мыть их в крови».

Вода в тазу была ярко-красной.

— Фанни, — позвала Вениша.

Плач утих, и раздался негромкий звук — не то писк, не то фырканье, — свидетельствовавший, что Фанни рядом.

— Фанни, сейчас вечер?

— Рассвет, — ответила Фанни.

Вениша охнула.

Шторы в гостиной были раздвинуты, но в сером предутреннем свете они утратили свой ярко-желтый цвет. И все за окном: огород Фанни, амбар Робина Толлидея, поле Джона Хакера, Господне небо, английские облака, — все было видно необыкновенно отчетливо, но все без цвета, словно залитое серой водой. Фанни снова принялась плакать. «Наверное, у нее что-то болит, — подумала Вениша, — ведь ощущается какая-то боль».

— Фанни, — сказала она.

— Да, дорогая?

— Я очень устала.

Фанни что-то ответила, но Вениша не услышала, она повернула голову, а когда открыла глаза,

то обнаружила, что лежит в постели, а Фанни сидит в плетеном кресле и штопает дырку на рубашке мистера Хокинса, шторы раздвинуты, и в окно светит яркое солнце.

— Ох, Вениша, — вздохнув, произнесла Фанни и безнадежно покачала головой. — Где, ради всего святого, ты была? И что, ради всего святого, ты делала?

Вопрос был из тех, что не предполагают ответа, но Вениша все же попробовала ответить:

— Я помню, что выпила стакан вина в доме у мистера Граута, но я так и сказала ему, что должна торопиться домой, потому что ты меня ждешь. Я не вернулась домой, Фанни?

— Нет, Вениша, — ответила Фанни, — не вернулась.

И Фанни рассказала Венише, как они с мистером Хокинсом и другими соседями всю ночь искали ее, а под утро Джон Хакер и Джордж Баттерли заглянули на церковный двор и увидели светлое платье Вениши — сама она кружилась под большим деревом, кружилась и кружилась, широко раскинув руки. Чтобы остановить девушку, им обоим пришлось крепко держать ее.

— Две пары туфель, — вздохнула Фанни, — одни потерялись, другие в клочья. Ох, Вениша, о

чем ты только думала?

Очевидно, Вениша снова уснула, потому что, когда она очнулась, день клонился к вечеру. Донесся звон тарелок, — наверное, Фанни накрывала на стол к ужину. Перемещаясь из гостиной в кухню и обратно, она разговаривала с мистером Хокинсом:

— …И даже если дело до того дойдет, ее не следует отправлять в сумасшедший дом. Не могу и подумать о том, что она окажется в одном из этих ужасных мест, где с больными так дурно обращаются. Нет, нет. Имейте в виду, мистер Хокинс, я против…

«Как будто он это предлагает, — подумала Вениша, — он так добр ко мне».

— …Возьму на себя смелость сказать, что сумасшедших содержать не дороже, чем здоровых, — если, скажем, не считать расходов на лекарства и кресло, к которому их привязывают.

На следующее утро, когда Фанни, Вениша и мистер Хокинс завтракали в гостиной, послышался громкий стук в дверь. Фанни пошла открывать и через минуту вернулась с мистером Граутом, который не стал тратить времени на извинения или объяснения, а сразу же обратился к Венише тоном величайшего неудовольствия:

— Юная леди! Я срочно послан к вам миссис Мабб, которая просила меня передать, что не желает, чтобы вы тайком ходили вокруг ее дома.

— Ха! — воскликнула Вениша так громко, что Фанни испугалась.

— Родственники и приживалы миссис Мабб, — продолжал мистер Граут, весьма сурово глядя на злорадное выражение лица Вениши, — все были напуганы до смерти вашим странным поведением. Из-за вас ее престарелые дядюшки плохо спали, дети боялись ложиться вечером в свои постельки, а горничные переroняли всю посуду на пол. Миссис Мабб жалуется, что во всем доме не осталось ни одного полного сервиза! Она говорит, что в маслобойках у нее нет масла, потому что ваш зловещий вид привел в ужас ее коров. Мисс Мур, перестанете ли вы мучить эту даму?

— Пусть миссис Мабб отдаст мне капитана Фокса, — ответила Вениша, — и она больше никогда не услышит обо мне.

— Ох, Вениша! — воскликнула Фанни.

— Но юная леди! — вскричал мистер Граут. — Ведь капитан любит именно миссис Мабб. Мне казалось, я вам объяснил, что миссис Мабб хороша, как цветок яблони на ветке. Один взгляд ее глаз…

— Да-да, знаю, — нетерпеливо перебила его Вениша. — Вы мне все это говорили. Но это просто чепуха. Капитан любит меня. В противном случае он отказал бы мне сам — или, по крайней мере, прислал бы письмо, — но я не видела его и не получала от него вестей с тех пор, как вернулась из Манчестера. О! Не говорите мне, что миссис Мабб запретила ему приходить или еще какую-нибудь глупость в этом роде, — капитан Фокс не тот человек, которому кто-то может помешать исполнить свой долг. Нет, судя по всему, это очередная выходка миссис Мабб.

— Юная леди! — в страшном смятении воскликнул мистер Граут. — Нехорошо, когда такая молодая, не имеющая никакого веса особа, как вы, клевещет на важных людей, знатных и владеющих собственностью!

— Мистер Граут! — воскликнула Фанни, не в силах больше ни минуты молчать. — Не говорите с моей сестрой таким образом! Выбирайте более мягкие выражения, сэр! Разве вы не видите, что девочка нездорова? Мне, разумеется, очень жаль, что миссис Мабб столь обеспокоил визит Вениши, хотя, должна сказать, вы содействовали этому, и, чтобы быть справедливой по отношению к Венише, следует заметить, что все коровы

и дядюшки этой дамы, должно быть, чрезвычайно нервные создания, если они впали в такое плачевное состояние оттого, что бедная больная девушка на них взглянула! Но я вам скажу, что собираюсь сделать.

Чтобы Вениша не гуляла по округе и не причиняла беспокойства соседям, я спрячу зеленые туфельки, которые ей дали Первисы, — а это единственные ее туфли — там, где она не сможет найти их, и, — торжественно заключила Фанни, — ей придется сидеть дома!

Мистер Граут посмотрел на Венишу в надежде, что она признает свое поражение.

Но Вениша только любезно произнесла:

— Вы слышали мой ответ, сэр, советую пойти и передать его вашей госпоже. Насколько я могу судить, миссис Мабб не терпит промедления.

Два следующих дня Вениша только и ждала возможности пойти поискать дом миссис Мабб, но все это время Фанни не оставляла ее одну и в то же время уклонялась от расспросов о миссис Мабб. Но на третий день после обеда Фанни пришлось отлучиться из дома, чтобы отнести чай из соцветий бузины, мятную наливку и прочие снадобья служанке Джона Хакера, которая сильно простудилась. Когда Фанни направилась по

Черч-лейн к ферме Хакера, зеленые шелковые бальные туфельки, скорее всего, лежали у нее в корзинке, поскольку Вениша не обнаружила их, как ни искала.

Поэтому она обмотала ноги тряпками и вышла из дома.

В золотом солнечном свете, рядом с тем, что жители Киссингленда гордо именовали рекой, а менее пристрастные люди, наверное, назвали бы ручьем, в свежей зеленой долине, среди цветущих деревьев играли дети. Мальчик с жестяным свистком был герцогом Веллингтоном, другой, с барабаном, изображал целую английскую армию, а четыре маленькие девочки в светлых муслиновых платьицах, испачканных травой, воплощали жестокость и неукротимый дух Наполеона и его генералов.

К тому времени, как Вениша в поисках миссис Мабб дошла до речки, у нее устали ноги. «Хорошо было бы остановиться и погрузить их в воду», — подумала она, но только подошла поближе, как мальчики принялись с помощью свистка и барабана исполнять какой-то печальный мотив.

На Венишу напал необъяснимый страх, и она едва сознавала, что делает. Когда она пришла в себя, то обнаружила, что крепко держится за руку

очень удивленной девочки лет восьми-девяти.

— Ох, прошу прощения. Это музыка так напугала меня, — сказала Вениша. А поскольку девочка глядела на нее с изумлением, продолжила: — Знаешь, я раньше любила музыку, а теперь мне от нее нехорошо. Как только я заслышу флейту или барабан, мне начинает казаться, что я обязана танцевать и танцевать без остановки. С тобой такого никогда не случалось?

Девочки глядели на Венишу с удивлением, но не отвечали. Их звали Хиби, Марджори, Джоан и Нэн, но Вениша не имела об этом понятия. Она сполоснула ноги в воде и легла отдохнуть — потому как все еще была очень слаба — на мягкую зеленую траву. Она слышала, как Хиби, Марджори, Джоан и Нэн объясняли остальным, что мисс Мур, и это все знают, сошла с ума от любви к красавчику-капитану Фоксу.

Девочки обрывали маргаритки и загадывали желания. Одна пожелала иметь небесно-голубую карету с серебряными украшениями, другая — увидеть в киссинглендской речке дельфина, третья — выйти замуж за архиепископа Кентерберийского и носить украшенную бриллиантами митру (что, как она считала, подобало бы ей как жене архиепископа, хотя остальные не были в

этом уверены), четвертая — чтобы у нее на ужин были хлеб со смальцем.

— А я бы желала знать, где найти дом миссис Мабб, — сказала Вениша.

На мгновение воцарилась тишина. Затем то ли Хиби, то ли Марджори, или Джоан, или Нэн пренебрежительно заметила, что всем известно, где он.

— Наверное, всем, кроме меня, — сказала Вениша синему небу и проплывающим облакам.

— Миссис Мабб живет в глубине сада у Билли Литтла, — произнесла одна из девочек.

— За большой кучей капустных листьев, — добавила другая.

— Мне кажется, мы говорим о разных людях, — сказала Вениша. — Насколько я понимаю, миссис Мабб очень красива.

— Да, конечно, — согласилась первая, — самая красивая дама, какая когда-либо жила на свете. У нее есть кучер…

— …лакей…

— …учитель танцев…

— …и сто придворных дам…

— …а одной из придворных дам достается всякая невкусная еда от ужина миссис Мабб, а сама миссис Мабб ест только жареную свинину, сли-

вовый пирог и клубничный джем…

— Понимаю, — сказала Вениша.

— …и все они вместе живут в глубине сада Билли Литтла.

— Им не кажется, что это неподходящее место? — спросила Вениша, поднимаясь с травы.

Но Хиби, Марджори, Джоан и Нэн не считали, что сад Билли Литтла неподходящее место для дома миссис Мабб. Еще они смогли сообщить Венише, что миссис Мабб по утрам пьет кофе из желудевой чашечки, что ее камергер — дрозд, а кучер — скворец и что сама она «не больше перечницы».

— Хорошо, — сказала Вениша, — то, что вы рассказываете, очень странно, но не более странно, чем то, что случалось со мной за последнее время. Мне кажется, одно с другим сходится, и, возможно, вы будете так добры и покажете мне, где я могу найти этот любопытный дом.

— Ох! — произнесла одна из девочек, в тревоге прижав руку к губам.

— Лучше бы вы этого не делали, — дружелюбно заметила другая.

— Она может превратить вас в масло, — сказала третья.

— Которое может растаять, — добавила чет-

вертая.

— Или в пудинг.

— Который можно съесть.

— Или в ваш портрет на белой бумаге.

— Который кто-нибудь, сам того не желая, может бросить в огонь.

Но Вениша настаивала, чтобы ее прямо сейчас отвели к дому миссис Мабб, и в конце концов девочки согласились.

Билли Литтл, старый фермер с весьма вздорным характером, жил в ветхом разваливающемся домишке на Шиллинг-лейн. Он враждовал со всеми детьми Киссингленда, и все дети Киссингленда враждовали с ним. Сад находился за домом, и Вениша, Хиби, Марджори, Джоан и Нэн должны были, пригнувшись, прокрасться мимо его незанавешенного окна.

Кто-то стоял на подоконнике. Дама в яркой одежде с сердитым лицом.

— А, вот вы наконец-то! — воскликнула Вениша. Она выпрямилась и обратилась к даме со следующими словами: — Ну, мадам, если я побеспокою вас одним или двумя вопросами…

— Что вы делаете? — зашипели на нее Хиби, Марджори, Джоан и Нэн. Они схватили ее за платье и заставили снова пригнуться.

— Разве вы не видите? — спросила Вениша. — Миссис Мабб над нами, на подоконнике.

— Это не миссис Мабб! — прошептали Хиби, Марджори, Джоан и Нэн. — Это просто кружки Билли Литтла, «Бетси» и «Тоби»{15}.

Вениша откинула голову и увидела фарфорового кавалера фарфоровой дамы. Это действительно были кружки с большими ручками на спинах фарфоровых фигурок.

— Ну и прекрасно, — сердито сказала Вениша.

«А мне все равно хочется столкнуть ее с подоконника, — подумала она, — ведь, когда дело связано с миссис Мабб, ничего нельзя знать наверняка».

За кучей капустных листьев и потемневшей гниющей ботвы тропинка шла мимо печального пруда и вверх, по крутому берегу. На высоком берегу простиралась лужайка с ярко-зеленой травой, на одном конце которой лежала кучей дюжина или около того камней. Возможно, они

{15} Сноски: 27

Это просто кружки Билли Литтла, «Бетси» и «Тоби». — Кружка «Тоби» — керамический кувшин-кружка для эля в виде комической фигурки сидящего человека: обычно это был подвыпивший джентльмен в треуголке, с трубкой и кружкой, но мог быть матрос или мастеровой. Считается, что они получили имя от пьяницы по прозвищу Тоби Филлпот, который жил в Йоркшире в XVIII в. и стал персонажем популярной застольной песни. Аналогичные кружки в форме комической толстухи назывались «Бетси».

предназначались для пчелиного улья, но вполне вероятно также, были развалинами какой-то старой стены. Позади них росли цветы: наперстянка, подмаренник и лютики, так что легко было вообразить, что смотришь на башню или крепость.

— Как странно, — сказала Вениша, — кажется, я видела это место прежде. Я уверена, что видела.

— Вот она! — закричала одна из девочек.

Вениша оглянулась, и ей померещилось какое-то трепетание в воздухе. Бабочка, решила она. Она подошла ближе, и тень ее платья накрыла камни. От них исходил темный, влажный холод, которого не могли разогнать солнечные лучи. Вениша протянула руки, чтобы разломать дом миссис Мабб на куски, но в то же мгновение что-то бледно-зеленое (или кто-то) порхнуло из щели между камнями, затем еще и еще, пока воздух, казалось, не наполнился странными существами, кругом все мерцало, и Венише это мерцание напомнило о блестевших на солнце тысячах шпаг. Существа мелькали вокруг так быстро, что невозможно было уследить за ними взглядом дольше чем секунду. А Венише показалось, что они ринулись на нее, словно солдаты из засады.

— Ох! — закричала она. — Ох вы, мерзкие создания. Вы мерзкие, мерзкие создания!

И она принялась хватать их в сверкающем воздухе и сминать в руках. Вдруг Венише показалось, что они танцуют и что па в их танце, невероятно сложные, выдуманы затем, чтобы свести ее с ума; поэтому она с наслаждением сбивала их на землю и топтала их бледно-зеленый наряд. Но, хотя она была уверена, что некоторые существа погибли, а десятки других улетели, получив раны, количество их нисколько не уменьшилось. Постепенно ее порыв начал ослабевать; она почувствовала, что без сил падает на землю. Она подняла глаза и увидела над собой сквозь сумятицу битвы бледное личико девочки и услышала удивленный голос:

— Ведь это только бабочки, мисс Мур.

— Бабочки? — удивилась она.

— Это были только бабочки, голубушка, — сказала Фанни и погладила Венишу по щеке.

Она была в своей комнате, в собственной постели.

— Целая туча бледно-зеленых бабочек, — сказала Фанни. — Хиби, Марджори, Джоан и Нэн сказали, что ты кричала на них, и сбивала их на землю кулаками, и разрывала их на кусочки, пока не упала без чувств. — Фанни вздохнула. — Но я могла бы поручиться, что ты совсем этого не

помнишь.

— О нет, я все прекрасно помню! — ответила Вениша. — Хиби, Марджори, Джоан и Нэн привели меня к дому миссис Мабб, который, как ты, может быть, знаешь, находится в глубине сада Билли Литтла, а капитан Фокс был там, внутри, — по крайней мере, я так думала, — и если бы миссис Мабб не послала бабочек, чтобы помешать мне, я бы освободила его. И…

— Ох, Вениша! — раздраженно воскликнула Фанни.

Вениша разжала кулак и обнаружила несколько бледно-зеленых обрывков, похожих на смятую бумагу, но гораздо тоньше и совершенно невесомых: разорванные крылья двух-трех бабочек.

— Я победила вас, миссис Мабб, — прошептала она.

Она взяла кусок бумаги и завернула клочки крыльев. Сверху надписала:

«Для миссис Мабб».

Венише было нетрудно уговорить мистера Хокинса (который очень любил ее, а сейчас еще и беспокоился о ней) отнести сложенную бумагу мистеру Грауту.

На следующее утро она с надеждой ожидала возвращения капитана Фокса. Но он не появился,

и тогда она решила снова пойти его искать — этого, судя по всему, ожидали и Фанни, и мистер Хокинс, потому что Фанни спрятала бальные туфельки Вениши в пустой кроличьей клетке в саду, а мистер Хокинс извлек их оттуда полчаса спустя.

Мистер Хокинс поставил их снова под кровать Вениши, где она обнаружила их вместе со страничкой из записной книжки мистера Хокинса, на которой была начертана карта Киссингленда и окружающих его лесов, а в глубине этих лесов — дом миссис Мабб.

Внизу, на кухне, мистер Хокинс чистил башмаки Фанни, причем — удивительное дело — чистил так плохо, что Фанни пришлось стоять рядом и отчитывать его. Она не слышала, как Вениша выскользнула из дома и побежала по дорожке.

Судя по карте, дом миссис Мабб находился в лесах так глубоко, как Вениша никогда не заходила. Пройдя час или около того — а до дома миссис Мабб оставался еще добрый кусок пути, — она вышла на прогалину, окруженную мощными дубами, березами, бузиной и другими прекрасными английскими деревьями. На дальнем конце этой прогалины вдруг заклубилась туча бабочек,

они взмыли в пронизанный солнцем воздух, и появился человек. Но возник ли он из леса или из тучи бабочек, Венише рассмотреть не удалось. Волосы человека были каштановыми, с рыжеватым отливом, он был в синем мундире и белых рейтузах полка генерала Н.

— Вениша! — воскликнул он, едва завидев ее. — А я думал, вы уехали в Манчестер!

— Я и уезжала, мой дорогой, дорогой капитан Фокс, — сказала она, радостно подбегая к нему, — а теперь вернулась.

— Но это невозможно, — возразил капитан Фокс, — ведь мы расстались только вчера. Я еще подарил вам на память свою цепочку для часов.

Некоторое время они спорили, и Вениша несколько раз повторила, что с их последней встречи прошло почти четыре месяца, а капитан утверждал, что этого не может быть. «Как странно, — подумала Вениша, — все его достоинства я прекрасно помнила, но совершенно забыла, какой он несносный!»

— Хорошо, любовь моя, — сказала она, — я готова согласиться, что вы правы. Но может быть, вы объясните мне, почему деревья в этом лесу все в листьях и бутонах? Я помню, что они были голыми, когда я уезжала. А откуда взялись эти

розы? А мягкая свежая трава?

Тут капитан Фокс скрестил руки на груди и, нахмурясь, стал разглядывать деревья.

— Не могу объяснить, — произнес он наконец. — Но, Вениша, — продолжал он, повеселев, — вам ни за что не угадать, где я был все это время: у миссис Мабб! Она послала мне записку, приглашая меня быть четвертым партнером в карточной игре, но, когда я приехал, выяснил, что все, чего она хочет, — это говорить со мной любви и прочих глупостях. Я терпел, сколько мог, но, должен сказать, терпение мое начало иссякать. Право, Вениша, это очень странная женщина. У нее в доме почти нет мебели — только кресло для нее, а все остальные должны подпирать стены. И дом очень странный. Проходишь в дверь — собираясь, может быть, принести чашку из кухни или книгу из библиотеки — и вдруг оказываешься в рощице или на какой-то чертовой пустоши, или тебя вдруг обдают брызгами волны какого-то сумрачного моря. Ох! А кто-то — совершенно не представляю, кто бы это мог быть, — несколько раз подходил к дому, что приводило все семейство и слуг в большое волнение, поскольку этого визитера миссис Мабб категорически не желала видеть. Поэтому они предпринимали всевозмож-

ные усилия, чтобы избавиться от нежеланного гостя. Сколько труда они себе задали! А в последний раз некоторые из них были просто убиты.

Два окровавленных тела принесли домой не более чем час назад — завернутыми в бумагу, что несколько странно, как мне кажется, — а на ней было написано: «Для миссис Мабб». Я заметил, что миссис Мабб при виде их побледнела и объявила, что игра не стоит свеч и что, хотя она терпеть не может уступать кому бы то ни было, непозволительно, чтобы по этой причине погибали благородные сердца. Я рад был услышать это от нее, поскольку, на мой взгляд, ее нелегко в чем-либо убедить. Некоторое время спустя она спросила, не хотел бы я отправиться домой.

— А что вы делали, моя любовь, когда слуги миссис Мабб прогоняли этого докучливого визитера? — ласково спросила Вениша.

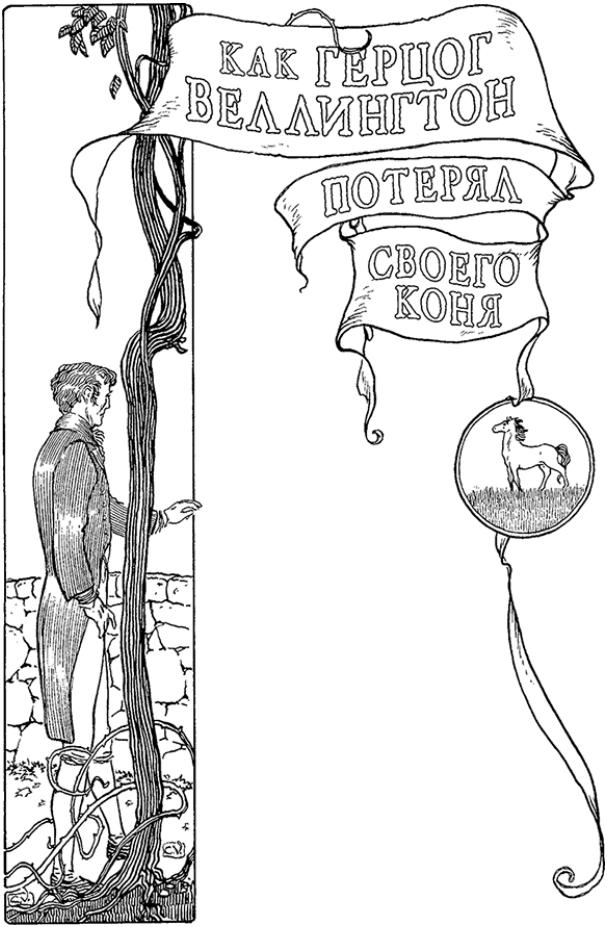
— Ох! Я тихонько дремал в углу гостиной и не мешал домочадцам буйствовать, если им так этого хотелось. Солдат — как, мне кажется, я уже говорил вам, Вениша, — должен уметь спать везде. Но представьте себе: хозяйка дома руководствуется страстями, а не разумом — как в этом случае, — и неразбериха и отсутствие дисциплины тут же сказываются на нижних чинах.

Такие вещи довольно часто можно наблюдать и в армии. — И капитан Фокс, развивая эту тему, принялся рассказывать о нескольких знакомых генералах, об их различных достоинствах и недостатках, а Вениша взяла его за руку и повела в Киссингленд.

Они довольно долго шли, и им было что сказать друг другу, а когда настали сумерки, пролился душистый дождь и птицы запели со всех сторон. Впереди показались два огня, при виде которых Вениша сначала встревожилась, но тут же обнаружилось, что это фонари, просто фонари, самая обычная вещь в мире; и почти тут же один из фонарей качнулся, осветив лицо Фанни.

— Ох, мистер Хокинс, — послышался ее радостный крик. — Вот она! Я нашла ее!

Как герцог Веллингтон потерял своего коня

КАК ГЕРЦОГ ВЕЛЛИНГТОН
ПОТЕРЯЛ
СВОЕГО КОНЯ

Эта история случилась в мире, созданном Нилом Гейманом и Чарльзом Вессом в романе «Звездная пыль». Застенье[1] *— деревня в Англии, где проходит Стена между миром людей и Волшебной страной. Если вам удастся ускользнуть от крепких поселян с увесистыми дубинками, охраняющих вход, вы окажетесь по ту сторону Стены. Впрочем, советую вам хорошенько подумать, прежде чем решиться на этот шаг.*

Жители деревни Застенье в ***шире славились независимым нравом. Не в характере местных было склонять головы перед вельможами. Они ни во что не ставили громкие титулы, а гордыню сильных мира сего строптивые поселяне презирали.

В 1819 году самым гордым человеком во всей Англии был, без сомнения, герцог Веллингтон, что неудивительно: тому, кто дважды разбивал французского императора Наполеона Бонапарта, вполне простительно иметь высокое мнение о собственной персоне.

В конце сентября Веллингтону случилось провести ночь в гостинице «Седьмая сорока». Всего одну ночь, но деревенским и герцогу хватило

---

[1] Сноски: 1
В другом переводе — Валл.

времени, чтобы поссориться. Началось с общего неудовольствия высокомерием каждой из сторон, а закончилось стычкой по поводу ножниц для рукоделия миссис Памфри.

Визит герцога пришелся на ту пору, когда мистер Бромиос был в отъезде. Время от времени он отправлялся куда-то купить вина. Люди судачили, что однажды, вернувшись из подобной отлучки, мистер Бромиос источал слабый запах моря, другие утверждали, что аниса. Гостиницу хозяин оставлял на попечение мистера и миссис Памфри.

В тот день миссис Памфри отправила мужа наверх — принести ножницы, забытые в гостиной, где как раз обедал Веллингтон. Однако герцог отослал мистера Памфри восвояси — он терпеть не мог, когда его беспокоили во время еды.

Стоит ли удивляться, что, подавая жаркое, миссис Памфри с грохотом опустила блюдо на стол. При этом почтенная дама одарила герцога взглядом, в котором читалось все, что она о нем думала. Это привело Веллингтона в ярость, и в сердцах он засунул ножницы в карман (с искренним намерением перед отъездом вернуть имущество хозяйке).

В тот же вечер в гостиницу прибыл бедный

священник по имени Дюзамур. Поначалу мистер Памфри сослался на отсутствие свободных комнат, однако, увидев, что священник путешествует верхом, решил, что нашел способ досадить сиятельному постояльцу. Мистер Памфри велел конюху Джону Кокрофту вывести благородного гнедого жеребца, принадлежащего Веллингтону, из теплого и удобного стойла, а на его место поставить древнюю серую кобылу Дюзамура.

— А герцогскую лошадь куда девать? — удивился Джон.

— Ах, герцогскую, — язвительно отвечал мистер Памфри, — пусть себе пасется с козами. За дорогой есть превосходный луг.

На следующее утро, проснувшись и выглянув в окно, герцог увидел своего любимого коня Копенгагена{16} мирно пасущимся на большом зеленом лугу. После завтрака Веллингтон вышел угостить любимца белым хлебом. У входа на луг почему-то стояли двое с дубинками. Один из них

{16} Сноски: 28

...герцог увидел своего любимого коня Копенгагена... — Копенгаген — жеребец чистокровной английской верховой породы, был куплен Веллингтоном в Испании у сэра Чарльза Стюарта. Был широко известен своим легковозбудимым нравом и привычкой лягаться. Самый великий день в жизни коня и его хозяина выпал на 18 июня 1815 года — день битвы при Ватерлоо, когда герцог провел в седле пятнадцать часов. Прожил Копенгаген двадцать восемь лет и был похоронен с воинскими почестями в поместье Веллингтона в графстве Хемпшир.

обратился к герцогу, но тот не стал слушать, что говорит поселянин (что-то про быка), поскольку в это самое мгновение Копенгаген прошел между деревьями на дальней стороне луга и пропал из виду. Оглянувшись, герцог увидел, что один из местных поднял дубинку, словно собирался его ударить!

Веллингтон изумленно воззрился на смельчака.

Поселянин медлил, как будто спрашивая себя, действительно он собирается ударить дубинкой герцога, который как-никак был спасителем Европы и кумиром нации? Замешкался он всего на мгновение, но этого было довольно: герцог вступил в Страну Фей.

За деревьями между круглых, приятных глазу холмов вилась белая тропинка. На холмах росли древние дубы и ясени. Плющ, шиповник и жимолость так заплели стволы, что деревья казались сплошной массой зелени.

Пройдя около мили, герцог оказался перед каменным домом. Здание окружал глубокий ров. Мост через ров зарос мхом, и казалось, будто он сложен из зеленых бархатных подушек. Черепичную крышу поддерживали щербатые каменные великаны, сгорбленные под тяжестью

своей ноши.

Решив, что кто-нибудь из обитателей дома мог видеть Копенгагена, герцог подошел к дверям и постучал. Немного погодя он начал заглядывать поочередно во все окна. Комнаты были пусты. На пыльных полах протянулись золотистые полосы солнечного света. В одной из комнат лежал мятый оловянный кубок, — казалось, это единственный предмет обихода, завалявшийся в доме, но тут герцог заглянул в последнее окно.

На деревянной скамье спиной к окну сидела, склонясь над работой, молодая дама в гранатово-красном платье. Перед ней была расстелена великолепная вышивка. Разноцветные отблески танцевали на стенах и потолке. Будь на коленях у дамы расплавленный витраж, едва ли впечатление оказалось бы более восхитительным.

Кроме дамы и вышивки, в комнате был только один предмет — с потолка свисала старая потрепанная клетка. Внутри сидела печальная птица.

— Скажи-ка, милая, — начал герцог, заглядывая в открытое окно, — не видала ли ты моего коня?

— Нет, — отвечала дама, не отрываясь от работы.

— Бедный Копенгаген! — опечалился герцог. — Он был со мной при Ватерлоо, жаль потерять

такого друга. Надеюсь, тот, кому он достанется, будет ему добрым хозяином.

Последовало молчание, в продолжение коего герцог разглядывал белоснежную шейку юной прелестницы.

— Позволишь ли зайти и поговорить с тобой, милая?

— Дело ваше, — последовал ответ.

Войдя в комнату, герцог обнаружил, что вблизи юная дама еще краше, чем обещал беглый взгляд.

— Славное местечко, — заметил герцог, — пожалуй, несколько уединенное. Если не возражаешь, я задержусь здесь на часок-другой.

— Не возражаю, — отвечала дама, — если обещаете не мешать мне.

— Для кого ты вышиваешь такое громадное полотно, милая?

Как тонко она улыбнулась!

— Для вас, для кого ж еще!

Герцог удивился:

— А можно мне взглянуть?

— Извольте, — отвечала вышивальщица.

Герцог склонился над плечом дамы. На полотне были искусно вышиты тысячи картин, одни показались ему весьма необычными, другие —

удивительно знакомыми.

Три вышивки привлекли внимание герцога. Гнедой конь, очень похожий на Копенгагена, скакал по лугу в сторону от деревни Застенье; сам герцог шагал по белой тропинке между округлыми зелеными холмами; и вот он снова — разглядывает картину через плечо вышивальщицы. Работа поражала точностью деталей — даже клетка с печальной птицей висела на месте!

Тут большая полосатая крыса вылезла из-под обшивки стены и начала грызть уголок полотна, где была вышита клетка. Удивительно — как только крыса прогрызла стежки, клетка и впрямь исчезла! С радостным пением птица упорхнула в окно.

«Признаться, довольно странно, — подумал герцог. — Едва ли она вышила эти картины после моего прихода. Выходит, юная особа вышивает то, что еще не случилось, и, кажется, ее фантазии имеют свойство сбываться! Посмотрим, что дальше».

И герцог снова вгляделся в канву.

На следующей картине к дому приближался рыцарь в серебряных доспехах. Дальше герцог и рыцарь вступали в жестокий поединок, а на последней картине (которую дама как раз

завершала) рыцарь вонзал свой меч в грудь Веллингтона.

— Нечестно! — возмутился герцог. — У него меч, копье и кинжал, а еще эта шипастая штуковина на цепи! Тогда как я безоружен!

Молодая дама только равнодушно пожала плечами.

— Не могла бы ты вышить мне хотя бы маленький меч? Или пистолет? — взмолился герцог.

— Нет, — отвечала вышивальщица.

Закончив работу, она закрепила последнюю нить надежным узелком, встала и вышла из комнаты.

Герцог выглянул из окна и заметил за выступом холма отблески — ровно такие, какие отбрасывали бы серебряные доспехи, и прыгающее алое пятнышко, которое могло быть плюмажем на шлеме.

Герцог обшарил дом в поисках оружия, но не нашел ничего, кроме гнутого оловянного кубка. Пришлось возвращаться в комнату с пустыми руками.

И тут герцога осенило.

— Придумал! Не буду с ним ссориться, тогда он меня не убьет! — Взгляд Веллингтона упал на вышивку. — Нет, что за самодовольное выражение! Как не вступить в спор с эдаким болваном!

Герцог задумчиво сунул руки в карманы и внезапно коснулся чего-то холодного и металлического. Ножницы миссис Памфри!

— Слава богу, хоть какое-то оружие! Но какой

от него прок? Едва ли рыцарь станет любезно дожидаться, пока я буду тыкать острием в щели доспехов.

Тем временем всадник пересекал замшелый мост. Цокали копыта, клацали доспехи. В окне мелькнул алый плюмаж.

— Погодите! — вскричал герцог. — Полагаю, задача не военная. Задача *вышивальная*!

Он вытащил ножницы миссис Памфри и разрезал стежки на картинках, изображавших приближение рыцаря, поединок и собственную гибель. Закончив, герцог выглянул в окно — никаких следов рыцаря.

— Превосходно! — вскричал он. — Продолжим!

Полностью сосредоточившись на работе, что-то бормоча под нос и коля пальцы, герцог добавил к вышивке дамы несколько собственных картинок громадными уродливыми стежками. Первая изображала условную фигуру человека (сам герцог, выходящий из дома), вторая живописала воссоединение с потерянным конем (Копенгаген, вышитый в примитивной манере), а третья — благополучное возвращение через брешь в стене.

Герцог хотел было изобразить, как на деревню обрушиваются леденящие кровь бедствия,

и даже начал подбирать тревожно-красные и опасно-оранжевые шелка, но спустя некоторое время вынужден был признать, что ему не хватит мастерства.

Он надел шляпу и вышел из древнего каменного дома. Снаружи ждал Копенгаген — именно в том месте, где уродливые неумелые стежки поместили его на полотне; воссоединение коня и хозяина было поистине радостным. Герцог вскочил на Копенгагена и вернулся в деревню.

Впоследствии Веллингтон считал, что короткое пребывание в доме, опоясанном рвом, не причинило ему вреда. Он побывал дипломатом, политиком и даже премьер-министром Великобритании, но с годами в голову герцогу все чаще приходила мысль о тщетности его трудов. Однажды Веллингтон заметил миссис Арбетнот (своему близкому другу)[{17}]: «На полях сражений я был господином своей судьбы, а ныне вынужден ко всем подлаживаться. Я столько раз шел на компромиссы, что в политике считаю себя

{17} Сноски: 29

Однажды Веллингтон заметил миссис Арбетнот (своему близкому другу)... — Харриет Арбетнот, урожденная Фейн (1793–1834), прославилась своими особенно дружескими отношениями с Артуром Уэлсли, первым герцогом Веллингтоном. Близкая дружба связывала Веллингтона и с ее мужем — членом палаты общин достопочтенным Чарльзом Арбетнотом.

условной фигурой, жалким подобием человека!»

Миссис Арбетнот удивилась, отчего герцог осекся и внезапно побледнел.

Мистер Симонелли, или Эльф-вдовец

Мистер Симонелли, или Эльф-вдовец

Дом священника
прихода Всех Надежд, Дербишир
Миссис Гатеркоул, 29 декабря 1811 года

Мадам!

Не буду испытывать Ваше терпение, повторяя те доводы, коими пытался убедить Вас в своей невиновности. Покидая Вас сегодня днем, я утверждал, что располагаю *письменным свидетельством*, которое избавит меня от обвинений, обрушенных Вами на мою голову. Исполняя обещание, прикладываю к письму дневник. Если, листая эти страницы, Вы решите, что, рисуя Ваш портрет, я был недостаточно почтителен, или само изображение покажется Вам *не вполне лестным*, не забывайте, что дневник не предназначался для чужих глаз.

Больше Вы не услышите от меня ни единой мольбы, мадам. Пишите епископу, если сочтете нужным. Не смею препятствовать Вам ни в чем. Впрочем, одно обвинение я должен отвергнуть — в том, что не оказывал должного уважения членам Вашей семьи. Именно живейшее беспокойство о благополучии Вашего семейства и стало причиной моего теперешнего двусмысленного положения.

Остаюсь, мадам, Вашим покорнейшим и преданнейшим слугой.

Преподобный Алессандро Симонелли

Из дневника Алессандро Симонелли

10 августа 1811 года,
колледж Корпус-Кристи, Кембридж

Все больше склоняюсь к мысли, что должен жениться. Нет денег, нет видов на устройство карьеры, влиятельных друзей тоже нет. Мое необычное смазливое лицо — самое ценное, чем я обладаю, и боюсь, пришло время выставить его на продажу. Джон Уиндль сказал по секрету, что вдова книготорговца с Джезус-лейн давно по мне сохнет, а всем известно, что муж оставил ей около пятнадцати тысяч фунтов. О самой даме мне не доводилось слышать ни единого дурного слова. Молодость, добродетель, красота и щедрость стяжали вдове всеобщую любовь. И все же мне тяжело смириться с этой мыслью. Слишком привык я к суровой дисциплине ученых споров, чтобы обрадоваться *женской* болтовне. Неужели обречен я лишиться живительного общества Аквината, Аристофана, Евклида и Авиценны и часами выслушивать глубокомысленные рассуждения о достоинствах чепца из плоеного

муслина?

11 августа 1811 года

Сегодня утром ко мне в комнату, улыбаясь, вошел доктор Протеро.

«А ведь вы не ждали меня, мистер Симонелли, — заявил он. — Мы с вами не столь близки, чтобы запросто наносить друг дружке визиты».

Не спорю, но кто в том виноват? Протеро — представитель худшего сословия кембриджских преподавателей. Любит лошадей и охоту больше, чем книги и науки. С тех пор как стал профессором, не прочел ни единой лекции, хотя колледж обязал его исполнять эту повинность каждую вторую неделю семестра. Однажды в одиночку съел пять жареных макрелей (отчего едва не отправился на тот свет), пьян почти каждое утро и *каждый* вечер, частенько клюет носом прямо в кресле, поэтому весь жилет заляпан вином. Надеюсь, что мое мнение о Протеро ни для кого не секрет. И пусть моя честность уже не раз служила мне дурную службу, не стану скрывать, что мне удалось кое в чем ему навредить.

«У меня для вас добрая весть, мистер Симонелли, — продолжил Протеро. — С вас стаканчик вина! Как только услышите, что за превосходные новости я принес, тут же предложите мне

выпивку!»

И он, словно старая уродливая черепаха, завертел головой, высматривая бутылку, однако в поисках не преуспел, посему продолжил: «Семейство из Дербишира, мои старинные приятели, просило меня найти ученого джентльмена на место приходского священника. Я тут же вспомнил о вас, мистер Симонелли! Обязанности священнослужителя в том краю совершенно необременительны. А здоровую атмосферу и восхитительный деревенский воздух вы и сами оцените по достоинству, когда узнаете, что предыдущий священник, мистер Уитмор, скончался в возрасте девяноста трех лет. Отнюдь не ученый, но славный малый, добряк, прихожане души в нем не чаяли. Ну же, соглашайтесь, мистер Симонелли! Если вам не в тягость владеть собственным домом с огородом, садом и фермой, я сегодня же отпишу Гатеркоулам, что вы согласны, и тем самым избавлю их от ожидания!»

Несмотря на настойчивость Протеро, решил его помучить и ответа не дал. Я знаю, чего он так хлопочет. У Протеро есть племянник, которого он прочит на мое место в Корпус-Кристи. Однако отказываться от подобной возможности только ради того, чтобы досадить Протеро, кажется мне

непростительным легкомыслием.

Боюсь, придется выбирать из двух зол: женитьба или приход.

9 сентября 1811 года

Сегодня рукоположен в сан священника англиканской церкви. Не сомневаюсь, что моя скромность, усердие и редкая кротость нрава как нельзя лучше подходят для этого призвания.

15 сентября 1811 года
Гостиница «Георг»

Почтовой каретой добрался до Дерби. Ехал снаружи, что обошлось мне в десять шиллингов шесть пенсов, однако из-за дождя беспокоился за сохранность книг и бумаг. Комната в «Георге» пахнет не так дурно, как зачастую в гостиницах. Ужинал жареными вальдшнепами, фрикасе из репы и яблоками в тесте. Превосходно, но отнюдь не дешево — посему остался недоволен.

16 сентября 1811 года

Первое впечатление не слишком благоприятно. Под дождем окрестности прихода Всех Надежд выглядят дикими и почти необитаемыми. Крутые лесистые лощины, бурлящие потоки. Голые скальные выступы чередуются с засохшими дубами и тоскливыми вересковыми пустошами.

Впрочем, должен признать, ландшафт весьма живописен и вполне подошел бы для романа, однако мне, избравшему этот край для жизни, местность вопиет о прозябании и скудном обществе неотесанных невежд. За два часа мне попалось единственное человеческое обиталище — мрачный фермерский дом с потемневшими от дождя стенами, окруженный угрюмыми деревьями.

Я уже предположил, что почти добрался до деревни, когда, завернув за угол фермы, увидел впереди под дождем двух всадников. Они остановились у бедной хижины, чтобы побеседовать с кем-то за изгородью. Я не знаток лошадей, но кони меня поразили: высокие, статные, блестящие. Вороной и гнедой вскидывали голову и били копытами, словно негодуя, что приходится попирать презренную землю. Казалось, во всем Дербишире не найдется ничего ярче — посреди серой пелены дождя удивительные кони сияли, словно костер.

Всадники обращались к согбенному старику. Подойдя поближе, я услыхал проклятия и увидел, как один из всадников протянул руку и начертал над головой старика какой-то знак. Вероятно, жест этот характерен для дербиширцев, но мне не доводилось видеть ничего, столь явственно

выражавшее презрение. Ради того чтобы пролить свет на местные обычаи и удивительные верования, прилагаю здесь рисунок с точным изображением жеста незнакомца.

Всадники ускакали; я заключил, что они остались недовольны беседой со старым фермером. Тут мне пришло в голову, что он наверняка мой прихожанин, а следовательно, мой долг — нести мир и согласие туда, где царят вражда и раздор. Я ускорил шаг, окликнул старика и сообщил ему, что я — новый приходский священник. На мой вопрос он ответил, что его имя Джемми.

— Скажи-ка мне, Джемми, — спросил я, постаравшись сделать свою речь понятной его невежественному уму и одновременно изобразить участие, — чем ты так рассердил джентльменов?

Старик отвечал, что у жены джентльмена на гнедой лошади утром начались роды и тот вместе со слугой приехал за женой Джемми, Джоан, которая издавна принимала всех младенцев в округе.

— Почему же ты заставляешь джентльмена ждать? — промолвил я с мягким упреком. — Где твоя жена?

Старик показал на узкую тропинку, что вилась к дальнему холму. Сквозь дождь я различил древнюю церквушку и кладбище.

— И кто нынче заботится о роженицах? — спросил я.

Оказалось, что этим занимаются некие мистер Стабб, аптекарь из Бейкуэлла, и мистер Хоррокс, лекарь из Бакстона. Однако и до Бейкуэлла, и до Бакстона два-три часа быстрой езды по плохим дорогам, меж тем роженица, по словам Джемми, «совсем плоха».

Скажу честно, поведение джентльмена на гнедой лошади, который до последнего дня не озаботился найти для жены повитуху, слегка меня рассердило. Ведь для того, чтобы все устроить, у него было целых девять месяцев!

Тем не менее я поспешил догнать всадников и обратился к джентльмену:

— Сэр, мое имя Симонелли. В Кембриджском университете я изучал множество наук: правоведение, богословие, медицину. Кроме того, давно состою в переписке с одним из лучших медиков наших дней — мистером Мэтью Бейли{18} с Грейт-Уиндмил-стрит в Лондоне. Если вы не побрезгуете моими услугами, буду счастлив помочь вашей супруге.

{18} Сноски: 30

…состою в переписке с одним из лучших медиков наших дней — мистером Мэтью Бейли… — Мэтью Бейли (1761–1823) — шотландский врач, специалист по патологической анатомии.

Всадник повернул ко мне смуглое выразительное лицо с тонкими чертами. Удивительно проницательный взгляд необыкновенно ярких глаз. Длинные черные волосы были завязаны сзади черной лентой, как на старомодном парике с косицей. На вид ему можно было дать от сорока до пятидесяти.

— Вы приверженец Галена или Парацельса? — спросил он.

— Сэр? — удивился я (решив, что незнакомец шутит). Заметив, что он все еще вопросительно смотрит на меня, я продолжил: — Воззрения достойных и прославленных джентльменов, которых вы упомянули, давно устарели. Что мог знать об анатомии Гален, препарируя свиней, коз и обезьян? Парацельс и вовсе верил в магические заклинания и прочую чепуху! Право, сэр, — промолвил я со смешком, — с тем же успехом вы могли спросить, за ахейцев я или за троянцев!

Возможно, мне не стоило над ним смеяться. Наверняка не стоило. Я вспомнил, скольких врагов нажил из-за своего высокомерия в Кембридже. Вспомнил и то, что на новом месте решил снисходительно относиться к невежеству и предрассудкам. Однако незнакомец промолвил только:

— Видишь, Дандо, как нам повезло. Роды у моей жены примет выдающийся ученый и лекарь. — Он усмехнулся одной половиной смуглого лица. — Уверяю вас, она будет очень признательна.

Разговаривая с незнакомцем, я обнаружил кое-какие странности: джентльмен и его слуга были на удивление грязны, однако поначалу я этого не заметил, ибо дождь отмыл их лица. Я решил было, что камзол джентльмена сшит из бурого половика, однако при ближайшем рассмотрении камзол оказался бархатным, хотя алая ткань почти потеряла первоначальный цвет, обтерлась и залоснилась.

— Я собирался посадить старуху за спину Дандо, — сказал незнакомец, — но едва ли этот способ подойдет вам.

— Ну, чего скорчил кислую мину, олух? — неожиданно рявкнул он спустя мгновение. (Я вздрогнул, но тут же сообразил, что джентльмен обращается к слуге.) — Слезай и помоги ученому доктору взобраться на лошадь!

Не успел я возразить, что ничего не смыслю в верховой езде, как Дандо спрыгнул на землю и ловко закинул меня в седло. Прежде чем я осознал, что происходит, ноги нашли стремена, а руки сжали поводья.

Сегодня в Кембридже только и толкуют, что о верховой езде, лошадях и как с ними управляться. Великое множество невежественных студентов гордится своими познаниями в сем предмете. Однако я обнаружил, что ничего уметь и не надо: главное — держаться покрепче, а все остальное лошадь делает *сама*.

Удивительная, божественная скорость! Мы свернули с дороги и поскакали сквозь дремучий лес, где росли дубы, ясени и падубы. Хлестал дождь, летели опавшие листья, а мы с незнакомцем неслись меж ними, словно духи печального серого воздуха! Мы поднимались все выше и выше, а рваные дождевые облака распахивались перед нами, подобно громадным дверям в небесах. Мимо поросших вереском болотистых низин с синевато-серой водой, мимо разрушенной церкви, мимо речного потока — за холмы, где в долине, затянутой дождевой пеленой, стоял дом. Издалека строение показалось мне очень ветхим. Разные части дома явно построили в разные эпохи из самых разнообразных материалов. Здесь были кремень и булыжник, посеревшие от старости бревна и сияющие новизной розовые кирпичи. Подойдя ближе, я увидел, что дом просто крайне запущен. Двери слетели с петель — их

подперли камнями и обложили линялыми бурыми тряпками. Треснувшие и разбитые окна заклеили старой бумагой. В каменной черепице зияли черные провалы, в мощеном дворе там и сям торчали сухие пучки травы. Все это придавало строению на диво унылый вид, особенно ров с темной стоячей водой, в котором запущенность дома отражалась, как в зеркале.

Мы спешились, вошли в дом и стремительно миновали длинную череду комнат. Слуги джентльмена (коих оказалось на удивление много) не торопились его приветствовать и доложить о здоровье жены, но самым глупым образом жались по темным углам.

Джентльмен привел меня в комнату, где лежала его жена. Присматривала за роженицей крошечная старуха. В ее внешности было много примечательного, и особенно длинные, жесткие волосы на щеках, более всего напоминавшие иглы дикобраза.

В комнате было темно, и, согласно устарелому взгляду, будто роженицу надлежит держать в жарко натопленном помещении, дров не жалели. Духота стояла невыносимая. Первым делом я отдернул занавески и распахнул окно, однако, оглядевшись, пожалел о своем порыве, ибо грязь вокруг не поддавалась описанию.

Простыни, на которых лежала роженица, кишели паразитами всех видов. Кругом валялись оловянные тарелки с гниющими остатками пищи. И этот беспорядок вовсе не был свидетельством крайней бедности! Напротив, более всего поражало причудливое смешение роскоши и нищеты. Тут на том «Энциклопедии» Дидро бросили засаленный фартук, там украшенную драгоценными камнями туфлю красного бархата придавили грелкой. Серебряная диадема под кроватью зацепилась за зубья садовых грабель. Труп какого-то животного на подоконнике (вероятно, кошки) иссохшей головой упирался в бок фарфорового кувшина. Бархатное одеяние цвета бронзы (напоминавшее ризу коптского патриарха) служило напольным ковром. Ткань была расшита золотом и жемчугом, но нити порвались, и жемчужины валялись прямо в грязи. Я и помыслить не мог, что величие и мерзость могут

так мирно уживаться в одной комнате. Надо же было настолько распустить собственных слуг!

Жена джентльмена была очень молода — вряд ли ей исполнилось больше пятнадцати — и крайне истощена. Кости просвечивали сквозь почти прозрачную кожу, натянутую на животе, словно на барабане. Хоть я и прочел множество книг по акушерству, в действительности все оказалось куда сложнее. Я давал исключительно ясные и точные указания, однако бедняжка была так слаба, что не слышала моих слов.

Вскоре я обнаружил, что ребенок застрял в самом неудачном положении. Так как щипцов у меня не было, пришлось поворачивать его рукой, и лишь с четвертой попытки мои труды увенчались успехом. Между четырьмя и пятью часами на свет появился младенец мужского пола. Мне сразу не понравился его цвет. Мистер Бейли утверждает, что обычно новорожденные бывают цвета красного вина, иногда — темнее, цвета портвейна. Этот младенец был черен, однако на удивление силен. Когда я передавал его старухе, он весьма ощутимо лягнул меня, оставив на руке синяк.

Мать мне спасти не удалось. Она была словно дом, сквозь который прошел вихрь, срывая двери

с петель и сметая все на своем пути. Не уцелел и ее разум. Кажется, бедняжка полагала, что ее приволокли сюда силой и омерзительная тюремщица стерегла ее день и ночь.

— Ш-ш, — успокаивал ее я, — все это сумасбродные фантазии. Смотрите, вот славная, добрая женщина… — я показал рукой на старуху-дикобраза, — которая превосходно о вас заботится. Вас окружают друзья, успокойтесь.

Однако бедняжка не хотела меня слушать, отчаянно звала мать и умоляла забрать ее домой.

Я долго боролся за ее жизнь, но к чему привели мои усилия? Одно человеческое существо вступило в этот мир, другое его покинуло. Гордиться нечем.

Я начал читать благодарственную молитву, но не успел произнести и десяти слов, как услышал визг. Приоткрыв один глаз, я увидел, что служанка, схватив ребенка, выскочила из комнаты с проворством, удивительным для ее старых ног.

Дочитав молитву, я вздохнул и отправился на поиски мужа несчастной. Обнаружил я его в библиотеке. Со свойственным представителям сильного пола равнодушием джентльмен уткнулся носом в книгу. Было часов семь-восемь утра.

Я считал, что как священнослужитель обязан

произнести несколько слов утешения и похвалы умершей, однако что я о ней знал? Ее добродетели остались для меня тайной, о ее красоте я мог поведать и того меньше, ибо видел лишь искаженные болью черты во время родовых и смертных мук. Поэтому я просто рассказал джентльмену о том, что случилось. Закончил же краткой повинной (даже для моих ушей) речью, словно оправдывался за смерть его жены.

— Оставьте, — промолвил он, — уверен, вы сделали все, что могли.

Меня восхитил его философский подход к жизни, хотя поначалу я слегка удивился. Затем вспомнил, что жена джентльмена говорила с ошибками и употребляла просторечные слова и выражения. Возможно, подобно многим землевладельцам до него, джентльмен, не устояв перед блеском голубых глаз и пышных локонов, заключил неравный брак, в чем впоследствии раскаялся.

— Сын, говорите? — воскликнул он, явно пребывая в превосходном расположении духа. — Отменно!

Джентльмен высунул голову за дверь и крикнул, чтобы ему принесли новорожденного. Спустя мгновение Дандо и старуха с лицом дикобраза

были тут как тут. Джентльмен тщательно осмотрел младенца и объявил, что доволен. Он поднял сына и произнес следующую речь: «На лопату ты сажайся!» — тут он весьма ощутимо встряхнул его. Затем: «В печь горячу отправляйся!» — и еще раз встряхнул младенца. Закончил же такими словами: «И под угли забирайся!» — и встряхнул новорожденного в третий раз.

Признаться, я не ценитель подобного юмора.

Тем временем старуха притащила откуда-то тряпицу и собиралась завернуть в нее младенца.

— Стойте! Это совершенно недопустимо, сэр! — воскликнул я. — Просто немыслимо! Неужели у вас нет куска ткани почище?

Все трое изумленно уставились на меня. Затем джентльмен улыбнулся и промолвил:

— У вас поразительное зрение, мистер Симонелли! Чем вам не угодила эта белоснежная льняная материя лучшей выделки?

— Всем, — раздраженно ответил я. — По мне, так это грязная тряпка, которой я побрезговал бы вытереть собственные башмаки!

— Да что вы! — Джентльмен слегка удивился. — А Дандо? Какое впечатление вы составили о нем? Разве вы не заметили рубиновых пряжек на его туфлях? Нет? А сверкающего меча и камзола

из желтого бархата?

Я отрицательно замотал головой. (На самом деле Дандо был одет в том же вычурном старомодном стиле, что его господин, и от пяток до макушки производил впечатление оборванного и развязного негодяя, каковым, без сомнения, и являлся. Он носил грубые сапоги до бедра, пучок изорванных грязных кружев на шее и видавшую виды треуголку.)

Несколько мгновений джентльмен задумчиво меня рассматривал.

— Мистер Симонелли, — промолвил он наконец, — ваше лицо меня удивляет. Эти блестящие глаза и темные густые ресницы! Этот благородный изгиб бровей! Каждая черта вопиет об удивительном сходстве с моим родом! Будьте любезны, подойдите к зеркалу и встаньте рядом со мною.

Я сделал, как он просил. Если забыть о цвете лица (его — бурое, словно буковый орешек, мое — белое, как глянцевая бумага), сходство между нами изумляло! Все, что раздражало и пугало меня в собственном лице, повторялось в лице джентльмена: те же удлиненные брови, словно росчерк пера, взлетали вверх изящным завитком, та же легкая складка век придавала

лицу выражение вялого высокомерия, та же крошечная темная родинка разместилась прямо под правым глазом.

— Кажется, я понял! — вскричал джентльмен. — Как звали вашего отца?

— Симонелли, — отвечал я с улыбкой, — надо полагать.

— Где вы родились?

Я помедлил с ответом.

— В Генуе.

— А как звали вашу мать?

— Френсис Симон.

— Откуда родом она?

— Из Йорка.

Джентльмен достал из стола обрывок бумаги и все записал.

— Симон и Симонелли, — промолвил он, — разве не странно? — Он словно ждал, что на него снизойдет озарение, которое раскроет тайну моей родословной, но увы. Джентльмен был явно разочарован. — Впрочем, не важно. Какова бы ни была связь между нами, мистер Симонелли, рано или поздно я ее разгадаю. Вы оказали мне большую услугу, и я намеревался щедро отблагодарить вас, но платить родственнику? Члены одного клана должны выручать друг друга в силу

семейных уз. — Он улыбнулся лениво и проницательно. — Поэтому я берусь разгадать тайну вашего рождения.

Так вот чем был вызван живой интерес джентльмена к моей внешности и моему роду-племени — он просто хотел на мне сэкономить! Как легко ему удалось обвести меня вокруг пальца! Я сухо сообщил джентльмену, что назначен новым приходским священником и надеюсь увидеть его на воскресной службе.

Однако джентльмен лишь улыбнулся и промолвил:

— Здесь не ваш приход. Вы в поместье Всех Надежд, и согласно древнему договору я его владелец, но с давних пор дом и деревня разделены и, как видите, находятся на приличном расстоянии.

Я не мог взять в толк, о чем он толкует, поэтому развернулся и вместе с Дандо, который должен был проводить меня до деревни, пошел к выходу, но в дверях оглянулся и заметил:

— А ведь вы, сэр, так и не назвали мне своего имени.

— Меня зовут Джон Каблук, — с улыбкой отвечал он.

Готов поклясться, что, как только за мною

захлопнулась дверь, я услышал, как лопату задвинули в печь и принялись ворошить угли.

Обратный путь оказался гораздо менее приятным. Луну закрывали облака, дождь лил немилосердно. Дандо летел вперед с тем же безрассудством, что и его хозяин, и каждое мгновение я опасался, что мы свернем себе шею. Вскоре показались огни деревни. Я спешился, обернулся к Дандо, слуга подхватил поводья моей лошади, только я его и видел. Я шагнул вперед и немедленно налетел на дорожный сундук и связку книг. Полагаю, до сего времени они оставались на попечении Дандо, ибо я о них и думать забыл.

Впереди не было ничего, кроме нескольких убогих фермерских домов. Чуть правее на некотором расстоянии в темноте сияли полдюжины окон. Их размер и симметричное расположение наводили на мысли о теплых комнатах, обеденных столах и удобных диванах. Другими словами, то был *господский* дом.

На стук открыла опрятная служанка. Я осведомился, не дом ли это мистера Гатеркоула? Служанка отвечала, что *адмирал* Гатеркоул утонул шесть лет назад.

— А вы, наверное, новый священник? — спросила она.

Опрятная служанка оставила меня в прихожей, а сама отправилась доложить хозяевам. У меня было время осмотреться. Древние каменные плиты пола аккуратно подметались. Яркий блеск дубовых шкафов, ореховых комодов и маленьких столиков свидетельствовал, что воска здесь не жалели. Каждую поверхность украшали образцы дамского рукоделия. Чистота, утонченность и изящество вокруг никак не вязались с моим обликом. С ног до головы я был заляпан грязью, а платье мое находилось в совершеннейшем беспорядке. Впрочем, этого и следовало ожидать. Несколько часов я провел в седле под дождем, пока скакал туманными перелесками, не разбирая дороги, не говоря о тяжких трудах у постели умирающей роженицы. В довершение всего я лоснился от чего-то черного и жирного — естественное следствие краткого пребывания в доме Джона Каблука.

Опрятная служанка пригласила меня в гостиную, где две дамы томились любопытством, что за священник им достался. С грузной величавостью одна из них встала и представилась миссис Гатеркоул, вдовой адмирала. Другая, миссис Эдмонд, оказалась его сестрой.

Старинный пембрукский стол{19} был застелен белоснежной льняной скатертью. Ужин выглядел весьма аппетитно. На столе стояли блюда с куриным фрикасе и запеченными устрицами. Был еще яблочный пирог, уэнслидейлский сыр, графин с вином и бокалы.

Кроме моего, миссис Гатеркоул держала в руке еще одно письмо — я разглядел отвратительные каракули доктора Протеро.

— Симонелли — фамилия итальянская, не так ли? — спросила миссис Гатеркоул.

— Да, мадам, но обладатель этой фамилии, коего вы видите перед собой, имеет честь быть англичанином.

Она не стала развивать эту тему, чем несказанно меня обрадовала, ибо я не был расположен повторять ту ложь, что уже излагал сегодня.

Хозяйка взяла письмо Протеро, с некоторым сомнением зачитала похвалы моей учености и принялась расписывать дом, где мне предстояло поселиться. Она заметила, что, если домом много лет владеет пожилой джентльмен (как в нашем случае), строение неизбежно ветшает. Миссис

{19} Сноски: 31

Старинный пембрукский стол... — Пембрукский складной стол (маленький и обычно круглый) с ящичком посередине и опускаемыми краями столешницы.

Гатеркоул опасалась, что многое придется восстанавливать, а это неизбежно потребует немалых затрат. Впрочем, меня, как джентльмена с независимым доходом, подобные трудности испугать не должны. Она продолжала в том же духе, а я молча смотрел в огонь.

Я был измучен до полусмерти, но понимал, что произошло недоразумение и мой долг — поскорее его исправить. Я встряхнулся и промолвил:

— Мадам, вас ввели в заблуждение. У меня нет независимого дохода.

— Значит, у вас есть деньги, — сказала она. — Государственные облигации.

— Нет, мадам. Ничего такого.

Наступило краткое молчание.

— Мистер Симонелли, — начала хозяйка, — у нас маленький, по большей части бедный приход с годовым доходом всего лишь пятьдесят фунтов. Вам не на что будет жить.

Слишком поздно я разгадал вероломный замысел Протеро, задумавшего похоронить меня в бедности и безвестности! Но что мне оставалось? У меня не было денег, как не было иллюзий, что мои многочисленные недруги в Кембридже, раз от меня избавившись, позволят мне вернуться назад. Я вздохнул и что-то пробормотал о скром-

ности моих запросов.

Миссис Гатеркоул невесело рассмеялась:

— Вы можете так думать, мистер Симонелли, но вряд ли ваша супруга с вами согласится, когда узнает, как мало у нее будет на ведение хозяйства.

— Супруга, мадам? — потрясенно промолвил я.

— Ведь вы женаты, мистер Симонелли, не так ли?

— Я, мадам? Нет, мадам!

Новое, гораздо более продолжительное молчание.

— Не знаю, что и сказать, — промолвила наконец хозяйка. — Я полагала, что мои указания были достаточно четкими. Респектабельный женатый джентльмен с независимым доходом. И о чем только думал Протеро! Я уже отказала одному молодому холостяку, однако, по крайней мере, у того было шесть сотен в год!

В разговор впервые вступила другая дама, миссис Эдмонд:

— Меня гораздо больше беспокоит, что доктор Протеро прислал нам ученого джентльмена. Апперстон-Хаус — единственный господский дом в приходе. За исключением семьи миссис Гатеркоул, вашими прихожанами будут фермеры,

пастухи и мелкие торговцы. Здесь ваша ученость пропадет втуне, мистер Симонелли.

На это мне возразить было нечего, и, видимо, отчаяние отразилось на моем лице, потому что дамы несколько смягчились. Они сообщили, что для меня в доме священника уже приготовлена комната, а миссис Эдмонд спросила, когда я последний раз ел. Я признался, что со вчерашнего вечера у меня не было во рту ни крошки. Дамы тут же пригласили меня разделить с ними трапезу и вынуждены были наблюдать, как на всем, к чему я прикасался, — изящном фарфоре, белоснежной скатерти — остаются жирные черные следы.

Когда за мной закрылась дверь, я услыхал, как миссис Эдмонд заметила:

— Ну-ну. Вот, значит, какая она, итальянская красота! Очень примечательно. Вроде бы мне прежде не доводилось ее видеть.

10 утра, 17 сентября 1811 года

Вчерашний вечер вверг меня в бездну отчаяния, зато утро подарило надежду и радость! В голове теснятся новые планы, ибо ничто так не поднимает дух, как ясное осеннее утро! Яркие краски и пьянящая свежесть, на траве искрятся тяжелые капли росы.

Я совершенно очарован домом священника

и надеюсь, что мне позволят в нем остаться. Старинное каменное строение. Низкие потолки, полы разной высоты, а фронтонов больше, чем дымовых труб! И целых четырнадцать комнат! Спрашивается, зачем мне столько?

В шкафу обнаружил одежду мистера Уитмора. Признаюсь, до сих пор я не слишком задумывался о своем предшественнике, но вещи старого священника живо воскресили передо мной его облик. Каждая выпуклость и вмятина его стоптанных туфель еще помнила хозяина. Потрепанный парик едва ли заметил, что старый джентльмен покинул сей мир. Потускневшая ткань длинного сюртука в некоторых местах обвисла, в некоторых натянулась — здесь, чтобы обхватить острый локоть, там, чтобы обнять сутулые плечи. Открыв платяной шкаф мистера Уитмора, я словно обнаружил там самого мистера Уитмора.

Слышу, кто-то зовет меня из сада…

4 часа того же дня

Завтра похороны Джемми — старого фермера, с которым я разговаривал вчера. Сегодня утром его нашли рядом с лачугой. Несчастного рассекло пополам от макушки до паха. Можно ли вообразить что-нибудь ужаснее? Удивительно, что, несмотря на дождь, никто из соседей не видел

молнии. Джемми был первым, кого я встретил в приходе Всех Надежд, и моей первой службой станет его погребение.

Вторая, и, на мой взгляд, куда меньшая беда, свалившаяся на приход, — исчезновение некой молодой женщины. Дидону Паддифер не видели с раннего утра, когда ее мать миссис Глоссоп отправилась к соседям, чтобы одолжить терку для мускатного ореха. Миссис Глоссоп оставила Дидону в саду, где та кормила грудью своего первенца. Однако когда старушка воротилась домой, ребенок лежал на мокрой траве, а Дидоны и след простыл.

Мы с миссис Эдмонд посетили коттедж, где жила Дидона, чтобы выразить сочувствие семье. На обратном пути миссис Эдмонд поведала мне свои тревоги:

— Больше всего меня пугает, что она была очень хорошенькой. Золотистые кудри, кроткие голубые глаза. Боюсь, какой-нибудь прохожий негодяй решил с ней позабавиться и силой увел Дидону с собой.

— А не проще ли предположить, — возразил я, — что она отправилась с ним по доброй воле? Необразованная, неграмотная, эта женщина наверняка ни разу в жизни не задумывалась над

вопросами морали.

— Вы не понимаете, — отвечала миссис Эдмонд. — Ни одна женщина на свете не была так привязана к дому и мужу. Ни одна так не любила своего малыша. И пусть Дидона Паддифер не слишком умна и вечно витает в облаках, у нее золотое сердце.

— Возможно, — промолвил я с улыбкой, — до сих пор она просто не ведала искушений.

Однако миссис Эдмонд продолжала упорно отстаивать свое предвзятое мнение о невиновности Дидоны. Я не стал с ней спорить. К тому же вскоре миссис Эдмонд заговорила о предмете, который волновал меня куда больше, — моем собственном будущем.

— Моя невестка богата, мистер Симонелли, поэтому склонна переоценивать потребности других людей. Она воображает, будто нельзя прожить меньше чем на семьсот фунтов в год, но я уверена, к вам это не относится. Ферма поможет удвоить, а то и утроить начальный доход в пятьдесят фунтов, хотя первые четыре-пять лет вам придется туго. Пока вы будете брать масло и молоко с нашей фермы, а к середине лета подумайте о покупке собственной молочной коровы. — Мгновение она размышляла. — Надо будет попросить

для вас у Марджори Холлинсклот пару несушек.

20 сентября 1811 года

К утру дорожку к дому священника по колено засыпало желтыми и бурыми листьями. Серебристая дождевая пелена, словно дымка, протянулась через церковный двор. Между могилами праздно расхаживали вороны в скромных черных сутанах. При моем появлении птицы всполошились, словно стайка младших священников.

Тут за моей спиной раздался шепот, сдавленный смех и смущенное покашливание.

— Мистер Симонелли! — произнес нежный и слабый голосок.

Я обернулся.

Пять юных барышень. Пять пар смеющихся глаз, пять лукавых улыбок. Пять очаровательных головок с блестящими от дождевых капель каштановыми локонами. Локоны струились, словно бесконечно повторяющиеся музыкальные пассажи. Даже для моих изумленных чувств пять одинаковых шляпок, зонтиков, муслиновых платьев и лент, повторенных в ошеломляющем, но восхитительно согласном разнообразии цветов, являли полную гармонию. В тот миг я был уверен, что все пять прекраснее ангелов. Барышни жеманно прижимались друг к дружке, прикрываясь

от дождя зонтиками. Достоинство и светскость, с которыми держались старшие, ничуть не умалялись легкомысленным хихиканьем младших.

Самая высокая из барышень — та, что позвала меня, — извинилась. Окликать незнакомца — верх неприличия, но она надеется, что я прощу ее, ибо… матушка, судя по всему, совершенно не намерена нас представлять, а тетушка Эдмонд вся извелась из-за бедной Дидоны… короче говоря, мистер Симонелли, мы решили отбросить церемонии и представиться сами. Если бы мы не знали, что вы будете нашим священником, мы бы никогда не решились. Овечки не должны бояться своего пастыря, не так ли, мистер Симонелли? Этот доктор Протеро такой несносный! Почему он не прислал вас раньше? Надеюсь, мистер Симонелли, вы не станете судить поспешно о красотах прихода Всех Надежд в столь безрадостное время года? — И одним легким взмахом руки она отвергла нежнейший, самый безмятежный на свете пейзаж, признавая окрестные леса, холмы, торфяные болота и горные потоки не сто́ящими моего внимания. — Если бы вы приехали в июле или августе, мы познакомили бы вас со всеми красотами Дербишира, а сейчас, боюсь, окрестности покажутся вам блеклыми и скучными.

(Вовсе нет, одной лишь ее улыбки хватило бы, чтобы сделать любой пейзаж приятным для моих глаз!)

Тут лицо ее просветлело.

— Мы попросим маму устроить бал! Вы любите танцевать, мистер Симонелли?

— Тетя Эдмонд говорила, что мистер Симонелли — большой ученый, — заявила одна из сестер с той же лукавой усмешкой. — Наверное, он не интересуется ничем, кроме книг.

— Какие книги вы любите, мистер Симонелли? — потребовала ответа средняя мисс Гатеркоул.

— Вы поете, мистер Симонелли? — поинтересовалась самая высокая.

— Вы охотитесь? — спросила самая маленькая.

Старшие сестры тут же зашикали на нее: «Молчи, Китти, а то он тебя пристрелит».

Затем две старшие барышни взяли меня под руки и мы отправились осматривать мой новый приход. И каждое замечание барышень Гатеркоул о деревне или ее обитателях выдавало их наивное убеждение, что в целом свете нет ничего занимательнее и достойнее внимания, чем они сами.

27 сентября 1811 года

Сегодня обедал в Апперстон-Хаусе. Две перемены по восемнадцать блюд. Виндзорский суп. Макрель. Рагу барашка. Отварная курица весьма недурна. Превосходные пирожки с яблоками. За столом я был единственным джентльменом.

Миссис Эдмонд засыпала меня советами относительно моего будущего хозяйства:

— …а когда отправитесь покупать овец, я пойду с вами. Во всей округе никто лучше меня не разбирается в домашней живности.

— Непременно, мадам, — отвечал я, — вы очень добры. Однако сейчас я подумываю о том, чтобы заняться врачебной практикой, ибо ближайший доктор живет в Бакстоне. Осмелюсь предположить, вы уже слышали, что я принял роды у миссис Каблук.

— Кто такая миссис Каблук? — спросила миссис Эдмонд.

— Жена того джентльмена, что владеет поместьем Всех Надежд.

— О чем вы толкуете, мистер Симонелли? Здесь нет никакого поместья Всех Надежд.

— Кто она, мистер Симонелли? — спросила старшая мисс Гатеркоул.

Меня смутило их крайнее невежество, и, набравшись терпения, я рассказал о своем зна-

комстве с Джоном Каблуком и посещении Всех Надежд. Однако чем дотошнее я расписывал подробности этой истории, тем упорнее они утверждали, будто знать не знают ни о какой усадьбе и о ее хозяине.

— Возможно, я ошибся в имени, — наконец сдался я, хотя нисколько не сомневался в своей памяти.

— Не иначе, мистер Симонелли! — заметила миссис Гатеркоул.

— Наверное, вы говорите о мистере Кейбле, — с сомнением предположила старшая мисс Гатеркоул.

— Или о Джоне Блуме, — добавила мисс Марианна.

Дамы пустились в обсуждение возможных кандидатов, но так и не смогли остановиться ни на ком. Этот был слишком стар, тот — слишком молод. На мили вокруг не нашлось джентльмена, способного, по мнению дам, стать отцом новорожденного младенца. Полагаю, все вышеизложенное свидетельствует лишь о прискорбной нехватке мужского пола в этой части Дербишира.

29 сентября 1811 года

Кажется, начинаю догадываться, почему мис-

сис Гатеркоул так стремилась заполучить в свой приход обеспеченного женатого священника. Она боится, как бы бедный и холостой не решил, что самый простой способ обеспечить свое будущее — жениться на одной из ее дочек. Роберту Йорку (священнику, о котором миссис Гатеркоул упомянула как о владельце годового дохода в шестьсот фунтов) было отказано только из-за того, что он начал проявлять признаки влюбленности в старшую мисс Гатеркоул. Подозреваю, что миссис Гатеркоул не в восторге от того, каким успехом я пользуюсь у всех пяти сестер. Выяснилось, что каждая просто умирает от желания чему-нибудь научиться. Натурально, на роль учителя барышни избрали меня. Старшую мисс Гатеркоул я обучаю французскому, мисс Марианну — итальянской грамматике, Генриетте преподаю историю Британии в романтическом ключе, Китти — в кровавом. Джейн достались математика и стихосложение.

9 октября 1811 года

Этим утром, вернувшись из Апперстон-Хауса, обнаружил у дверей дома Дандо с двумя лошадьми. Слуга сказал, что его хозяин хочет сообщить мне нечто не терпящее отлагательства.

Как и в прошлый раз, я нашел Джона Каблука

в библиотеке за книгой. Рядом на грязном столе стояли бутылка вина и грязный стакан.

— Наконец-то, мистер Симонелли! — Хозяин вскочил с места. — Рад вас видеть! Сдается, сэр, вы унаследовали не только внешнее сходство с нашим семейством, но и наши пороки!

— О чем вы?

— О лжи, разумеется! Перестаньте, мистер Симонелли! Не изображайте невинность! Я вас раскусил. Вашего отца звали вовсе не Симонелли, и, насколько я знаю, он никогда не был в Генуе!

Молчание.

— Вы знали моего отца, сэр? — смятенно спросил я.

— Ну разумеется! Он был моим кузеном.

— Это совершенно невозможно!

— Напротив, — заявил он, — и если вы внимательно прочтете это письмо, то увидите, что я прав. — И Джон Каблук вручил мне пожелтелый лист бумаги.

— Ума не приложу, что заставляет вас оскорблять меня, сэр, но если вы не потрудитесь взять свои слова обратно, мне придется вас проучить. — И я с досадой попытался вернуть письмо, но тут мне в глаза бросилась фраза: «...третью дочку йоркского торговца льняными тканями».

— Постойте! — вскричал я и снова выхватил письмо из рук хозяина. — Моя мать была третьей дочерью йоркского торговца льном!

— Да неужто! — Лицо Джона Каблука исказила обычная кривая ухмылка.

Письмо было написано в таверне «Старая звезда» на Стоунгейт в Йорке и адресовано Джону Каблуку. Автор сообщал, что вынужден завтракать второпях (и действительно, бумагу испещряли пятна от масла и джема). Он направлялся в поместье Всех Надежд, но в Йорке его задержало вспыхнувшее чувство к третьей дочери торговца льняными тканями. Чаровница была описана во всех подробностях. Я успел прочесть о «легкой округлости форм», «золотисто-русых локонах» и «глазах цвета незабудок».

Если верить словам друзей, а также акварелям, которые мне довелось видеть, портрет определенно был срисован с моей матери! Даже если бы я и после этого не поверил Джону Каблуку, письмо было датировано девятнадцатым января 1778 года. Ровно за девять месяцев до моего рождения! Внизу стояла подпись: «Твой любящий кузен Томас Перелесок».

— Такая любовь, — промолвил я, дочитав письмо, — а ведь уже на следующий день он ее

бросил!

— Вы не должны его винить, — сказал Джон Каблук. — Никто не может противиться своим страстям.

— И все же, — продолжил я, — кое-что меня удивляет. Мать всегда очень расплывчато описывала своего соблазнителя (она даже не знала его имени), но в одном никогда не сомневалась — он был иностранцем.

— Ну, это легко объяснить, — отвечал Джон Каблук. — Как бы долго мы ни жили на этом острове — на много тысячелетий дольше нынешних обитателей, — мы предпочитаем держаться обособленно и гордимся, что в наших жилах течет иная кровь.

— Вы — иудеи?

— Иудеи? — переспросил он. — Разумеется, нет!

Мгновение я размышлял.

— Вы сказали, что мой отец умер?

— Увы. В тот раз после расставания с вашей матерью Том так и не добрался до моей усадьбы. Сначала его увлекли конные скачки, потом петушиные бои. Однако несколько лет спустя он снова написал: обещался посетить меня в середине лета и погостить подольше. На сей раз он успел

добраться до деревни неподалеку от Карлайля, где снова пал жертвой любовной страсти к двум девушкам…

— Двум! — воскликнул я изумленно.

— А что вы хотите? — отвечал Джон Каблук. — Каждая оказалась по-своему хороша, поэтому он никак не мог выбрать. Одна была дочерью мельника, другая — пекаря. Том хотел, чтобы они отправились вместе с ним в его дом на Эйлдонских холмах{20}, где жили бы в мире и согласии, следуя велениям своих сердец. Увы, его щедрое предложение не нашло отклика у черствых, неблагодарных девиц, а вскоре пришла весть о смерти Тома. Позднее я узнал, что дочка мельника прислала ему записку, в которой намекала, что готова уступить. Он отправился к мельнице, туда, где на берегу быстрой речки росла рябина. Здесь я вынужден прервать свой рассказ и заметить, что в лесу нет дерева отвратительнее! Обе девицы ждали вашего отца под рябиной. Дочка мельника швырнула Тому в лицо горсть этих

{20} Сноски: 32

Эйлдонские холмы — холмы в Шотландском Пограничье. Согласно легенде, эти холмы полые внутри и под ними покоится король Артур со своими рыцарями. По преданию, именно там встретил королеву Волшебной страны Томас Рифмач и получил от нее дар стихотворства. Эйлдонские холмы также связаны с именем сэра Вальтера Скотта, который любил там прогуливаться.

ужасных ягод, а дочка пекаря столкнула его в реку. Затем они сбросили сверху мельничный жернов, который придавил Тома ко дну. Кузен был на редкость силен. Вся моя семья (вернее, наша) славится необыкновенной выносливостью. Нас не так-то просто лишить жизни, но на груди Тома лежал мельничный жернов! В конце концов он захлебнулся.

— Боже милосердный! — воскликнул я. — Это чудовищно! Как священник я, безусловно, не могу одобрить привычки моего батюшки обольщать юных дев, но как сын должен признать, что возмездие не соответствовало тяжести деяния! Неужели правосудие не настигло убийц?

— Увы, нет, — отвечал Джон Каблук. — Впрочем, довольно ворошить печальное прошлое нашего семейства. Лучше скажите мне, чего это вам взбрело в голову, что вы — итальянец?

Я сказал, что идея принадлежит деду. Смуглое лицо внука и рассказы дочери внушили ему мысль о моем итальянском или испанском происхождении. Любовь к итальянской музыке решила дело. Деда звали Джордж Александр Симон — вот я и стал Джорджио Алессандро Симонелли. Добрейший старый джентльмен не отверг падшую дочь, напротив — он всячески заботился о ней

и давал денег на слуг и достойный кров. Когда от горя и стыда мать умерла вскоре после моего рождения, дед взял меня в свой дом, воспитал и дал образование.

— Примечательнее всего, что вы избрали Геную, — заметил Джон Каблук, — город, который пришелся бы Тому по душе больше других, окажись он в Италии. Не безвкусная Венеция, помпезный Рим или надменная Флоренция — нет, именно Генуя. О, Генуя, вечный полумрак и зловещие отзвуки, что исчезают в сиянии морских глубин!

— Уверяю вас, я выбрал Геную случайно!

— Однако выбрали, — сказал Джон Каблук, — и ваш выбор свидетельствует о глубочайшей проницательности, каковая всегда отличала членов нашего клана. Впрочем, еще раньше вас выдало острое зрение! Никогда в жизни я так не удивлялся — вы заметили пару ничтожных пылинок, налипших на пеленку!

Я спросил, здоров ли его сын.

— Здоров-здоров, благодарю вас. У него превосходная кормилица, кстати ваша прихожанка. Ее молоко как нельзя лучше подходит младенцу.

20 октября 1811 года

Утром во дворе конюшни барышни Гатеркоул

собирались на верховую прогулку. Разумеется, меня пригласили их сопровождать.

— Но, дорогая моя, — сказала миссис Эдмонд старшей мисс Гатеркоул, — вы не должны забывать, что, возможно, мистер Симонелли не ездит верхом. — И она устремила на меня вопросительный взгляд, словно предлагая с ее помощью выпутаться из щекотливого положения.

— Вовсе нет, — отвечал я. — Мне это не впервой. Не знаю занятия приятнее, чем верховая езда.

И я уверенно приблизился к довольно надменной серой кобыле. Однако она не стала покорно дожидаться, когда я на нее взберусь, а шарахнулась в сторону. Я последовал за ней, но невоспитанное животное снова отпрыгнуло от меня на пару шагов. Так продолжалось три-четыре минуты на глазах у барышень Гатеркоул. Внезапно лошадь встала как вкопанная, и я попытался влезть ей на спину, но не тут-то было — никогда не думал, что лошадиные бока такой причудливой формы! Вместо того чтобы в мгновение ока оказаться в седле (как я неизменно проделывал, взлетая на лошадей Джона Каблука), я застрял на полпути.

Разумеется, юные обитательницы усадьбы Апперстон-Хаус и не подумали винить во всем

безобразную скотину, а сочли, что дело во мне. Не знаю, что ранило меня сильнее: удивленные взгляды мисс Гатеркоул и мисс Марианны или нескрываемое веселье Китти.

Позднее я обдумал этот вопрос более тщательно и пришел к выводу, что при здешней скудости общества грех не воспользоваться излишним досугом и не научиться кое-каким навыкам верховой езды — нельзя же так зависеть от дурного настроения кобылы! Попрошу конюха миссис Гатеркоул Джозефа со мной позаниматься.

4 ноября 1811 года

Сегодня сопровождал барышень Гатеркоул на прогулке. Живописная синева неба, желтизна леса и пухлые подушки белых облаков — это все, что я успел разглядеть, ибо пять барышень явно вознамерились не давать мне продыху.

— Ах, мистер Симонелли, не будете ли вы так любезны сделать то?

— Ах, мистер Симонелли, не затруднит ли вас сделать это?

— Мистер Симонелли, что вы думаете о том и об этом?

Меня нагрузили корзинкой для пикника и мольбертами, которые так и норовили выскользнуть из рук. Вдобавок я должен был давать советы

касательно перспективы, высказывать мнение о поэзии мистера Кольриджа{21}, есть пирожные и разливать вино.

Перечитал то, что успел написать в дневнике со времени моего приезда сюда, и страшно удивился — я нигде не упомянул о том, сколь барышни Гатеркоул различны меж собой. Свет еще не знал таких не похожих друг на друга сестер! У всех пяти разные вкусы, характеры, внешность и манера держаться. Старшая (и самая хорошенькая), Изабелла, выше и изящнее прочих. Генриетта — самая романтичная, Китти — самая беспечная, Джейн — тишайшая из сестер. Может часами грезить в гостиной над книгой. Сестры входят и выходят, ссоры вспыхивают и гаснут. Одна с победной улыбкой удаляется из комнаты, другая вздыхает и сворачивает рукоделие, но Джейн нет до них никакого дела! Внезапно она медленно и загадочно улыбается мне, а я улыбаюсь в ответ, сам почти уверовав, что нас связывают некие непостижимые тайны.

Марианна, вторая по старшинству после Изабеллы, чьи волосы в точности повторяют медный

{21} Сноски: 33

...высказывать мнение о поэзии мистера Кольриджа... — Сэмюэл Тейлор Кольридж (1772–1834) — английский поэт-романтик, основатель (вместе с Уильямом Вордсвортом) «Озерной школы».

цвет буковых листьев, — самая несносная из сестер. Если мы находимся вместе в одной комнате, нам хватает получаса, чтобы затеять ссору по любому пустяку.

16 ноября 1811 года

Джон Уиндль прислал письмо, в котором рассказывает, что в четверг в трапезной Корпус-Кристи доктор Протеро живописал доктору Консидайну мой предполагаемый портрет десять лет спустя — с грязнулей-женой и целой вереницей сопливых отпрысков в стоптанных башмаках. Доктор Консидайн так хохотал, что добрая ложка обжигающего супа из гусиных потрохов, которую он только что поглотил, вылилась прямо через нос.

26 ноября 1811 года

К усадьбе Джона Каблука нет ни дорог, ни тропинок. Его слуги не обрабатывают полей. Я не заметил вблизи никаких хозяйственных угодий. И на что они живут? Сегодня видел, как какая-то мелкая тварь — скорее всего, крыса — жарилась над очагом в одной из комнат, а несколько слуг жадно склонились над огнем, сжимая в руках оловянные тарелки и древние ножи. Лиц я не разглядел. (Удивительное дело, но, кроме Дандо

и старухи-дикобраза, мне пока не удалось заглянуть в лицо никому из слуг Джона Каблука — при моем приближении они всегда умудряются шмыгнуть в тень.)

Джон Каблук — превосходный собеседник, его речи весьма поучительны, а образованность выше всяких похвал. Сегодня он заявил мне, что Иуда Искариот некогда считался лучшим пасечником на свете и за прошедшие две тысячи лет никому не удавалось произвести мед, хотя бы отдаленно напоминающий по вкусу Иудин. Поскольку мне никогда не доводилось слышать или читать об этом, я принялся выпытывать у хозяина подробности. Джон Каблук отвечал, что непременно найдет кувшин того самого меда — наверняка завалялся в чулане — и подарит мне.

Затем он заговорил о том, в каком расстройстве оказались дела моего отца после его кончины и что с тех самых пор многочисленные претенденты на наследство покойного не перестают друг с другом воевать.

— Мне известно по крайней мере о двух дуэлях, — сказал хозяин, — и в итоге двое искателей наследства покинули сей мир. Еще одного, чью страсть к наследству вашего отца затмевала только страсть к струнным квартетам, спустя три года

нашли повешенным на дереве за собственные длинные седины. Тело его пронзали скрипичные, альтовые и виолончельные смычки. Эдакий музыкальный святой Себастьян! А не далее как прошлой зимой отравили целый дом. Правда, претендентка в одной сорочке успела выскочить в лютую пургу, так что умерли только слуги. Мне удалось избежать множества напастей лишь потому, что я никогда не претендовал на наследство вашего отца, хотя, честно говоря, прав у меня не в пример больше, чем у некоторых. Однако самым вероятным претендентом может считаться сын Тома Перелеска. Если он заявит права на наследство, все распри прекратятся. — Тут Джон Каблук посмотрел на меня.

Я был потрясен.

— Э-э-э… но ведь я незаконнорожденный.

— Мы не придаем значения подобным мелочам. Большинство наших соплеменников рождается вне брака. Земли вашего отца, как в Англии, так и в других краях, едва ли меньше моих владений, и вам не составит особого труда вступить в права наследства. Как только станет известно, что вы заручились еще и моей поддержкой, вы обоснуетесь в усадьбе Пустое Сердце к следующему

квартальному дню{22}.

А ведь недавно я и помыслить не мог о таком подарке судьбы! Мне по-прежнему трудно поверить в случившееся, но с тех пор я только и думаю о наследстве. Ибо никто в целом свете не сможет распорядиться им лучше меня! Вовсе не потому, что я столь уж высокого мнения о собственной персоне, — просто я искренне верю, что имею природную склонность к управлению большим имением. Если я унаследую земли Тома Перелеска, то немедленно займусь улучшением на строгой научной основе их плодородия и увеличу урожаи в три-четыре раза (я читал, что некоторым джентльменам это удавалось). Как отзывчив я буду к арендаторам и слугам! Я научу их быть счастливыми! Или продам поместья отца и куплю землю в Дербишире, а после женюсь на Марианне или Изабелле. И каждую неделю буду верхом приезжать в гости к миссис Гатеркоул, вникать во все хозяйственные подробности и направлять ее и миссис Эдмонд во всем.

{22} Сноски: 34

...вы обоснуетесь в усадьбе Пустое Сердце к следующему квартальному дню. — Квартальный день — день, начинающий квартал года, когда было принято вносить аренду, платить проценты. Приходился на Благовещение, день середины лета, Михайлов день и Рождество (25 марта, 24 июня, 29 сентября и 25 декабря).

7 часов утра, 8 декабря 1811 года

О Дидоне Паддифер по-прежнему никаких вестей. Начинаю думать, что наши с миссис Эдмонд опасения, будто она сбежала с цыганом или бродячим лудильщиком, далеки от истины. Мы опросили поденщиков, пастухов и трактирщиков, но все утверждают, что цыгане не объявлялись в округе с середины лета. Утром навещу мать Дидоны миссис Глоссоп.

8 часов вечера того же дня

Что стало с моими надеждами! От полного счастья к совершеннейшему отчаянию — и всего за двенадцать часов! Каким глупцом я был! Мечтал унаследовать поместья отца — уж лучше бы я отправился в ад, чтобы арендовать там собственность! Впрочем, именно адского пламени я и заслуживаю, ибо пренебрег своим долгом. Подверг опасностям жизнь и души моих прихожан. Моих прихожан, коих должен всемерно оберегать!

Утром я посетил миссис Глоссоп. Бедная женщина сидела, уткнувшись в фартук, и рыдала. Я сказал ей, что мы с миссис Эдмонд задумали поместить в газетах Дерби и Шеффилда объявление. Возможно, кто-нибудь видел Дидону или слышал о ней.

— Ах, сэр, — вздохнула она, — ничегошеньки из этого не выйдет. Я прекрасно знаю, где дочка.

— Вот как! — удивился я. — Почему же в таком случае вы не приведете ее домой?

— Да куда мне! — воскликнула женщина. — Что я могу, если ее забрал сам Джон Каблук!

— Джон Каблук? — вскричал я смятенно.

— Да, сэр, хотя вряд ли вы о таком слыхали. Миссис Эдмонд не любит, когда говорят о Джоне Каблуке, и бранит нас за невежество и суеверия. Но простые люди хорошо его знают. Джон Каблук — могущественный эльф, который живет неподалеку — не ведаю, с каких пор, наверное, с самого Сотворения мира. Знаю только, что он никогда не забывает заявлять на нас свои права. Наверное, у него в доме (а живет он в усадьбе Крах Всех Надежд) завелся эльфийский детеныш, вот ему и понадобилась крепкая молодка, чтобы младенец сосал доброе человечье молоко.

Не могу сказать, что сразу поверил ей. Не стану утверждать и обратного. Я молча сидел в совершенном оцепенении, пока бедная женщина, позабыв о собственных горестях, не начала трясти меня за плечо и не побежала к миссис Эдмонд за бренди. Когда она вернулась, я одним глотком осушил стакан, после чего отправился прямиком

в конюшню миссис Гатеркоул и попросил Джозефа оседлать Квакера. Миссис Эдмонд выскочила из дома, желая узнать, что стряслось.

— После, миссис Эдмонд, после! — крикнул я и ускакал.

На стук открыл Дандо и сказал, что хозяина нет дома.

— Не важно, — заявил я с самоуверенной улыбкой, — я пришел не к нему, а к моему маленькому кузену, моему крошке-эльфу, — я намеренно сказал «эльфу», и Дандо не стал возражать, — которому помог появиться на свет семь недель назад.

Дандо объяснил, что ребенок в комнате в конце длинного коридора.

В огромном пустом помещении пахло гниющим деревом и сырой штукатуркой. Стены испещряли пятна сырости и крысиные норы. В центре на деревянном стуле странной формы сидела молодая женщина. Железные прутья прижимали ее к спинке стула, не позволяя встать. Руки и ноги были закованы в кандалы и опутаны ржавыми цепями. У груди она держала сына Джона Каблука.

— Дидона? — позвал я.

Сердце мое упало, когда она радостно улыб-

нулась:

— Слушаю, сэр.

— Я новый священник прихода Всех Надежд.

— Как я рада видеть вас, сэр! Я непременно встала бы и сделала реверанс, но вы должны меня простить — у маленького джентльмена с утра превосходный аппетит!

Она поцеловала ужасное создание и назвала его ангелочком, маленьким негодником и дорогой крошечкой.

— Как ты попала сюда? — спросил я.

— Слуги мистера Каблука забрали меня прямо из дома и привели сюда. А уж они-то свое дело знают. — Дидона весело рассмеялась. — Силком втащили меня на холм и усадили в телегу. А я им сказала, что в этом нет нужды. Как только я услыхала, что бедный маленький джентльмен остался без молока, — она встряхнула младенца и снова поцеловала, — я только и думала о том, как бы скорее приложить его к груди. В этом райском местечке одно лишь гнетет меня — мистер Каблук сказал, что я должна оставить своего ребеночка, пока кормлю его сыночка. И если все ангелы спустятся с небес и преклонят перед ним свои сияющие колени, даже тогда он не передумает. Какая незадача, сэр, молока-то у меня

хватит на двоих!

В доказательство своих слов Дидона без смущения обнажила груди, которые даже на мой неискушенный взгляд были переполнены молоком.

Молодую женщину тревожило, кто кормит ее младенца. Я сказал, что Энн Харгривс. Дидона обрадовалась и заявила, что у Нэн всегда был хороший аппетит.

— Никто так не любил пудинги, как эта девчонка, сэр. Наверняка молоко у нее сладкое и здоровое, как думаете, сэр?

— Миссис Эдмонд уверяет, что маленький Горацио Артур растет не по дням, а по часам. А как тут с тобой обращаются?

— Ах, сэр, зачем вы спрашиваете? Разве вы не видите это позолоченное кресло, усыпанное алмазами и жемчугами? Или эту комнату с хрустальными колоннами и бархатными занавесками цвета роз? А ночью — можете мне не верить, сэр, я и сама-то себе верю с трудом — я сплю на шести пуховых перинах, а под голову кладу шесть шелковых подушек!

Я сказал, что весьма рад это слышать. А хорошо ли ее кормят?

Жареной свининой, сливовым пудингом, жа-

реным сыром, хлебом со смальцем, отвечала она. По словам Дидоны, подобные вкусности в усадьбе Крах Всех Надежд никогда не переводятся. Я же увидел у ее ног только треснувшую тарелку с заплесневелыми хлебными крошками.

Дидона верила, что на ней небесно-голубое бархатное платье с алмазными пуговицами. Застенчиво улыбаясь, она спросила, нравится ли мне ее наряд?

— Ты очень хорошенькая, — отвечал я, и она осталась довольна.

На самом деле женщина была в том самом коричневом платье, в котором гуляла в злополучное утро. Платье порвалось и загрязнилось. Волосы Дидоны были испачканы детской рвотой, а левый глаз заплыл кровью из глубокого пореза на лбу. Это душераздирающее зрелище наполнило мое сердце такой жалостью, что, не отдавая себе отчета, я лизнул палец и слюной стер кровь с ее левого глаза.

Я открыл было рот, чтобы спросить, разрешают ли ей вставать с позолоченного кресла, инкрустированного бриллиантами и жемчугами, но тут позади скрипнула дверь. Я обернулся и увидел Джона Каблука. Я ждал вопроса, что я здесь делаю, но хозяин не заподозрил обмана, а

занялся оковами Дидоны. Цепи и кандалы, как и все в этом доме, были старыми и изношенными. Неудивительно, что он опасался за их прочность. Закончив, Джон Каблук обернулся и улыбнулся мне.

— Не останетесь ли выпить со мной вина? — спросил он. — Хочу кое о чем вас расспросить.

В библиотеке хозяин наполнил стаканы и сказал:

— Кузен, я хотел поговорить с вами о семействе, которое проживает в моих английских владениях и жирует за мой счет. Забыл, как их там?

— Гатеркоулы?

— Да-да, верно.

Мгновение он о чем-то размышлял. На темном лице появилась обычная кривая ухмылка.

— Я овдовел семь недель назад, — продолжил Джон Каблук. — С тех пор как в Англии есть женщины, не припомню, чтобы я так долго жил холостяком. Откровенно говоря, меня давно уже не прельщают радости ухаживания, поэтому буду весьма признателен, если вы возьмете на себя труд избавить меня от них и посоветуете, какая из девушек мне подойдет.

— Я совершенно уверен, что вам не понравится ни одна из них!

Он рассмеялся и положил мне руку на плечо:

— Кузен, уверяю вас, мне не так сложно угодить, как вам кажется.

— Нет, я действительно не могу. Вы должны извинить меня, но в этом деле я вам не помощник.

— Вот как! Это почему же?

— Потому что… э… потому что я собираюсь жениться на одной из них! — выпалил я.

— Поздравляю, кузен. На которой?

Я уставился на него:

— То есть?

— Просто скажите, какую берете вы, и я возьму себе другую.

— Марианну! — воскликнул я. — Ах, нет, постойте, скорее Изабеллу! То есть… — Тут до меня дошло, что какую бы из сестер я ни выбрал, остальные подвергнутся страшной опасности.

Джон Каблук рассмеялся и участливо похлопал меня по плечу:

— Меня нисколько не удивляет, что сын Томаса Перелеска так ненасытен, когда речь идет об английских женщинах. Мои аппетиты куда скромнее. С меня хватит и одной. Так и быть, дня через два я сам поеду в деревню и посмотрю, которая из них мне приглянется. Вам останутся остальные четверо.

Неужели Изабелле, Марианне или какой-то другой из сестер предстоит до конца дней влачить жалкое существование в усадьбе Крах Всех Надежд? Стоило ли рождаться на свет для такой печальной доли?

Дома я больше часа рассматривал в зеркале свое отражение. В Кембридже меня всегда удивляло, почему люди часто воспринимали мои речи как оскорбление. Теперь я видел, что слова тут ни при чем — все дело в моем эльфийском лице. Его мрачная алхимия превращает все благородные человеческие чувства в свирепые эльфийские пороки. Я был в отчаянии, но зеркало отражало лишь эльфийскую гордыню. Мое раскаяние становилось яростью, задумчивость обращалась коварством.

9 декабря 1811 года

В половине одиннадцатого предложил руку и сердце Изабелле Гатеркоул. Милая, покладистая девушка уверила меня, что я сделал ее счастливейшей из женщин. Однако она никак не соглашалась на тайную помолвку.

— Я понимаю, что мама и тетя Эдмонд станут чинить нам препятствия, но молчание нас не спасет! Я знаю их куда лучше. Увы, пока они не расположены признавать ваши неоспоримые до-

стоинства, но со временем мы их уговорим! И чем скорее мы начнем изливать на них бесконечные жалобы и мольбы, тем скорее осуществятся наши мечты. Я буду заливаться слезами, вы изобразите отчаяние. Я сделаюсь больна — жаль, это потребует времени. Как назло, вид у меня на редкость цветущий.

Разве мог не поддаться уговорам столь прелестной наставницы двуличный кембриджский выпускник? Изабелла так нежно упрашивала меня последовать ее совету, что я почти забыл о собственных планах и был вынужден согласиться с ее столь разумными доводами. В конце я даже поведал ей часть правды. Я сказал, что у меня обнаружился по соседству богатый родственник, который решил мне покровительствовать. К тому же вскоре я надеюсь вступить в наследство. Наверняка миссис Гатеркоул станет куда уступчивее, когда узнает, что я ничуть ее не беднее.

Изабелла тут же согласилась с разумностью моих доводов и, наверное, вновь заговорила бы о любви и всем таком, однако я вынужден был ретироваться, потому что заметил Марианну, которая входила в комнату для завтрака.

Поначалу Марианна оказалась несговорчивой. Нет, она вовсе не говорит, что не хочет стать моей

женой. Замуж выходить все равно придется, и она надеется, что мы вполне друг другу подходим. Однако почему помолвка должна оставаться тайной? В этом есть что-то почти неприличное.

— Как вам угодно, — сказал я. — Просто я подумал, что если вы действительно питаете ко мне нежные чувства, то согласитесь уступить столь невинной просьбе. К тому же, сами понимаете, тайная помолвка обязывает нас обращаться друг к другу только по-итальянски.

Марианна страстно любила итальянский, в особенности потому, что сестры не понимали по-итальянски ни слова.

— Ах, раз так, тогда я согласна! — воскликнула она.

В саду в половине двенадцатого мое предложение приняла Джейн. Она прошептала мне в ухо: «Как бог, красив лицом, когда весна цветет»{23}, улыбнулась кроткой загадочной улыбкой и взяла мои руки в свои.

В начале первого в утренней гостиной мне пришлось столкнуться с затруднением иного рода. Генриетта уверила меня, что тайная помолв-

---

{23} Сноски: 35

«Как бог, красив лицом, когда весна цветет»… — строка из стихотворения «Наряд, шелка мои…» английского поэта Уильяма Блейка (1757–1827) (перев. В. Савина).

ка — именно то, чего она желает всей душой, однако попросила разрешения написать кузине в Абердин. Эта кузина, мисс Мэри Макдональд, пятнадцати с половиной лет от роду, как и сама Генриетта, была ее ближайшей подругой и постоянным адресатом.

Самое удивительное, сказала Генриетта, что в ту же неделю, когда в ее жизни появился я (и Генриетта, по ее словам, сразу утратила покой), она получила письмо от Мэри Макдональд, в котором та писала, что влюбилась в рыжего пресвитерианского священника — преподобного Джона Маккензи. Судя по описаниям Мэри Макдональд, ее избранник был почти так же хорош собой, как и я! Разве не поразительно, что судьбы подруг оказались так схожи? Наверняка страстное желание Генриетты рассказать Мэри Макдональд о нашей помолвке было отчасти вызвано чувством соперничества. Подозреваю, что, уверяя меня, будто больше всего на свете желает, чтобы отношения Мэри Макдональд и мистера Маккензи завершились помолвкой, моя нареченная отчасти кривила душой. Однако заставить Генриетту не писать подруге я не мог, посему пришлось согласиться с ее условием.

В три часа пополудни в гостиной я наконец-то

набрел на Китти, которая упрямо не хотела меня слушать, а вихрем носилась по комнате, переполненная грандиозными планами поразить всю деревню представлением, которое собиралась устроить в амбаре на Рождество.

— Вы меня не слушаете, — сказал я, — а ведь я только что просил вас стать моей женой.

— А я уже ответила, что согласна. Это вы меня не слушаете. Лучше посоветуйте, какую пьесу выбрать. Изабелла хочет изображать какую-то ложно обвиненную неземную красавицу, невиновность которой выясняется в последнем акте. Марианна вообще не соглашается участвовать, если ей не разрешат сказать что-нибудь по-итальянски. Джейн совершенно в этом не разбирается, потому лучше бы ей и вовсе не раскрывать рта, а Генриетта будет делать то, что я велю. А вот я хочу быть медведем! Старым добрым говорящим мишкой! Мишкой, умеющим танцевать, — вот так! А вам придется изображать матроса или кучера — не важно, кого именно, потому что у нас есть шляпа для одного и сапоги для другого. А теперь, мистер Симонелли, говорите, какую пьесу нам выбрать.

Два часа дня, 10 декабря 1811 года
В лесу между усадьбой Крах Всех Надежд и де-

ревней Всех Надежд

Я достал перо, чернильницу и тетрадь.

— Что вы делаете? — хнычет перепуганная Дидона.

— Пишу дневник, — отвечаю я.

— Сейчас? — дивится она.

Бедняжка Дидона! Все время, пока я пишу эти строки, она не перестает жаловаться, что скоро стемнеет, а снегопад усиливается. И впрямь, снежные хлопья изрядно мешают писать и размывают буквы.

Этим утром мой неусыпный надзор за деревней принес свои плоды. Когда я стоял у церковной двери, скрытый от глаз пышными зарослями плюща, на дорожке, ведущей от усадьбы Апперстон-Хаус, появилась Изабелла. Резкий порыв ветра прошелся по деревне, срывая последние листья с деревьев и принося с собой первые снежные хлопья. Внезапно показалось, будто на дорожку, ведущую к церкви от господского дома, обрушилась буря из листьев и снега, и Джон Каблук был тут как тут, низко кланялся и улыбался.

В этот миг моя решимость следовать намеченному плану подверглась суровому испытанию — мог ли я оставить ее, их всех на милость Джона Каблука? Все в нем — от вкрадчивого наклона

головы до загадочного жеста — вселяло в мое сердце ужас, но я был нужен в другом месте. Оставалось надеяться, что чувство барышень Гатеркоул ко мне станет им надежной защитой.

Я, не медля, направился в усадьбу Крах Всех Надежд. Стоило мне появиться на пороге комнаты, где сидела Дидона, как бедняжка вскрикнула:

— Ах, сэр, вы пришли вызволить меня из этого ужасного места?

— Что случилось? — изумился я. — Я думал, что ты всем довольна.

— Так оно и было, сэр, пока вы не лизнули палец и не дотронулись до моего глаза. Тут же я увидела все по-другому! Теперь, когда я смотрю этим глазом… — Дидона закрыла левый глаз, оставив открытым правый, — то вижу себя в золотом платье в волшебном дворце. Я укачиваю самого красивого младенца, какого мне доводилось видеть. Но если я открою другой… — теперь Дидона открыла левый глаз, — прекрасный дворец превращается в отвратительную каморку, а на руках у меня — ужасный гоблинский детеныш. Но, — добавила она поспешно (заметив, что я хочу что-то сказать), — мне все равно, что тут творится! Мне очень плохо, и я хочу домой!

— Рад это слышать, — ответил я. Затем, преду-

предив женщину, чтобы слушалась меня во всем и не перечила, что бы я ни сказал, я выглянул в коридор и позвал Дандо.

Он тотчас явился и отвесил мне низкий поклон.

— У меня послание от твоего господина — сказал я. — Я встретил его в лесу вместе с новой женой. Однако, как многие англичанки, она до крайности слабонервна. Почему-то вообразила, будто в усадьбе Крах Всех Надежд ее ждут всяческие ужасы. Поэтому мы с твоим хозяином решили, что эта женщина, — я показал на Дидону, — должна встретить молодую. Знакомое лицо ее успокоит.

Я замолчал и всмотрелся в темные злобные черты эльфа. В ответ он ошеломленно уставился на меня.

— И чего ты дожидаешься, болван? — воскликнул я. — Делай как велено! Развяжи кормилицу, чтобы я немедля отвел ее к твоему господину!

Затем, подражая приступам гнева, столь характерным для Джона Каблука, я принялся запугивать Дандо всем, что пришло в голову. Я грозился избить его, заковать в кандалы и запереть в темницу. Клялся, что расскажу хозяину о его возмутительном непослушании, и обещал,

что ему придется до конца жизни распутывать ветки в лесу и расчесывать травы в полях, — будет знать, как оскорблять и ни во что меня не ставить!

Хоть Дандо далеко не дурак, куда ему тягаться со мною. Моя ложь оказалась настолько убедительной, что он не только принес ключ, дабы расковать Дидону, но и изрядно утомил меня оправданиями и мольбами о прощении.

Когда прочие слуги услыхали, что английский кузен хозяина уводит английскую кормилицу, в их затуманенных нечеловеческих мозгах зашевелились подозрения. Все челядинцы выползли из своих укрытий и столпились вокруг нас. Впервые я смог разглядеть их вблизи. Я и сам с трудом выдержал это зрелище, а что уж говорить о Дидоне! Позднее женщина призналась мне, что правым глазом лицезрела дам и господ, облик которых был сама доброта, и ее мучило, что она их обманывает. Однако другим глазом Дидона видела гоблинов, служивших Джону Каблуку, в их истинном обличье.

На головах у них торчали выросты, ветвистые рога или щитки, как у насекомых, попадались головы смятые и сдавленные, словно заплесневелые апельсины. Клыкастые пасти и пасти

воронкообразные ухмылялись, зевали и источали слюну. Кошачьи уши и уши летучих мышей, крысиные усы. Глаза старцев на юных лицах, громадные и наивные детские глаза на лицах, сморщенных от времени. Глаза подмигивали и щурились даже на тех частях тела, где я никак не ожидал их увидеть. Гоблины скрывались везде: они пялились на нас изо всех щелей в обшивке стен, а изо всех дыр в лестничных перилах торчали гоблинские носы и хоботки. Слуги Джона Каблука тыкали в нас грубыми мозолистыми пальцами, тянули за волосы и щипали до синяков. Мы с Дидоной выбежали из дома, вскочили на Квакера и поскакали в зимний лес.

С неба цвета бурных морских волн валил снег. Слышался лишь стук копыт да звон сбруи, когда Квакер встряхивал головой.

Поначалу нам удалось отъехать довольно далеко, затем откуда-то опустилась туманная дымка, и тропа больше не вела в нужном направлении. Мы забрались так глубоко в чащу и скакали так долго — не иначе как этот лес превышал размерами Дербишир и Ноттингемпшир, вместе взятые! По моим подсчетам, нам давно уже пора было выехать на опушку. И какую бы тропу я ни выбирал, мы неизменно проезжали мимо

белой калитки, за которой начиналась ровная сухая дорога — подозрительно сухая, если учесть, сколько снегу навалило вокруг, — и всякий раз Дидона спрашивала, почему мы не свернем туда. Однако я не поддался. Тропинка казалась самой обычной, но вдоль нее дул обжигающий ветер, словно дыхание печи, в котором вонь горелого мяса мешалась с запахом серы.

Когда стало окончательно ясно, что скакать дальше — только изнурять себя и коня, я сказал Дидоне, что нужно спешиться и привязать Квакера к дереву. Так мы и поступили. Затем забрались на ветки и стали ждать Джона Каблука.

Семь часов вечера того же дня

Дидона рассказала мне, что слыхала от матери, будто красные ягоды, например рябиновые, — лучшее средство против эльфийского колдовства.

— Вон они краснеют в зарослях неподалеку, — сказала она.

Вероятно, глаза ее по-прежнему затуманивали чары, ибо никаких ягод не было и в помине, только каштановые бока Пандемониума — гнедого жеребца Джона Каблука.

И вот уже два эльфа на лошадях стояли перед нами за падающим снегом.

— Это вы, кузен? — воскликнул Джон Каблук. — Как поживаете? Я бы пожал вам руку, да боюсь не дотянуться. — Он был полон веселья и злобы, словно пудинг, набитый сливами. — А у меня выдалось суматошное утро. Представляете, все девицы оказались помолвлены, хотя ни одна не призналась с кем. Разве не удивительно?

— Еще бы, — согласился я.

— Да и кормилица сбежала. — Он бросил кислый взгляд на Дидону. — Никто и никогда не осмеливался так расстраивать мои планы, и теперь я полон решимости отыскать виновника моих бедствий. А знаете, кузен, что я с ним сделаю, когда найду?

— Даже не догадываюсь, — отвечал я.

— Убью, — промолвил Джон Каблук, — как бы сильно его ни любил.

Плющ, что обвивал дерево, начал шевелиться и рябить, словно морские волны. Поначалу я подумал, будто кто-то пытается укрыться в зарослях, затем понял, что растение движется само. Словно змеи в поисках добычи, плети поднимались в воздух и закручивались вокруг моих ног.

— Ах! — воскликнула Дидона и попыталась оторвать плети.

Однако плющ не только двигался — он рос.

Вскоре мои ноги были намертво привязаны к стволу новыми побегами. Плети заплетали грудь, терзали правое предплечье. Они грозились проглотить мой дневник, но эту опасность я предвидел. Плети не успокоились, пока не добрались до шеи, — мне оставалось гадать, задумал ли Джон Каблук задушить меня или просто привязать к дереву и заморозить до смерти!

Затем настал черед Дандо.

— А ты чем слушал, башка чугунная? Я ведь говорил тебе, что он такой же изощренный лжец, как ты да я! — Джон Каблук заехал слуге в ухо. — Где были твои глаза? Ты только посмотри на него! Разве ты не заметил, что в груди у него бьется свирепое сердце эльфа, которое не дрогнет, когда придет время убивать? Поди сюда, нежить окаянная! Сейчас я проделаю тебе пару лишних дырок в роже, чтобы знал, куда смотреть!

Я спокойно дожидался, пока мой кузен закончит тыкать рукоятью хлыста в лицо слуги, а Дандо перестанет выть.

— Не уверен, — промолвил я, — что, когда придет время убивать, сердце мое не дрогнет, но проверить стоит.

Свободной рукой я перевернул страницы дневника, чтобы найти ту, где описывал свой приезд в

деревню. Затем отклонился от ствола так далеко, как только мог (что оказалось довольно легко, ибо плющ надежно меня поддерживал), и сотворил над головой Джона Каблука тот удивительный жест, который он некогда проделал над головой старика.

На миг мы оцепенели, словно замерзшие деревья, и потеряли дар речи, словно птицы в чаще и звери в норах. Внезапно Джон Каблук возопил:

— Кузен!..

То были его последние слова. Пандемониум, который, казалось, знал, что случится в следующее мгновение, встал на дыбы и стряхнул всадника на землю. Конь словно испугался, что мое заклинание захватит и его. Раздался жуткий скрежет — деревья задрожали, птицы с карканьем взмыли в воздух. Казалось, будто целый мир, а не какой-то презренный эльф раскололся надвое. Я посмотрел вниз — Джон Каблук лежал на снегу, разделенный ровно на две половинки.

— Ха! — вскричал я.

— О боже! — воскликнула Дидона.

Дандо издал вопль, который я не берусь передать английским алфавитом, ибо в обычном слове не бывает такого количества слогов. Затем Дандо схватил поводья Пандемониума и ускакал

вперед со скоростью, на которую только он один был способен.

Смерть Джона Каблука ослабила заклинание, которое он наложил на плющ, и мы с Дидоной без труда распутали ветви. Мы добрались до деревни, и я вернул женщину счастливым родителям, любящему мужу и голодному ребенку. Мои прихожане осыпали меня похвалами, благодарностями, обещаниями помощи и так далее и тому подобное. Я устал до смерти, поэтому после краткой речи, в которой советовал им извлечь уроки из моего мужества и самоотверженности, сослался на головную боль и отправился домой.

Одно лишь тревожило меня — я не успел осмотреть тело Джона Каблука. Мне пришло в голову, что если разум обитает в мозгу человека, то внутри эльфа должен располагаться некий орган, отвечающий за волшебство. Действительно, рассеченное тело обладало некоторыми удивительными особенностями. Прилагаю весьма грубую зарисовку и несколько заметок о том, чем эльфийская анатомия отличается от человеческой. Завтра на рассвете непременно отправлюсь в лес, чтобы изучить труп более тщательно.

11 декабря 1811 года

Тело исчезло. Наверное, его похитил Дандо.

Какая досада — а я так надеялся отослать труп в анатомическую школу мистера Бейли на Грейт-Уиндмил-стрит в Лондоне! Полагаю, усадьбу и прочие владения Джона Каблука унаследует младенец в пустой комнате, что в конце коридора. Возможно, лишившись молока Дидоны в столь нежном возрасте, сын Джона Каблука не вырастет таким же сильным и злобным, как его отец.

Я не оставил надежд унаследовать земли отца и когда-нибудь собираюсь объявить о своих притязаниях. Вряд ли сан священника англиканской церкви несовместим с владением обширными землями в Стране Фей — я, во всяком случае, о таком не слыхал.

17 декабря 1811 года

Я подло предан преподобным Джоном Маккензи! Меньше всего я мог ожидать подобного коварства со стороны собрата-священника. Оказалось, что он женится на наследнице замка и нескольких сотен миль промозглых шотландских пустошей в Кейтнессе. От всей души надеюсь, что на землях, полученных преподобным Маккензи в качестве приданого, найдутся болотистые участки и он утонет в трясине. Вынужден с прискорбием заметить, что обманутые чувства мисс Мэри Макдональд заставили ее обратить свой

гнев против меня и Генриетты. Мисс Макдональд убеждает Генриетту, что мне нельзя доверять, и грозится написать миссис Гатеркоул и миссис Эдмонд. Генриетта уверяет меня, что ничего не боится, напротив — приближающаяся буря заставляет ее сердце ликовать.

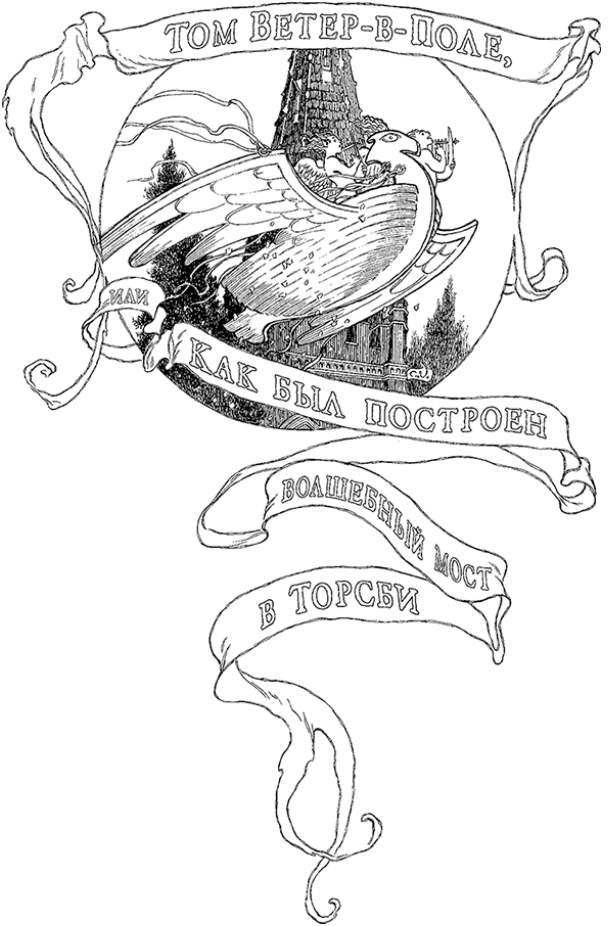
— Ты защитишь меня! — воскликнула она со странно блестящими глазами и горящим от волнения лицом.

— Моя дорогая девочка, — ответил ей я, — вряд ли я это переживу.

20 декабря 1811 года

Джордж Холлинсклот только что приходил с запиской, в которой миссис Гатеркоул и миссис Эдмонд выражают желание увидеть меня *немедленно*. В последний раз окидываю комнату любящим взором…

Том Ветер-в-Поле..., или Как был построен волшебный мост в Торсби

ТОМ ВЕТЕР-В-ПОЛЕ,
ИЛИ
КАК БЫЛ ПОСТРОЕН
ВОЛШЕБНЫЙ МОСТ
В ТОРСБИ

О дружбе между иудейским врачом XVIII века Давидом Монтефьоре и эльфом Томом Ветер-в-Поле сохранилось на удивление много письменных свидетельств. Речь не только о записях и семейном архиве самого Монтефьоре, но и о бесчисленных упоминаниях в письмах, записках и дневниках восемнадцатого — начала девятнадцатого века. Кажется, что Монтефьоре и Ветер-в-Поле встречались со всеми знаменитостями своего времени. Они обсуждали рабство с Босуэллом и Джонсоном, играли в домино с Дидро, выпивали с Ричардом Бринсли Шериданом, а однажды ненароком повстречали самого Томаса Джефферсона в его саду в Монтичелло[2]{24}.

Однако какими бы впечатляющими ни были свидетельства современников, наиболее яркое

---

[2] Сноски: 2

Бедный Давид Монтефьоре чуть не умер от смущения, когда его застигли в чужом саду. Ему стоило большого труда оправдаться. Он объяснил Томасу Джефферсону, что они, будучи наслышаны о красотах Монтичелло, не смогли устоять и пройти мимо. Эта учтивая речь умиротворила президента, поначалу настроенного весьма враждебно. К несчастью, Том Ветер-в-Поле тут же пустился в рассуждения о том, насколько его собственный сад превосходит президентский. Томас Джефферсон, не долго думая, выдворил обоих за границы своих владений. *(Здесь и далее примечания автора.)*

{24} Сноски: 36

…обсуждали рабство с Босуэллом и Джонсоном, играли в домино с Дидро, выпивали с Ричардом Бринсли Шериданом, а однажды ненароком повстречали самого Томаса Джефферсона в его саду в Монтичелло. — В истории английской литературы имена Сэмюэля *Джонсона*

(1709–1784) и Джеймса *Босуэлла* (1740–1795) тесно связаны. Сэмюэль Джонсон, которого иногда называют просто «доктором Джонсоном», — выдающийся критик, эссеист и лексикограф, составитель «Словаря английского языка», автор «Жизнеописаний наиболее выдающихся английских поэтов». Однако во многом славой своей он обязан успеху знаменитой биографии «Жизнь Сэмюэля Джонсона», написанной его другом, адвокатом и литератором Джеймсом Босуэллом. Джонсон был яростным противником рабства и даже сделал своим наследником чернокожего слугу Френсиса Барбера. По свидетельству Босуэлла, однажды в Оксфорде, в компании весьма важных персон, Джонсон провозгласил тост за грядущее восстание негров в Вест-Индии. Дени *Дидро* (1713–1784) — французский философ, энциклопедист и общественный деятель эпохи Просвещения. *Ричард Бринсли Шеридан* (1751–1816) — английский драматург и политический деятель. *Томас Джефферсон* (1720–1778) — третий президент Соединенных Штатов Америки, человек весьма разносторонних интересов (философ, теолог, изобретатель, Джефферсон увлекался также музыкой, архитектурой и садоводством). Поместье Монтичелло в своем родном штате Вирджиния спроектировал сам в палладианском стиле. Джефферсон признавался, что не знает занятия приятнее, чем возделывать землю и ухаживать за садом. Парк Монтичелло украшали лесок и тенистая аллея, а также огород, где выращивалось более двухсот пятидесяти видов овощей и зелени.

представление об этой удивительной дружбе дают пьесы, рассказы и песни, ею вдохновленные. И если в начале девятнадцатого века рассказы о похождениях Тома и Давида пользовались громадной известностью как здесь, так и в Малых Королевствах, то во второй половине века в Европе и Америке о них позабыли. Стало модным изображать жителей Страны Фей крохотными беззащитными созданиями. Том Ветер-в-Поле — шумный, самодовольный, шести футов росту — никак не подходил под описание существ, которых Артур Конан Дойл или Чарльз Доджсон{25} надеялись обнаружить в укромных уголках своих садов.{26}

{25} Сноски: 37

Чарльз Доджсон — настоящее имя писателя Льюиса Кэрролла. В отличие от Конан Дойла он не верил в фей, но интересовался темой видений, а в своем последнем сказочном романе «Сильвия и Бруно» (1889) даже привел инструкцию, как увидеть фей:

«Следующий вопрос — в какое время лучше всего наблюдать за феями? Мне кажется, мне есть что рассказать вам об этом.

Первое условие: день должен быть жарким (это очень важно!), а вы должны пребывать в полудремотном состоянии, но совсем чуть-чуть, глаза должны быть открыты. Кроме того, вы должны пребывать в «феерическом» расположении духа ‹…› пожалуй, это слово подходит, но, если вы сами не понимаете, что оно, собственно говоря, означает, боюсь, я не сумею ничего объяснить вам. Вам придется подождать появления какой-нибудь феи, и тогда вам все сразу станет ясно.

И наконец, последнее: кругом не должны стрекотать сверчки. Я не смогу этого объяснить: вам придется просто-напросто принять это на веру, вот и все» (Перев. А. Москательникова).

{26} Сноски: 38

…описание существ, которых Артур Конан Дойл или Чарльз Доджсон надеялись обнаружить в укромных уголках своих садов. — Писатель Артур Конан Дойл пал жертвой невинного детского розыгрыша. В 1917 г. шестнадцатилетняя Элси Райт и девятилетняя Фрэнсис Гриффитс сделали фотографии фей у себя в саду (они снимали бумажных фей, вырезанных из детской книги). Сэр Артур Конан Дойл поверил в подлинность фотографий и привел их в статье о феях, написанной для рождественского номера журнала «Стрэнд» в 1920 г., а 1922 г. напечатал свое исследование отдельной книгой. Конан Дойл, веривший в спиритизм, верил и в фей, собирал истории о людях, их видевших (как правило, это были дети), и дал им теософское объяснение.

Эта история впервые появилась в «Блеквудском журнале» (Эдинбург, сентябрь 1820 года), затем была перепечатана в «Обозрении Силена» (Малые Королевства, апрель 1821 года). С литературной точки зрения повесть ничем не примечательна и обладает всеми недостатками второсортных произведений начала девятнадцатого века. Однако при внимательном прочтении мы обнаруживаем в ней множество интереснейших сведений о загадочной эльфийской расе и непростых отношениях между эльфами и их отпрысками.

Профессор Джеймс Сатерленд
Центр по изучению сидов
Абердинского университета,
октябрь 1999 года

Лондонцы в большинстве своем никогда не задумываются, почему Шу-лейн в Сити мягко изгибается почти на протяжении всей своей длины. Если бы горожане взяли на себя труд (чего никогда не случается) поднять глаза вверх, то заметили бы древнюю стену громадной круглой башни, из-за которой улица и делает изгиб.

Это лишь одна из башен в замке Тома Ветер-в-Поле. Том с юности славился любовью к дальним странствиям. Для удобства своих путешествий он разместил башни в разных частях света. Из одной

вы попадали на Шу-лейн, еще одна занимала островок посередине шотландского озера, третья располагалась среди унылых красот алжирской пустыни, четвертая — на улице Высохшей Зелени в Малых Королевствах и так далее и тому подобное. Со свойственной ему велеречивостью Том именовал свое необычное жилище *Castel des Tours saunz Nowmbre*, что означает Замок бесчисленных башен. В 1764 году Давид Монтефьоре сосчитал башни. Их оказалось четырнадцать.

Июньским утром 1780 года Давид постучал в дверь башни на Шу-лейн. Гость поинтересовался у привратника, где Том, и получил ответ, что хозяин в библиотеке.

Проходя темными гулкими коридорами, поднимаясь по громадным лестничным пролетам, Давид приветливо здоровался с обитателями замка. Однако в ответ они только удивленно таращились на него или неуверенно кивали, словно видели Давида впервые. Лицо гостя не поражало ни особенной красотой, ни извращенным уродством, а фигура была самой неприметной. Более того, в лице Давида не читалось ни испепеляющего презрения, ни неотразимого обаяния, а только добрый нрав и готовность любить ближнего. Обитатели Кастель-де-Тур-сан-Номбр

недоумевали, чего ради гость нацепил на лицо такое непонятное выражение. В библиотеке Тома не было, зато там оказались девять эльфийских принцесс. Одним изящным движением девять головок обернулись в сторону гостя. Девять платьев ослепили Давида разными оттенками шелка. Девять изысканных ароматов мешались в воздухе, сбивая с мыслей.

Красавицы были внучками Тома Ветер-в-Поле. Принцессы Каритас, Беллона, Альба Перфекта, Лакрима и Фламмифера приходились друг другу сестрами, равно как и принцессы Мед Диких Пчел, Горестный Стон Над Водой, Поцелуй Над Могилой Истинной Любви и Птица В Ладонях.

— Давид бен Израэль! — воскликнула принцесса Каритас. — Как мило, что заглянули! — И красавица подала гостю руку.

— Я помешал вам, ваши высочества, — извинился Давид.

— Вовсе нет, — возразила принцесса Каритас. — Мы писали письма родным. Обычные письма вежливости. Извольте присесть, Давид бен Израэль!

— Вы не упомянули, что мы писали родным женского пола, — вмешалась принцесса Мед Диких Пчел. — Вы недостаточно ясно дали понять иудейскому доктору, что речь идет о наших кузинах. Мне не хотелось бы, чтобы наш гость решил, будто мы способны писать нашим родственникам мужского пола.

— Разумеется, речь шла о кузинах, а не о кузенах, — согласилась принцесса Каритас.

— Мы не общаемся с нашими кузенами, — сочла нужным уведомить Давида принцесса Фламмифера.

— Мы даже не знаем их имен, — добавила принцесса Горестный Стон Над Водой.

— И даже если бы знали, нам и в голову не придет им писать, — вмешалась принцесса Альба Перфекта.

— Хотя мы слышали, что они очень красивы, — вздохнула принцесса Лакрима.

— Красивы? — возмутилась принцесса Каритас. — Да кто вам это сказал? Какая разница, красивы они или уродливы! Лично мне нет до них никакого дела. Я о них даже не думаю!

— Да неужто, милочка? — воскликнула принцесса Лакрима со слабым смешком. — Не могу поверить! По-моему, вы с утра до ночи ни о чем

другом и не помышляете.

Принцесса Каритас бросила на сестру злобный взгляд.

— И каким же кузинам вы писали? — быстро спросил Давид.

— Игрейне…

— Нимуэ…

— Элейне…

— И Моргане.

— Безобразные девицы, — заметила принцесса Каритас.

— Это не их вина, — великодушно промолвила принцесса Мед Диких Пчел.

— И давно их нет с вами? — спросил Давид.

— Ах! — воскликнула принцесса Фламмифера.

— Ах! — вздохнула принцесса Каритас.

— Ах! — вторила им принцесса Мед Диких Пчел.

— Их отправили в ссылку, — промолвила принцесса Беллона.

— На вечность… — начала принцесса Горестный Стон Над Водой.

— …и один день, — закончила принцесса Фламмифера.

— Нам казалось, что все об этом знают, — сказала принцесса Альба Перфекта.

— Дедушка выгнал их, — объяснила принцесса Поцелуй Над Могилой Истинной Любви.

— Они оскорбили его, — добавила принцесса Птица В Ладонях.

— Дедушка был очень ими недоволен, — заметила принцесса Горестный Стон Над Водой.

— Вот и отправил их жить в один дом, — сказала принцесса Каритас.

— Совсем неподходящий дом, — вздохнула принцесса Альба Перфекта.

— Скверный дом! — воскликнула принцесса Лакрима, сверкая глазами. — Там одни только слуги-мужчины! Вульгарные и грязные, с толстыми скрюченными пальцами и колтунами в волосах! Наверняка эти прислужники всячески показывают кузинам, что не ставят их ни в грош! А возможно, иногда они показывают им кое-что еще! — добавила принцесса с довольным и знающим видом.

Каритас рассмеялась. Давид покраснел.

— Дом этот стоит в лесу, — продолжила принцесса Птица В Ладонях.

— Совсем неподходящий лес, — добавила принцесса Беллона.

— Скверный лес! — воскликнула принцесса Лакрима взволнованно. — Совершенно сырой и

темный, полный пауков и скользких вонючих…

— А зачем дедушка отослал ваших кузин в этот лес? — быстро перебил Давид.

— Дело в том, что Игрейна вышла замуж, — ответила принцесса Каритас.

— Тайно, — добавила принцесса Горестный Стон Над Водой.

— Нам казалось, что все об этом знают, — сказала принцесса Поцелуй Над Могилой Истинной Любви.

— За христианина, — объяснила принцесса Каритас.

— Он учил ее играть на клавесине! — хихикнула принцесса Беллона.

— Ах, какие прекрасные концерты он исполнял! — воскликнула принцесса Альба Перфекта.

— А какие прекрасные у него были… — начала принцесса Лакрима.

— Рима! Да угомонишься ты наконец! — вмешалась принцесса Каритас.

— Кузины, — сладко проворковала принцесса Мед Диких Пчел, — когда вас сошлют в сырой темный лес, мы непременно вам напишем.

— Вы же помните, — начала принцесса Поцелуй Над Могилой Истинной Любви, — как я удивилась, когда она стала брать уроки каждый

день. До появления мистера Картрайта Игрейна не слишком любила музицировать. Затем они стали запираться, что меня очень расстроило, ведь я обожаю клавесин! Поэтому мне пришлось подслушивать под дверью, но целую четверть часа в комнате было тихо, раздавался только странный диссонирующий звук, словно кто-то случайно облокотился на клавиши. Тогда я решила войти, но, взявшись за ручку двери, обнаружила, что с той стороны в замóк вставлен ключ!

— Успокойся, Поцелуй, — сказала принцесса Горестный Стон Над Водой.

— Ее только зовут Поцелуй, — охотно объяснила Давиду принцесса Лакрима, — на самом деле она не целовалась ни разу в жизни!

— Я только одного не понимаю, — начал Давид. — Допустим, принцесса Игрейна вышла замуж без разрешения своего деда, что, безусловно, очень плохо. В таких важных вопросах дети всегда должны советоваться с родителями или теми, кто их заменяет. Также и родители (или в нашем случае дедушка) должны учитывать не только финансовые стороны брака и общественное положение жениха и невесты, но характеры и перспективы будущего семейного счастья.

Нельзя не считаться с сердечными склонностями детей…

Пока Давид вещал о взаимных правах и обязанностях детей и родителей, принцесса Мед Диких Пчел уставилась на него со смешанным выражением неприязни и неодобрения, принцесса Каритас громко зевнула, а принцесса Лакрима изобразила, что от скуки готова лишиться чувств.

— …но даже если принцесса Игрейна оскорбила своего дедушку, то почему вместе с нею наказали ее сестер? — закончил Давид.

— Потому что они не остановили ее, — ответила принцесса Альба Перфекта.

— Потому что не донесли, — добавила принцесса Горестный Стон Над Водой.

— Нам казалось, что все об этом знают, — сказала принцесса Птица В Ладонях.

— А что стало с учителем? — спросил Давид.

Принцесса Лакрима широко распахнула синефиолетовые глаза и с живостью подалась вперед, но тут из коридора донесся голос:

— …а когда я застрелил, ощипал и освежевал третью ворону, то обнаружил, что сердце у нее алмазное, как и обещала старуха. Так что вечер прошел не зря.

У Тома Ветер-в-Поле была дурная привычка начинать разговор, не дойдя до двери, — так что те, к кому он обращался, успевали уловить только конец его речи.

— Что? — спросил Давид.

— Прошел не зря, — повторил Том.

Ростом Том был шести футов и на редкость красив, даже для эльфийского правителя. (Надо сказать, что высшие слои эльфийского общества обычно почитают своей обязанностью быть привлекательнее простолюдинов.) Кожа Тома сияла таким здоровьем, что казалось, чуть светится изнутри, что всегда слегка смущало собеседников. Том некоторое время назад отказался от парика и теперь щеголял собственными волосами, длинными, прямыми, яркого каштанового оттенка. Глаза у Тома были синими, и выглядел он (последние три-четыре тысячи лет) не старше тридцати. Том огляделся, изогнул совершенную эльфийскую бровь и недовольно пробормотал:

— Дуб и Ясень! Сколько женщин в этой комнате!

Тут же раздался шелест девяти шелковых платьев, легкий щелчок двери, прощальный залп девяти ароматов, и друзья остались одни.

— Итак, где вы пропадали? — спросил Том,

откидываясь в кресле и углубляясь в газету. — Я ждал вас вчера. Разве вы не получили мою записку?

— Я был занят с больными, да и сейчас должен уходить. Меня ждет мистер Монктон.

Богатый старый джентльмен из Линкольна написал Давиду три письма, в которых жаловался на необъяснимую боль в левом боку. В ответном письме Давид предложил джентльмену из Линкольна свой способ лечения.

— Впрочем, сдается, он не слишком мне доверяет, — добродушно заметил Давид. — Мистер Монктон состоит в переписке еще с одним врачом из Эдинбурга и каким-то колдуном из Дублина. Его также навещает местный аптекарь. Наши рекомендации расходятся, но это не важно — все равно мистер Монктон никому не верит. Теперь он написал, что умирает и хотел бы увидеть нас всех. Шотландский врач, ирландский колдун, английский аптекарь и ваш покорный слуга! Я заранее предвкушаю удовольствие! Нет ничего более приятного и поучительного, чем общение с представителями своего сословия!

Том вздрогнул[3].

— Старик и впрямь болен?

— Не имею понятия, ибо никогда его не видел.

Том снова уткнулся в газету, затем раздраженно опустил ее, зевнул и заявил:

— Я отправляюсь с вами, — и замолчал, ожидая проявлений бурного восторга со стороны друга.

С чего это Том решил, недоумевал Давид, будто пребывание в Линкольне его развлечет? Долгие медицинские разговоры, в которых он ничего не смыслит, ворчливый старик, спертый воздух и тишина в комнате больного! Давид уже готов был поделиться своими опасениями с Томом, но внезапно ему пришло в голову, что совместное путешествие может оказаться небесполезным.

Давид был сыном прославленного венецианского раввина. С юности он привык обсуждать моральные устои с достойными единоверцами. Эти беседы сформировали его характер, поэтому неудивительно, что Давид верил в благотворное действие слов. Проще говоря, он считал, что, если убеждать людей достаточно долго и в правильных выражениях, они станут хорошими и

---

[3] Сноски: 3

Эльфийские правители не часто ищут общества друг друга. Обычно после таких встреч кто-нибудь из них непременно умирает — внезапно, таинственно и в страшных мучениях.

счастливыми. Поэтому Давид взял за правило несколько раз в неделю вступать в перепалку с Томом — впрочем, без видимого успеха. И теперь долгое путешествие на север давало ему превосходную возможность замолвить словечко за несчастную жену учителя музыки и ее сестер.

Лошадей вывели из стойла. Друзья вскочили в седла и отправились в путь. Не успели они отъехать далеко, как Давид принялся за свое.

— Кто на этот раз? — спросил Том равнодушно.

— Принцессы Игрейна, Нимуэ, Элейна и Моргана.

— А, вот вы о ком. Я отослал их в… Как называется этот лес на окраине Горестей? Нет, не помню. Впрочем, не важно.

— Но вечное заточение! — вскричал Давид. — Бедные крошки! Неужели мысль об их страданиях не мешает вам спать спокойно?

— Как видите, нет, — отвечал Том. — Впрочем, спасибо за заботу. По правде сказать, я рад всему, что уменьшает количество женщин в моем доме. Давид, уж вы мне поверьте, эти девчонки болтают без умолку! Допустим, я тоже люблю поговорить, но при этом я не сижу без дела! У меня есть библиотека, я покровительствую трем театрам, двум симфоническим оркестрам и одному

университету. У меня много интересов в Больших Королевствах. Моим сенешалям, магистратам и поверенным постоянно требуется совет. Я вовлечен в… — Том принялся быстро загибать длинные бледные пальцы, — тринадцать войн, которые постоянно ведутся в Больших Королевствах. В одном особо запутанном случае я одновременно выступил союзником Мельничного Зверя и его врагини Белой дамы из Априньи{27} и даже выслал армии обоим! — Том замолчал и насупился. — Что, вероятно, означает, что я пребываю в состоянии войны с самим собой. И зачем мне все это? — На несколько секунд Том погрузился в размышления, впрочем, не особенно в них преуспел, поэтому тряхнул головой и продолжил: — О чем это я? Ах да! Само собой, в отличие от этих неразумных девчонок мне есть что сказать. Ведь они же ничего не делают, совсем ничего! Вышивание, уроки музыки, ах да, еще чтение! О, эти английские романы! Давид, случалось ли вам заглядывать в английский роман? Нет? Уверяю

{27} Сноски: 39

Белая дама из Априньи — знаменитая нормандская фея, обитавшая в Байе, в узкой лощине на месте современной Рю-Сен-Квентин. Завидев путника, она, танцуя, приближалась к нему и протягивала руку. Если путник отваживался с ней потанцевать, фея вскорости его отпускала, если же боязливо отступал, то приходила в ярость и швыряла его в ров, заросший терновником.

вас, вы не много потеряли. Совершенная ахинея о том, как девушки с затейливыми именами выходят замуж!

— Об этом я и толкую, — сказал Давид. — Вашим детям нечем себя занять, вот они и озорничают.

Давид часто укорял Тома, что тот пренебрегает отцовским долгом, чем неизменно вызывал раздражение друга, считавшего себя образцовым эльфийским родителем. Он щедро обеспечивал всех своих детей и внуков и только в исключительных случаях лишал их жизни[4].

— До замужества юные девушки должны тихо сидеть дома, — сказал Том. — Вы же не станете с этим спорить?

— Я признаю, что не придумано других способов держать в узде иудейских и христианских

---

[4] Сноски: 4

В любви к детям эльфы превосходят даже иудеев и христиан. Для них в порядке вещей украсть одного-двух хорошеньких христианских младенчиков вдобавок к собственному выводку.

Однако эльфам не свойственно задумываться о последствиях своих поступков. Производя на свет собственное потомство или воруя чужое, они через пару десятков лет удивляются, откуда в доме взялось столько взрослых мужчин и женщин, которых нужно как-то обеспечить. В отличие от иудеев и христиан эльфийским отпрыскам не приходится рассчитывать, что однажды они унаследуют имущество, земли и положение родителей, поскольку те вовсе не собираются отправляться на тот свет.

Удивительно, что некоторые эльфы справляются с этим затруднением, и немудрено, что многие эльфийские отпрыски со временем восстают против родителей. Так, Том Ветер-в-Поле на протяжении более семи

веков был вовлечен в кровопролитную войну со своим первенцем, неким принцем Риалобраном.

барышень. Однако в их случае между школьной партой и свадьбой проходит всего несколько лет, тогда как для фей ожидание может растянуться на века. Возможно, вам следует пересмотреть свое отношение к женскому полу. Разумно ли во всем уподобляться христианам? Вы переняли даже их манеру одеваться!

— Как и вы, — нашелся Том.

— И вы подстригаете свои лохматые эльфийские брови!

— По крайней мере, они у меня есть! — парировал Том. — А где твоя борода, иудей? Разве Моисей носил седой парик? — Том пренебрежительно щелкнул Давида по макушке. — Что-то я сомневаюсь.

— Вы даже не говорите на родном языке! — воскликнул Давид, поправляя аккуратный паричок.

— Как и вы, — снова возразил эльф.

На это Давид отвечал, что иудеи чтят свое прошлое, молятся на древнееврейском и пользуются родным языком в особо торжественных случаях.

— Однако речь шла о ваших дочерях и внучках. Интересно, как вы управлялись с ними в бруге?

Следует признать, замечание вышло бестактным. Ничто не могло обидеть Тома сильнее, чем напоминание о бруге. Если вы носите белоснеж-

ное белье и полуночно-синий сюртук, тщательно ухаживаете за ногтями, а волосы ваши сияют, как полированное красное дерево, короче говоря, если вы обладаете утонченными манерами и изысканным вкусом, вряд ли вам польстит упоминание о том, что первые две-три тысячи лет своей жизни вы провели в темной сырой норе. Не говоря уже о том, что в те давние времена вы наверняка носили килт из грубой некрашеной шерсти и прелую кроличью накидку (если вообще не щеголяли голышом)[5].

— В бруге, — Том нарочно помедлил, чтобы Давид осознал, что воспитанные люди не упоминают в разговоре о подобных вещах, — такого затруднения не возникало. Дети рождались и вырастали, не зная, кто их отцы. Я понятия не

---

[5] Сноски: 5

На протяжении бесчисленных столетий эльфы обитали в бругах. Бруг — прототип всех эльфийских дворцов, о которых вам доводилось читать в сказках. Со временем склонность христиан приукрашивать бруги только возрастала. Их называли «волшебными дворцами из золота и хрусталя в самом сердце холма» (леди Уайльд* «Старинные легенды, тайные чары и суеверия Ирландии», Уорд энд Дауни, Лондон, 1887). Другой летописец сообщал о «ступенчатом холме, поросшем травой, круглом, как форма для пудинга… Озерцо на его вершине имеет дно из хрусталя и служит световым люком» (Сильвия Таунсенд Уорнер** «Эльфийские королевства», Шатто энд Виндус, Лондон, 1977).

На самом деле бруг — это обычная нора или несколько связанных между собой нор, выкопанных в склоне холма, как кроличьи или барсучьи. Перефразируя одного современного автора детских книжиц, бруг — это не благоустроенная норка, и даже не сухая песчаная, а

именно мерзкая, грязная и сырая нора***.

Эльфы с их живучестью стойко переносят сырость, а вот похищенные христианские дети в половине случаев умирают от удушья.

* *…леди Уайльд…* — Джейн Франческа, леди Уайльд (1821–1896) — ирландская поэтесса, активная сторонница национального освободительного движения, мать писателя Оскара Уайльда. Интересно, что в своем труде леди Уайльд приводит занятный вариант сказки о повитухе для эльфов. В отличие от классического варианта там нет упоминания о волшебной мази, при помощи которой людские глаза проникают сквозь чары, а роды у эльфийской госпожи принимает не повивальная бабка, а известный доктор.

** *Сильвия Таунсенд Уорнер* (1893–1978) — английская романистка и поэтесса. Ее жестоких и самовлюбленных эльфов, обреченных нести тяжкую ношу бессмертия, можно считать предшественниками эльфов Сюзанны Кларк.

*** «Не в какой-то там мерзкой грязной сырой норе, где со всех сторон торчат хвосты червей и противно пахнет плесенью, но и не в сухой песчаной голой норе, где не на что сесть и нечего съесть. Нет, нора была хоббичья, а значит — благоустроенная» (Дж. Р. Р. Толкин. Хоббит. Перев. Н. Рахмановой).

имею, кто мой родитель, и никогда не стремился выяснить.

К двум пополудни Том и Давид добрались до Ноттингемпшира[6] — графства, с древности знаменитого своими дремучими лесами. Разумеется, в позднейшие времена лес уменьшился до сотой части былого размера, но еще были живы несколько древних деревьев. Посему Том не преминул выразить уважение тем из них, кого считал своими друзьями, и презрение — тем, кого недолюбливал[7].

Пока Том здоровался с деревьями, Давид забеспокоился о мистере Монктоне.

— Вы уверяли меня, что он не так уж болен, — заметил Том.

— Ничего подобного я вам не говорил! Однако,

---

[6] Сноски: 6

В конце восемнадцатого века путешествие из Лондона в Ноттингемпшир занимало два-три дня. Том и Давид добрались до места за пару часов, в чем, несомненно, заключается одно из преимуществ путешествия в компании могущественного эльфийского правителя.

[7] Сноски: 7

Эльфы, родившиеся в последние примерно восемь столетий, — культурные, образованные, привыкшие общаться с христианами — прекрасно отличают одушевленное от неодушевленного. Однако от представителей старой гвардии вроде Тома это тонкое различие ускользает.

Некоторые теоретики магического искусства отмечают, что эльфы, по-прежнему верящие в наличие души у камней, дверей, деревьев, огня и облаков, более искусные волшебники, нежели их юные соплеменники, да и сама их магия гораздо сильнее.

Следующая история повествует о том, как введенные в заблуждение

эльфы способны воспринимать самые обычные предметы с благоговейным ужасом. В 1697 году враги пытались убить Старика из Белой Башни — одного из мелких князьков Страны Фей. Неудавшегося наемного убийцу-эльфа звали Барсуком (на лице у него чередовались полоски черного и белого меха). Барсук прослышал о чудесном новом оружии, при помощи которого люди убивают друг друга. Тогда Барсук решил отказаться от магических способов убийства (в которых вполне мог преуспеть) и прикупил пистолет (что его и сгубило). Бедный Барсук был схвачен и брошен Стариком из Белой Башни в темный каземат глубоко под землей. В соседний каземат Старик из Белой Башни заключил пистолет, а в третий — пули. Барсук умер в заточении в начале двадцатого века (три столетия без еды, воды и солнечного света способны уморить даже эльфа). Однако пистолет и пули все еще хранятся под землей, ибо Старик из Белой Башни считает, что они до сих пор заслуживают наказания за давнее преступление. Другие эльфы, в разное время замышлявшие убить Старика, строили изощренные планы, как выкрасть пистолет и пули, которые приобрели над их умами удивительную власть. Чудесный народ знает, что металл, камень и дерево — материи упрямые. Устройство пистолета и пуль, при помощи которых Барсук пытался убить Старика из Белой Башни в 1697 году, настолько непостижимо для эльфов, что их ценность нисколько не умалилась с течением столетий. Враги Старика до сих пор уверены, что когда-нибудь эти предметы помогут им уничтожить врага.

как бы то ни было, мой долг — добраться до больного как можно скорее.

— Хорошо-хорошо, чего вы так раскипятились! — сказал Том. — И куда вы направляетесь? Вот дорога!

— Мы же ехали в другом направлении!

— Вовсе нет. Хотя не знаю. Впрочем, обе дороги в конце концов сольются в одну, поэтому не важно, какую из них мы выберем.

Томова дорога вскоре обернулась узкой и неухоженной тропинкой, которая привела друзей на берег широкой реки. На другом берегу стоял одинокий городишко. За ним дорога продолжалась, и странно было видеть, как, покинув город, она расширяется, словно спешит поскорее оставить эту глухомань и добраться до более процветающих мест.

— Вот это да! А где же мост? — удивился Том.

— Кажется, его нет.

— Как же мы переберемся на ту сторону?

— Здесь есть паром, — отвечал Давид.

Длинная железная цепь соединяла берега. Цепь крепилась к каменным столбам. На другом берегу к цепи железными скобами крепилась древняя плоскодонка. Вскоре появился такой же древний паромщик и с помощью цепи перетянул лодку

через реку. Том и Давид ввели лошадей на паром, и паромщик переправил их на другой берег.

Давид спросил у паромщика, как называется городок.

— Торсби, сэр, — отвечал старик.

Торсби состоял из нескольких улочек, застроенных ветхими домишками с мутными окнами и дырявыми крышами. Посередине главной улицы стояла забытая повозка. Вероятно, когда-то здесь была рыночная площадь, но все так заросло сорняками, что становилось ясно — местные жители давно позабыли про ярмарки. Лишь один дом мог сойти за жилище джентльмена: высокий старомодный особняк из серого известняка со множеством узких фронтонов и дымовых труб. Дом выглядел вполне респектабельно, хотя и провинциально.

Местная таверна называлась «Колесо Фортуны». Вывеска изображала человеческие фигуры, прикованные к громадному колесу, которое поворачивала сама Фортуна — пригожая розовощекая дама. Из одежды на ней была только повязка на глазах. В согласии с унылым духом этого места, художник не стал изображать персонажей, для которых свидание с колесом завершилось благополучно, зато подробно живописал, как колесо

безжалостно давит и расшвыривает прикованных к нему бедняг.

Ободренные этими жизнерадостными картинами, иудей и эльф поспешили миновать Торсби быстрым галопом. Однако на выезде из города Давид услыхал крик: «Джентльмены! Джентльмены!» — и торопливые шаги. Он остановился и оглянулся.

К путешественникам приближался человек.

Выглядел он весьма необычно. Маленькие, почти бесцветные глазки. Нос, словно круглая булочка, и розовые круглые ушки украсили бы миловидного ребенка, но совершенно не шли взрослому. Однако забавнее всего было то, что глаза и нос сходились в верхней части лица, а рот, словно поссорившись с ними, красовался в гордом одиночестве снизу. Одет незнакомец был крайне неряшливо, на голове топорщилась редкая щетина светлых волос.

— Вы не заплатили сбор, господа! — воскликнул он.

— Какой еще сбор? — спросил Давид.

— А как же! Сбор за переправу! Сбор за то, что вы пересекли реку!

— Вы ошибаетесь, мы заплатили, — ответил Давид. — Паромщику, который переправил нас

на этот берег.

Странный незнакомец улыбнулся:

— Вовсе нет, сэр! Вы заплатили пенни паромщику за работу, а сбор за переправу — совсем другое дело. Всякий, кто переправляется через реку, должен заплатить мистеру Уинстенли, а я собираю плату. Всадник и лошадь стоят шесть пенсов. Два всадника и две лошади — двенадцать.

— Не хотите ли вы сказать, — изумился Давид, — что я должен заплатить дважды, чтобы попасть в это богом забытое место?

— Сбор тут ни при чем, Давид, — беззаботно заметил Том. — Мерзавец просто хочет, чтобы мы дали ему двенадцать пенсов.

Улыбка не сошла с лица странного человечка, но в глазах зажегся опасный огонек.

— Джентльмены вольны оскорблять меня, как им заблагорассудится. Оскорбления у нас бесплатны. Однако я вынужден поставить вас в известность, что я вовсе не мерзавец. Я — адвокат. Да-да, адвокат! У меня обширная практика, даже в самом Саутуэлле. Однако прежде всего я — поверенный и управляющий мистера Уинстенли. Мое имя, господа, Пьюли Уитс!

— Адвокат? — удивился Давид. — В таком случае прошу меня простить.

— Давид, — возмутился Том, — ну где вы видели таких адвокатов? Только посмотрите на него! На эти стоптанные башмаки, эту видавшую виды шляпу! Вылитый разбойник! — Том наклонился. — А сейчас мы уезжаем, мерзавец. Счастливо оставаться!

— Это все мой небрежный наряд, — уныло вздохнул Пьюли Уитс. — Парик и выходной сюртук остались дома. Я не успел переодеться, когда Питер Докинс сказал мне, что двое джентльменов пересекли реку и собираются покинуть Торсби, не заплатив сбор. Который, кстати, составляет двенадцать пенсов, и я по-прежнему нижайше прошу вас заплатить его, господа.

Благочестивый иудей всегда платит по долгам, даже если задолжал неумышленно. Джентльмену также не пристало ходить в должниках. Поскольку Давид считал себя и тем и другим, он склонялся к тому, чтобы заплатить двенадцать пенсов Пьюли Уитсу. Эльф смотрел на этот вопрос совершенно иначе. Том платить не собирался. Он бы скорее обрек себя на долгие годы мучений, чем заплатил.

Пьюли Уитс какое-то время наблюдал за перебранкой. Наконец пожал плечами и заявил:

— В сложившихся обстоятельствах, джентль-

мены, полагаю, вам следует переговорить с мистером Уинстенли.

Он отвел друзей в высокий дом, который Том и Давид успели заметить раньше. Дом окружала высокая каменная стена. Дворик украшали два грубых каменных льва с круглыми удивленными глазами, треугольными зубами и причудливыми гривами, больше напоминавшими листву, чем мех.

Открыла им хорошенькая служанка. Она скользнула взглядом по Пьюли Уитсу и Давиду Монтефьоре и уставилась на Тома Ветер-в-Поле, который тем временем рассматривал странных львов.

— Доброе утро, Люси! — сказал Пьюли Уитс. — Хозяин дома?

— А где ж ему быть? — отвечала Люси, не отрывая глаз от Тома.

— Эти джентльмены отказываются платить сбор, поэтому я привел их к мистеру Уинстенли. Ступай доложи о нас. И поспеши, Люси, меня ждут дома. Сегодня мы режем крапчатую свинью.

Несмотря на предупреждение, Люси не спешила докладывать хозяину о прибытии гостей. Спустя несколько секунд из открытого окна над головой Давид услыхал невнятное бормотание, за

которым последовало восклицание Люси: «Какой представительный джентльмен! О, мадам, такого красавца вы в жизни не видели!»

— О чем они говорят? — Том на мгновение оторвался от изучения каменных львов.

— Служанка описывает меня своей госпоже, — объяснил Давид.

— Ясно, — промолвил Том и отвернулся к львам.

Из окна высунулась и тут же спряталась голова.

— А еще мистер Уитс и с ним какой-то субъект, — снова донесся до них голос служанки.

Затем Люси снова появилась в дверях и сквозь череду на редкость пустынных комнат и коридоров провела Тома, Давида и Пьюли Уитса в гостиную в глубине дома. Здесь, в отличие от других помещений, были красные ковры, зеркала в золоченых рамах и белый с синим фарфор. Впрочем, выглядела гостиная все равно мрачновато. Стены были обшиты панелями из темного дерева, приспущенные шторы на высоких окнах создавали подобие сумерек. Гравюры на стенах лишь усиливали унылое настроение. Они изображали знаменитых исторических деятелей, которые все как один, позируя художникам, явно пребывали

в дурном расположении духа. Давиду давно не доводилось видеть столько насупленных бровей, недовольных гримас и неприязненных взглядов.

В дальнем углу комнаты на диване с подушками возлежал джентльмен. На нем был изящный зеленый с белым ситцевый халат и стоптанные турецкие туфли. Рядом в кресле сидела дама, вероятно миссис Уинстенли.

Так как некому было их представить, пришлось Тому и Давиду назваться самим (церемония довольно неловкая и в лучшие времена). Давид упомянул о своей профессии. Том просто произнес свое имя с торжественным видом, чтобы ни у кого не осталось сомнений, что перед ними — важная персона.

Мистер Уинстенли принял их весьма учтиво и приветствовал в своем доме (который он называл Микелгрейв-Хаус). Гостей, однако, удивило, что он не встал с дивана и не пошевелил ни единым мускулом. У хозяина был мягкий голос и добрая улыбка, приятные правильные черты и на удивление бледный цвет лица, который бывает у любителей сидеть взаперти.

Миссис Уинстенли встала и сделала реверанс. Она носила простенькое шелковое платье ежевичного цвета, украшенное скромным белым

кружевом. У хозяйки были темные волосы и глаза. Если бы миссис Уинстенли взяла на себя труд улыбнуться, то, несомненно, стала бы еще краше.

Пьюли Уитс объяснил, что мистер Ветер-в-Поле отказывается платить сбор.

— Нет-нет, Уитс, ни слова больше! — воскликнул мистер Уинстенли. — Эти джентльмены не должны мне ни пенни! Уверен, их просвещенная беседа возместит мне все. — Хозяин повернулся к Тому и Давиду. — Джентльмены! По причинам, о которых чуть позже, я редко выезжаю. Сказать по правде, я и комнату эту покидаю нечасто, поэтому вынужден общаться с людьми малообразованными и низкого положения, такими как Уитс. Вы не представляете, до чего я рад вас видеть!

Затем мистер Уинстенли обратил внимание на смуглое неанглийское лицо Давида и вежливо спросил:

— Монтефьоре — имя итальянское, не так ли? Вы итальянец, сэр?

— Мой отец родился в Венеции, — отвечал Давид, — но, к несчастью, венецианцы ожесточили свои сердца против иудеев. Теперь моя семья живет в Лондоне. Так что надеюсь, сейчас нас можно назвать англичанами.

Мистер Уинстенли слегка кивнул. Действительно, что может быть естественнее желания считать себя англичанином?

— Приветствую вас, сэр. Рад сообщить, что я терпимо отношусь к представителям иной веры.

Тут миссис Уинстенли наклонилась и что-то шепнула мужу на ухо.

— Нет, — мягко отвечал он, — сегодня я не стану одеваться.

— Вы больны, сэр? — спросил Давид. — Если я могу чем-нибудь помочь…

Мистер Уинстенли рассмеялся, словно услышал нечто весьма забавное.

— Нет уж, лекарь! Тебе не удастся так легко на мне заработать. Ты не сможешь убедить меня, что я болен, тогда как я совершенно здоров! — Затем хозяин с улыбкой повернулся к Тому. — Иностранцам никогда не понять, что деньги — это еще не все. У них на уме одна только нажива.

— Я вовсе не собирался… — начал Давид, покраснев.

Мистер Уинстенли улыбнулся и махнул рукой, давая понять, что не нуждается в оправданиях гостя.

— К тому же я нисколько не обиделся. Я не

осуждаю вас, *dottore*{28}. — Он томно откинулся на подушки. — Джентльмены, да будет вам известно, что я был рожден для великих свершений. Однако печальное запустение этого города не позволило мне проявить свои таланты. Вы видели Торсби. Полагаю, вы удивлены его жалким состоянием и царящей среди жителей праздностью. Да вот хотя бы Уитс! Только взгляните на него! В других городах адвокаты — люди уважаемые. Не режут свиней, носят бархатные камзолы, а их сорочки не испачканы подливкой.

— Да уж, действительно. — Том презрительно посмотрел на Уитса.

Слова мистера Уинстенли возмутили Давида. Он считал, что никому не позволено резко отзываться о людях, стоящих ниже по положению, тем более в их присутствии. Давид посмотрел на Уитса, гадая, как тот переносит унижение. Однако Уитс безмятежно улыбался, и Давид уже готов был заподозрить в нем болвана, если бы не затаенная злоба в глазах адвоката.

— Впрочем, — продолжал мистер Уинстенли, — вы не должны думать, что только Уитс отвечает за свою неряшливость и праздность. Во всем

{28} Сноски: 40
Dottore — доктор *(ит.)*.

виноват этот город! А что довело Торсби до такого состояния? Отсутствие моста!

Пьюли Уитс ткнул мистера Уинстенли локтем.

— Расскажите им о Юлии Цезаре.

— Ах нет! — воскликнула миссис Уинстенли. — Едва ли эта история заинтересует джентльменов. Полагаю, они достаточно наслушались о Юлии Цезаре за школьной партой.

— Вовсе нет, мадам, — возразил Том с мягким упреком, — я никогда не устаю слушать истории об этом выдающемся и бесстрашном джентльмене. Умоляю вас, сэр, продолжайте[8]. — Том откинулся назад, подпер голову рукой и погрузился в изучение изящных форм и нежного личика хозяйки.

— Джентльмены, — начал мистер Уинстенли, — я исследовал историю Торсби и смею утверждать, что все беды нашего городка начались с римлян, которые представлены в этой комнате самим Юлием Цезарем. Его портрет висит между дверью и горшком с гиацинтом. Римляне строили в Британии превосходные прямые дороги. Такая

---

[8] Сноски: 8

Том Ветер-в-Поле — не единственный представитель своей расы, чтящий память Юлия Цезаря. Многие из чудесного народа считают римлянина своим предком. Существует также средневековая христианская легенда о том, что Оберон (вымышленный король эльфов) приходится Юлию Цезарю сыном.

дорога проходит совсем рядом с нашим городком. Если бы римляне следовали своим принципам и здесь, то мост должен был пересечь реку как раз в Торсби. Однако местность у нас болотистая, поэтому строители отклонились от прямой и возвели мост в Ньюарке. Они построили там город с храмами и рынками, а Торсби так и остался заболоченной дырой. И это только один из множества случаев, когда наш городок пострадал из-за нравственного несовершенства других людей!

— Например, леди Анна Латтерелл, — напомнил Пьюли Уитс.

— Ах, мистер Уинстенли! — воскликнула его жена, принужденно улыбаясь. — Вы заставляете меня вмешаться. Наших гостей нисколько не интересует леди Анна. Уверена, они не большие любители истории.

— Отчасти вы правы, мадам, — согласился Том. — В наши дни историей называют всякий вздор. Королей, которых помнят по длинным нудным речам, а не по доблести на полях сражений, тучных старцев в седых париках, неотличимых друг от друга, именуемых правительствами. Кому интересна такая история? Однако если вы говорите об истинной истории, живописующей славные деяния героев древности, такая история

по мне!

— Леди Анна Латтерелл, — продолжил мистер Уинстенли, словно не слыша их обоих, — богатая вдова, жившая в Оссингтоне.

(Миссис Уинстенли опустила глаза на скрещенные на коленях руки.)

— Портрет ее светлости висит между письменным столиком и напольными часами. Известно, что она собиралась пожертвовать большую сумму на возведение моста, поэтому Торсби построили у реки. Однако в последнюю минуту вдова изменила решение и пожертвовала деньги на строительство заупокойной часовни. Полагаю, мистер Монтефьоре, вам неизвестно, что это такое. Заупокойная часовня — своего рода церковь, где священники служат мессы по жертвователю. Со стыдом вынужден признать, что таковы были суеверия наших предков.

— Расскажите им о королеве Елизавете. — Уитс подмигнул Давиду и Тому. Становилось понятно, как он намерен отомстить за оскорбления, нанесенные мистером Уинстенли. Сомнительно, чтобы последний отважился произнести столько глупых и напыщенных речей без поддержки адвоката.

— Ах да, королева Елизавета, благодарю вас,

Уитс, — довольно промолвил мистер Уинстенли.

— Королева Елизавета! — взволнованно вскричала миссис Уинстенли. — К чему избирать столь недостойный пример? Если вам хочется поговорить о королевах, почему бы не вспомнить Матильду или Анну?

Том наклонился к миссис Уинстенли так близко, насколько позволяли приличия. У него явно накопилось множество соображений относительно королевы Матильды и королевы Анны, которыми он жаждал поделиться с хозяйкой, но мистер Уинстенли не дал ему возможности вставить ни слова.

— Вы можете видеть королеву Елизавету, сэр, между окном и зеркалом. Во времена ее правления жители Торсби зарабатывали на жизнь изготовлением игральных карт. Однако королева даровала королевский патент на монопольное изготовление карт некоему молодому человеку. Он написал поэму, прославляющую ее прелести, а королеве в то время уже исполнилось шестьдесят пять. Теперь во всей Англии только он один имел право заниматься этим промыслом. Молодой человек разбогател, а жители Торсби впали в нищету.

Мистер Уинстенли продолжал рассказывать о

людях, которые могли, но не построили мост в Торсби или каким-либо иным способом причинили городу ущерб. С каждым новым персонажем жена отчаянно пыталась прервать поток глупостей, извергаемых мужем, но мистер Уинстенли не обращал на нее ровно никакого внимания.

Особое презрение мистер Уинстенли питал к Оливеру Кромвелю, чей портрет висел на почетном месте над каминной полкой. Кромвель собирался дать врагу решающее сражение под Торсби, но в последнюю минуту передумал, лишив городок участи быть сметенным с лица земли неприятельскими армиями.

— Но безусловно, — наконец не выдержал Давид, — лучше всего построить мост самим.

— Ах, — улыбнулся мистер Уинстенли, — вы так полагаете? Я вступил в переговоры с двумя джентльменами, которые дают деньги в долг другим джентльменам. Мистер Блеквел из Лондона и мистер Крамфилд из Бата. Мы с мистером Уитсом расписали обоим, какую исключительную выгоду они смогут извлечь, если построят мне мост, но они отказались ссудить деньги. — Мистер Уинстенли уставился на пустую стену, словно ожидал увидеть там портреты мистера Блеквела и мистера Крамфилда, которые дополнили бы его

галерею неудач и провалов.

— Но ведь сумма была поистине громадной, — вступила в разговор миссис Уинстенли. — Вы не назвали нашим гостям сумму. Мне в жизни не приходилось слышать таких цифр!

— Мосты в наше время до́роги, — согласился Давид.

Затем миссис Уинстенли, очевидно решив, что разговоры о мостах изрядно утомили гостей, задала несколько вопросов Давиду. Где он обучался медицине? Сколько у него пациентов? Есть ли среди них дамы? От разговора о профессиональных материях перешли к обсуждению семейных радостей. Давид рассказал о своей жене и четырех отпрысках.

— А вы женаты, сэр? — спросила хозяйка у Тома.

— Что вы, мадам! — воскликнул тот.

— Нет, женаты, — напомнил другу Давид. — Сами знаете, что женаты.

Том сделал рукой неопределенный жест, вероятно означавший, что вопрос допускает разные толкования.

Сказать по правде, у Тома действительно была жена-христианка. В пятнадцать она славилась хорошеньким озорным личиком, миндалевидным

разрезом глаз и ветреностью. Тому нравилось сравнивать жену с котенком. В двадцать она превратилась в лебедя, в тридцать — в лису. Затем последовательно становилась для него шавкой, гадюкой, василиском и, наконец, свиньей. С каким животным сравнивал ее Том теперь, никто не ведал. Жене перевалило за девяносто, и последние сорок лет она томилась в дальних покоях Кастель-де-Тур-сан-Номбр. Несчастной было строго-настрого велено никому не показываться, пока ее мужу не принесут долгожданную весть о ее кончине.

Истекли положенные приличиями полчаса, и Давид начал беспокоиться о своем пациенте мистере Монктоне. Однако мистер Уинстенли не мог смириться с мыслью, что новоявленные друзья собираются его покинуть. Он принялся уговаривать Тома и Давида погостить в Микелгрейв-Хаусе недели две. Чтобы избежать неловкости, миссис Уинстенли пришлось прервать его монолог и пожелать гостям счастливого пути.

Во дворе путешественникам пришлось ждать, пока приведут лошадей, но тут из дома появилась Люси, поочередно оглядела друзей и смущенно произнесла: «Сэр, миссис Уинстенли хотела бы побеседовать с вами наедине».

— Вот как! — Казалось, Том не особенно удивился приглашению.

— Нет, сэр! Не с вами, сэр! — Люси сделала неловкий реверанс. — Госпожа хотела видеть иудейского доктора.

Миссис Уинстенли ждала Давида в большой, но довольно пустынной спальне. Там стояло кресло, сундук и огромная кровать с пологом и зелеными парчовыми занавесками. Хозяйка мялась рядом с кроватью. Все в ее позе — жесткая осанка, напряженный взгляд, сцепленные пальцы рук — говорило о крайнем замешательстве.

Миссис Уинстенли извинилась за беспокойство.

— Что вы, никакого беспокойства, не тревожьтесь, — отвечал Давид. — Вы хотели о чем-то спросить?

Хозяйка опустила глаза:

— Мы с мистером Уинстенли женаты четыре года, но у нас до сих пор нет детей.

— Хм. — Мгновение Давид размышлял. — Возможно, кто-то из вас двоих не расположен к супружеской близости?

— Нет, — миссис Уинстенли вздохнула, — по крайней мере, от этой обязанности мой муж не уклоняется.

Затем Давид задал обычные вопросы, которые задают в подобных случаях доктора. Миссис Уинстенли отвечала без ложной стыдливости.

— Насколько я могу судить, беспокоиться не о чем, — сказал Давид. — Не вижу причины, почему бы вам не понести. Берегите здоровье, миссис Уинстенли. Не падайте духом, и возможно…

— А я так надеялась… — миссис Уинстенли запнулась, — так надеялась, что, поскольку вы иностранец, возможно, вы знаете что-нибудь, чего не знают наши английские доктора! Ради ребенка я готова на все, согласна вытерпеть любую боль! Только об этом и думаю! Люси считает, что мне нужно есть морковь и пастернак и что я должна кормить этими овощами мистера Уинстенли.

— Зачем?

— Потому что они похожи на маленьких человечков.

— Ах да, разумеется, понятно. Пожалуй, это не повредит.

Давид простился с миссис Уинстенли так сердечно, как позволяло их краткое знакомство. Он нежно сжал руку женщины и сказал, что верит в нее. Ее надежды обязательно сбудутся, ибо никто в целом свете не заслуживает этого больше.

Во дворе Том уже сидел в седле. Лошадь Давида стояла рядом.

— Ну, — спросил Том, — чего она хотела от вас?

— У нее нет детей, — ответил Давид.

— И что с того?

— Это ее огорчает. Поэтому она никогда не улыбается.

— От детей одни хлопоты, — заметил Том и задумался о своем.

— Для вас — возможно. Однако женщины чувствуют иначе. Дети — наше продолжение. К тому же все женщины — феи, христианки, иудейки — жаждут обрести достойный объект для своей любви. Вряд ли она когда-нибудь сможет полюбить мужа.

Говоря так, Давид как раз садился на лошадь. Обычно это действие требовало от него максимальной сосредоточенности. Усевшись в седло, он с удивлением обнаружил, что Том исчез.

«Куда это Том запропастился? — удивился про себя Давид. — Напрасно он думает, что я буду его дожидаться. Я весь день твержу ему, что меня ждут в Линкольне».

Однако не успел Давид выехать из города, как услыхал позади какой-то звук и обернулся, ожидая увидеть Тома.

Однако увидел только Пьюли Уитса на лошади, которую хозяин явно выбрал за сходство с собой: такую же костлявую, сивую и безобразную.

— Мистер Монтефьоре! — воскликнул Пьюли Уитс. — Мистер Уинстенли хотел, чтобы вы и мистер Ветер-в-Поле осмотрели его владения, поэтому велел мне вас сопровождать. Я уже говорил с вашим другом, но оказалось, что у него в Торсби какое-то дело, поэтому он не располагает временем. Мистер Ветер-в-Поле сказал, что вы разберетесь сами.

— Он так сказал? — удивился Давид.

Пьюли Уитс загадочно улыбнулся:

— Мистер Уинстенли считает, что вы собираетесь построить для него мост!

— Ради всего святого, что заставляет его так думать?

— Да полно вам! За каких тупиц вы держите жителей Торсби? Иудей и английский лорд путешествуют вместе! Два богатея, которые только и думают, как бы набить свою мошну!

— Боюсь, я вас разочарую. Он — не английский лорд, а я — не тот иудей, что вам нужен. И я вовсе не путешествую, а направляюсь в Линкольн.

— Как угодно, как угодно. Однако, к вашему сведению, владения мистера Уинстенли распо-

ложены как раз по дороге. Вам все равно ехать мимо. — Пьюли ухмыльнулся и услужливо добавил: — Я поеду с вами и покажу все самое интересное.

В полях мистера Уинстенли травы росли так же густо, как и хлеба. Бледные и печальные мужчины, женщины и дети гоняли с полей птиц.

«Бедняги! — подумал Давид. — Вот кто действительно страдает от нравственного несовершенства других людей! Если бы мне удалось уговорить Тома построить для них мост! Но разве можно на это надеяться? Я даже не могу убедить его быть помягче с собственными детьми!»

Пока Давид предавался этим мрачным размышлениям, Пьюли Уитс сообщил ему размер урожая, который давали земли мистера Уинстенли (столько-то бушелей с акра), и поделился соображениями о том, как можно удвоить и даже утроить доходы, если осушить заболоченные поля и удобрить почву навозом.

Затем он показал на холмики, под которыми, по его словам, залегал мощный пласт глины, и заметил, что при желании мистер Уинстенли вполне мог бы заняться производством ваз и столовой посуды.

— Английский фарфор нынче в моде, — сказал

Пьюли Уитс. — Некоторые джентльмены создают весьма доходные фабрики{29}.

— Я слыхал про такое, — вздохнул Давид.

Немного дальше они увидели редкую березовую рощицу на продуваемом ветрами солнечном склоне холма. Пьюли Уитс уверял, что под рощицей проходит богатый угольный пласт. Если бы мистер Уинстенли захотел, то смог бы добывать уголь и продавать его в Ноттингем или Лондон.

— Так ответьте мне, — возмущенно воскликнул Давид, — почему он этим не занимается?! Не продает уголь? Не делает посуду? Не улучшает почву? Почему он сидит сложа руки?

— Это я, — отвечал адвокат со злобной ухмылкой, — я ему отсоветовал. Я убедил хозяина в бессмысленности любых проектов. Как пере-

---

{29} Сноски: 41

Английский фарфор нынче в моде… Некоторые джентльмены создают весьма доходные фабрики. — Весьма вероятно, Пьюли Уитс и Давид Монтефьоре могли слышать о фабрике, основанной в 1750-е гг. в Берслеме, Стаффордшир, Джозайей Веджвудом (1730–1795), которому удалось превратить кустарный промысел в промышленное производство высококачественного фарфора. Рассказывают, что хозяин фабрики весьма ревностно относился к своей продукции. Заглянув в мастерские и будучи недоволен качеством изделий, просто разбивал их своей тростью. Старшая дочь Джозайи Веджвуда Сюзанна стала матерью Чарльза Дарвина, который и сам впоследствии женился на внучке основателя фабрики — своей кузине. Именно фамильное наследство и приданое (источником которых был все тот же знаменитый веджвудский фарфор) позволили натуралисту вести праздную жизнь, итогом которой, однако, стала теория о происхождении видов.

правлять уголь, горшки или пшеницу тем, кто захочет их купить? Половина прибыли уйдет владельцам барж.

Чем дальше Давид ехал по заброшенным землям мистера Уинстенли, тем сильнее сомневался в том, что должен ехать в Линкольн.

«В конце концов, — размышлял он, — за мистером Монктоном присматривают двое моих коллег, не говоря об ирландском колдуне! А за бедными жителями Торсби некому присмотреть! Не состоит ли мой первейший долг в том, чтобы уговорить Тома построить для них мост? Но что же придумать, чтобы его убедить?»

На последний вопрос Давид не знал ответа, однако это не помешало ему воскликнуть:

— Мистер Уитс, мы возвращаемся! У меня в Торсби важное дело!

Добравшись до Микелгрейв-Хауса, Давид спешился и отправился на поиски Тома. Он шел по пустому каменному коридору, когда сквозь раскрытую дверь заметил в саду миссис Уинстенли и Люси. Женщины выглядели взволнованными и что-то удивленно восклицали. Давиду стало любопытно. Он вышел в сад и увидел, что Люси карабкается на каменную скамью, чтобы заглянуть за стену.

— Он уже над домом мистера Уитса! — воскликнула служанка.

— Что происходит? — спросил Давид.

— Нам нанесли визит трое мальчиков, — удивленно ответила миссис Уинстенли.

— Они пели, — добавила Люси.

— Неудивительно, мальчишки любят петь, — сказал Давид. — Мои младшенькие — Измаил и Иона — знают одну забавную песенку про молочницу и ее корову…

— Да нет же, — перебила миссис Уинстенли, — вы не поняли! У этих за спиной были крылья! Они плыли по воздуху в крошечном позолоченном кораблике, украшенном шелковыми ленточками, и разбрасывали розовые лепестки.

Пришлось Давиду карабкаться на скамью вслед за Люси. На фоне ясного голубого неба он успел заметить, как золотой кораблик исчезает за церковным шпилем. Мальчики держали в руках лютни и пели, запрокинув голову.

— Что они поют? — спросил Давид.

— Я не знаю языка, — отвечала миссис Уинстенли растерянно, — но похож на итальянский.

Плотно задернутые шторы в гостиной не пропускали золотых закатных лучей. Мистер Уинстенли лежал на диване, прикрыв глаза рукой.

— Мистер Уинстенли, — воскликнула его жена, — там такое, такое…

Хозяин открыл глаза и улыбнулся Давиду.

— А, это вы, мистер Монтефьоре!

— Мы с Люси были в саду, когда…

— Милая, — с мягким укором промолвил мистер Уинстенли, — я разговариваю с мистером Монтефьоре. — Он улыбнулся гостю. — Как проехались? Полагаю, здешние окрестности довольно живописны. Уитс сказал, что прогулка весьма вас впечатлила.

— Она была… очень познавательной. А где мистер Ветер-в-Поле?

И тут дверь отворилась. Вошел Том.

— Мистер Уинстенли, — заявил он, — я решил построить у вас мост!

Подобное появление было вполне в духе Тома. Он любил, когда все в комнате замирают, взирая на него в немом изумлении, и снова не прогадал.

Мистер Уинстенли принялся осыпать Тома благодарностями.

— Я изучал этот вопрос, вернее, поручил изучить его мистеру Уитсу, поэтому могу утверждать, что вы вернете ваши вложения с прибылью. Мистер Уитс расскажет вам обо всем… — Мистер Уинстенли полистал какие-то бумаги, которые

почти наверняка видел впервые.

— Об этом не беспокойтесь, — заявил Том, — ибо я не требую награды. Сегодня мистер Монтефьоре уже прочел мне нотацию о том, что детям негоже сидеть сложа руки. Вот я и решил, что, если не построю мост, вашим потомкам, мистер Уинстенли, в будущем нечем будет заняться. Они вырастут праздными бездельниками, и никогда не достигнут тех высот духа, и не свершат тех деяний, коих достойны!

— Да-да! Вы правы! — вскричал мистер Уинстенли. — Осталось сделать чертеж. У меня есть собственные наброски. Где-то в комнате. Уитс рассчитал, что двух лет должно хватить, а возможно, и меньше!

— У меня нет желания ввязываться в столь длительную авантюру, — сказал Том. — Я построю мост сегодня между полуночью и рассветом. С одним условием. — Том поднял длинный палец. — Только одним. Вы сами, все ваши слуги, а также мистер Монтефьоре должны будете стоять на берегу и наблюдать за строительством.

Мистер Уинстенли с жаром заверил Тома, что не только он сам, миссис Уинстенли и все их слуги готовы простоять на берегу до утра, — хозяин Микелгрейв-Хауса грозился собрать на берегу

реки весь город! Как только мистер Уинстенли замолчал, пришел черед Давида. Он заявил, что решение Тома построить мост наполнило его сердце радостью, однако Том (обычно весьма чувствительный к похвалам) выслушал излияния друга довольно равнодушно. Он почти сразу же покинул комнату, задержавшись только ради того, чтобы перемолвиться парой словечек с миссис Уинстенли. Давид услышал, как Том едва слышно спросил: «Надеюсь, мадам, вам понравилась итальянская музыка?»

Поскольку Давиду предстояло задержаться в Торсби до утра, мистер Уинстенли послал слугу, чтобы тот предупредил мистера Монктона.

Незадолго до полуночи жители Торсби собрались у «Колеса Фортуны». Ради такого случая даже мистер Уинстенли облачился в выходное платье. Как ни удивительно, но в халате он выглядел гораздо внушительнее, словно атмосфера трагизма и романтический ореол, который окутывал хозяина Микелгрейв-Хауса, улетучились, стоило тому надеть сюртук и панталоны. Мистер Уинстенли взобрался на трехногий табурет и обратился с речью к толпе оборванных местных жителей. Он призвал горожан возблагодарить достойного и щедрого джентльмена, который

согласился построить в Торсби мост и который вскоре предстанет перед ними, чтобы принять благодарности.

Однако Том так и не появился. Не было и миссис Уинстенли, что весьма разозлило ее мужа. Мистер Уинстенли даже велел Люси сбегать за госпожой.

— Я заинтригован предложением вашего друга построить мост за одну ночь, — обратился он к Давиду. — Он ведь говорил о чугунном мосте? Совсем недавно такой мост построили в Шропшире. Весьма впечатляющее сооружение. Наверное, чугунный мост действительно можно возвести так быстро. Или ваш друг имел в виду деревянный? Деревянный мост есть в Кембридже{30}...

К ним подбежала бледная, перепуганная Люси.

{30} Сноски: 42

Совсем недавно такой мост построили в Шропшире... Деревянный мост есть в Кембридже... — Чугунный мост и поныне пересекает реку Северн у деревни Айронбридж, Шропшир. В начале XVIII в. переправиться через Северн можно было только паромом, но развитие промышленности настоятельно потребовало строительства моста. Мост у деревни Айронбридж — первый мост в мире такого размера из чугуна, на его возведение пошло триста семьдесят девять тонн металла, который обошелся более чем в три тысячи фунтов. Был построен летом 1779 г. и с тех пор является туристической достопримечательностью. С 1934 г. по мосту запрещено движение транспорта, но плата с пешеходов за пересечение моста взималась до 1950 г.

В Кембридже множество действующих мостов, которые пересекают реку Кем, — среди них есть и каменные, и чугунные, и деревянные. Самый старый возведен в 1640 г., большинство мостов неоднократно

перестраивались. Так, деревянный Математический мост, впервые возведенный в 1749 г., с тех пор перестраивался дважды.

— Наконец-то! Где твоя хозяйка? — спросил мистер Уинстенли.

— Что случилось, Люси? — встревожился Давид. — Кто тебя напугал?

— Ах, сэр! — воскликнула Люси. — Я бежала по главной улице, и вдруг из ворот нашего дома выскочили львы и как зарычат!

— Львы? — изумился Давид.

— Львы, сэр! Они шныряли у меня под ногами и скалили острые клыки! Если бы они не загрызли меня до смерти, то уж с ног бы точно сбили!

— Что за чушь! — возмутился мистер Уинстенли. — В Торсби никогда не было львов! Если ваша хозяйка не считает нужным присутствовать, пусть пеняет на себя. Однако я ее поведения не одобряю. Грядет самое знаменательное событие в истории Торсби! — И мистер Уинстенли удалился.

— Люси, какого размера были эти львы? — спросил Давид.

— Чуть больше спаниеля, — отвечала Люси.

— Странно! Обычно львы крупнее. А ты уверена…

— Ах, да не все ли равно, какого размера они были! — нетерпеливо воскликнула Люси. — Они так рычали и скалили клыки, что показались

мне в три раза больше! Видит бог, я струсила и бросилась наутек. А что будет, если моя бедная госпожа выйдет из дома и львы накинутся на нее! Вдруг она не заметит их в темноте? — И Люси зарыдала.

— Тише, детка, не плачь. Я схожу за твоей госпожой, — сказал Давид.

— Но львы — это еще не все, — добавила Люси. — Город изменился. Везде расцветают цветы и поют птицы!

Выходя из таверны через парадную дверь, Давид стукнулся обо что-то головой. Оказалось, что о ветку. Рядом с таверной росло дерево. Еще утром оно было самого обычного размера, а сейчас раскинулось так, что затенило весь дом.

«Чудно́», — подумал Давид.

Со всех веток свисали налитые яблоки.

«Яблоки в июне! Еще чуднее! — Он всмотрелся в ветку. — Да еще на конском каштане! Вот уж чудо так чудо!»

В лунном свете Торсби представлял удивительное зрелище. С буковых веток свисали фиги, кусты бузины украшали гранаты. Под тяжестью спелых ягод ежевики плющ почти отрывался от стены. Все, в чем теплилось хоть какое-то подобие жизни, цвело и плодоносило. Старые высохшие

оконные рамы сочились живицей и покрывались побегами, листьями, цветами и плодами. Дверные рамы так раздались, что выдавливали из стен кирпичи, грозя обрушить дома. Повозка посреди рыночной площади обратилась березовой рощицей. Разбитые колеса выпустили побеги шиповника, оттуда раздавались трели соловья.

«Что это Том надумал?» — недоумевал Давид.

Добравшись до усадьбы, Давид увидел двух маленьких львов, которые прогуливались у ворот. В лунном свете то, что львы каменные, просто бросалось в глаза!

«Если эти звери — Томовых рук дело, — рассудил Давид, — они не причинят мне вреда».

Тут львы разверзли пасти и издали устрашающий рык — словно крошились мраморные плиты. Давид шагнул вперед. Львы бросились на него, зарычали и забили воздух каменными лапами.

Давид развернулся и бросился бежать. Когда он достиг «Колеса Фортуны», часы пробили полночь.

В восьмидесяти милях от Торсби, в Кембридже, некий студент (звали его Генри Корнелиус) внезапно очнулся от сна. Студент попытался снова заснуть, но обнаружил, что сон (а снился Генри

мост) не выходит у него из головы. Генри Корнелиус встал с постели, зажег свечу и уселся за стол. Он попытался зарисовать свое видение, но ничего не получалось (хотя он был уверен, что совсем недавно видел мост воочию).

Тогда Генри натянул панталоны, ботинки и сюртук и отправился поразмышлять на свежем воздухе. Не успел он отойти далеко от дома, как его глазам предстало удивительное зрелище. Книготорговец Эдвард Джексон стоял на пороге своей лавки в одной сорочке. На голове вместо почтенного седого парика был натянут засаленный ночной колпак. В одной руке книготорговец держал том ин-кварто, в другой — медный подсвечник.

— Сюда! — воскликнул Эдвард Джексон, завидев Генри Корнелиуса. — У меня есть то, что вы ищете!

И он впихнул книгу в руки студента, чем несказанно удивил последнего. Генри прекрасно помнил, что совсем недавно книготорговец поклялся больше не давать книг, пока Генри не заплатит то, что уже задолжал.

Луна светила так ярко, что Генри на ходу принялся за чтение. Некоторое время спустя он поднял глаза от страницы и обнаружил, что стоит

в конюшне местной таверны. Самый красивый и быстрый в Кембридже конь по кличке Юпитер маячил в луче лунного света. Конь был оседлан и с нетерпением ждал седока. Не мешкая, Корнелиус вскочил в седло и пустил Юпитера в галоп.

Студент не торопясь переворачивал страницу за страницей. Он был так поглощен чтением, что не обращал внимания на дорогу. Лишь однажды всадник посмотрел вниз. Сложные серые и синие узоры чередовались на темном фоне. Сначала Генри решил, что это иней, затем вспомнил, что на дворе июнь. Больше всего пейзаж напоминал залитые луной поля, фермы, леса и дороги с высоты птичьего полета. Это открытие совсем не впечатлило Генри Корнелиуса, и он снова погрузился в книгу. Юпитер летел под звездами и луной, его копыта не издавали ни звука.

— Нашел! — воскликнул Генри однажды, а затем: — Ага, понятно. — И немного погодя: — Но ведь на это уйдет уйма камня!

Через несколько минут Корнелиус и Юпитер оказались у реки. На другом берегу лежал городок Торсби.

— Вот оно что, — тихо промолвил Корнелиус. — Так я и думал. Он еще не построен.

Перед Генри Корнелиусом предстала картина

лихорадочного строительства. На берегу уже лежали цельные стволы и каменные глыбы, а лошади тянули еще и еще. Вокруг сновали толпы рабочих. Кто-то передвигался верхом, кто-то вел лошадей в поводу. Одни выкрикивали команды, другие привязывали к деревьям фонари. Однако больше всего поражала пестрота одежд строителей: кто в ночных сорочках, кто в панталонах и сюртуках, кто в ночных колпаках, а кто и в шляпах. Один малый так спешил, что второпях натянул платье и чепец жены и подоткнул подол.

Посреди этого хаоса, погрузившись в беседу, стояли двое.

— Вы архитектор? — крикнул Генри Корнелиусу один из них. — Меня зовут Джон Элфертон, я старший каменщик из Ноттингема. А это Уокли, знаменитый инженер. Ждали только вас. Хотели узнать, что будем строить.

— Я нашел это здесь. — Корнелиус показал книгу (Джамбатиста Пиранези. «Воображаемые

темницы»{31}).

— Так мы будем строить тюрьму?

— Нет, всего лишь мост. — Корнелиус показал на массивный мост внутри мрачного тюремного здания. Подняв глаза, он заметил на другом берегу толпу, замершую в молчании, и спросил: — Кто эти люди?

Мистер Элфертон пожал плечами:

— Бездельники любят поглазеть на тружеников. Просто не обращайте на них внимания, сэр.

Около часа ночи реку перегородили деревянные леса. Установленные на них фонари и факелы отбрасывали странный мерцающий свет на дома и молчаливую толпу. Казалось, рядом с Торсби приземлился светлячок размером не меньше собора Святого Павла.

К двум часам ночи Генри Корнелиус впал в отчаяние. Река оказалась мелкой для моста Пи-

---

{31} Сноски: 43

Джамбатиста Пиранези. «Воображаемые темницы». — Джамбатиста Пиранези (1720–1778) — итальянский рисовальщик, гравер и архитектор. Цикл из восемнадцати гравюр «Carceri d'Invenzione» («Воображаемые темницы») был начат художником (по не вполне проверенным данным) во время тяжелой болезни в состоянии малярийного бреда. Гравюры изображают мрачные нагромождения бесконечных лестниц, арок, залов и мостов, которые рождают у зрителя ощущение неимоверного одиночества и потерянности. Исполнены гравюры в традициях готики и позднего барокко. Инфернальность и тягостную атмосферу гравюр Пиранези особенно ценили романтики: Гюго, Бодлер, Готье, Кольридж и де Куинси.

ранези. Мост получался недостаточно высоким. Однако мистера Элфертона это не смутило.

— Не расстраивайтесь, сэр, — сказал он. — У нас есть мистер Уокли.

Мистер Уокли стоял в нескольких шагах. Парик он сдвинул набок, чтобы удобнее было чесать в затылке. Инженер что-то лихорадочно писал в записной книжечке.

— Мистер Уокли что-нибудь придумает, — продолжил Элфертон. — Мистер Уокли построил множество навигационных сооружений и виадуков на севере. Выдающийся талант. Он не слишком разговорчив, но сказал, что впечатлен нашими успехами. Не сомневайтесь, мы справимся!

К четырем мост был построен. Две тяжелые полукруглые арки соединили берега. Каждую поддерживали грубо отесанные каменные глыбы. Грандиозное сооружение навевало мысли об Античности, об Италии. Такой мост ошеломил бы даже лондонцев, а в Торсби он подавлял все вокруг. Городок терялся на фоне величественного строения, отныне и впредь люди замечали только мост. Между арками красовалась каменная табличка с надписью огромными буквами.

THOMAS BRIGHTWIND ME FECIT
ANNO DOMINI MDCCLXXX[9]

Остаток ночи Давид провел в поисках Тома. Когда мост был возведен, он перебрался на другой берег, чтобы расспросить рабочих. Однако ему не удалось добиться от полусонных строителей никакого толку. Один вздохнул и прошептал: «Мэри, ребенок плачет». Модно одетый юноша поднял поникшую голову и сказал: «Передай портвейн, Давенфилд. Спасибо, дружище». Третий, в потрепанном седом парике, без остановки бормотал математические формулы, а также перечислял длину и высоту мостов и виадуков в окрестностях Манчестера.

Когда первые лучи нового дня посеребрили речную воду, Давид наконец увидел Тома, который шагал через мост. Руки он засунул в карманы панталон, а вид имел весьма самодовольный.

— Ну и как вам мой красавец, мой мост? Может быть, добавить горельефы, изображающие, как Господь посылает зефиров, херувимов, мантикор, львов и гипогрифов, дабы посрамить моих врагов?

---

[9] Сноски: 9
Томас Ветер-в-Поле возвел меня в лето Господне 1780-е *(лат.)*.

— Не стоит, — отвечал Давид, — мост и без того прекрасен и не требует никаких украшательств. Вы сделали для людей доброе дело.

— Вы думаете? — Слова Давида явно не слишком тронули Тома. — Сказать по правде, я думал о ваших вчерашних словах. Все мои дети — никуда не годные глупцы, поэтому мне захотелось проявить великодушие и внушить им понятия об ответственности, полезном труде и прочем. Кто знает, возможно, им удастся извлечь из этого хоть какую-то пользу[10].

— Вы проявили великодушие! — воскликнул Давид, схватил Томову руку и поцеловал. — Это так на вас похоже. Когда будете готовы приступить к воспитанию в соответствии с вашими новыми принципами, можем вместе обсудить

---

[10] Сноски: 10

Несмотря на нелестные высказывания Тома о своих отпрысках, некоторым его сыновьям и дочерям удалось достичь многого, обойдясь без его помощи. Спустя несколько лет после описываемых событий несколько ученых джентльменов сделали ряд важных открытий, связанных с электричеством. Один из них, застенчивый и робкий господин, жил в Дрездене, что в Саксонии. Звали его князь Валентин Ветер-в-Поле. Том с удивлением узнал, что это его сын, рожденный в 1511 году. Том даже поделился с Мириам (женой Давида) следующим наблюдением: «Первый раз на моей памяти кто-то из детей совершил нечто удивительное. У некоторых получалось тратить удивительно крупные суммы, другие умудрялись вести против меня удивительно долгие войны, но такого еще не было. Признаться, я польщен и удивлен. Меня пытаются убедить, что я должен его помнить, но, увы, нет».

ваши замыслы.

— Так ведь я уже приступил! — отвечал Том.

Друзья вернулись в Торсби за лошадьми. Там они узнали, что слуга мистера Уинстенли привез из Линкольна печальную новость: прошлой ночью мистер Монктон скончался. («Я же говорил, — небрежно заметил Том, — долго он не протянет».) Слуга также сообщил, что смерть мистера Монктона не помешала английскому аптекарю, шотландскому врачу и ирландскому колдуну приятно провести время, болтая, играя в карты и потягивая херес в углу гостиной.

— Делать нечего, — сказал Том, взглянув на расстроенное лицо друга, — не пропускать же теперь завтрак.

Эльф и иудей вскочили в седла и пересекли мост. К удивлению Давида, они оказались на длинной, залитой солнцем пьяцце. Модно одетые дамы и господа совершали утренний моцион и приветствовали друг друга по-итальянски. Тома и Давида окружали дома и церкви с пышными фасадами. Нептун и другие аллегорические фигуры выбрасывали сверкающие струи воды в мраморную чашу. Из каменных ваз изящно свешивались кусты роз. Над площадью висел нежнейший аромат кофе и свежеиспеченного

хлеба. Однако более всего поражал свет — яркий, как хрусталь, и теплый, как мед.

— Это же Рим! Пьяцца Навона! — вскричал Давид, обрадованный тем, что оказался в родной Италии. Он оглянулся на Торсби. Казалось, будто между Англией и местом, где стоял Давид, вставили грязнейший кусок стекла. — Выходит, сюда попадает всякий, кто решится пересечь мост? — спросил он.

В ответ Том произнес что-то на сидхе[11] — языке, которого Давид не знал. При этом он выразительно пожал плечами, что в весьма грубом переводе вполне могло означать: «Какая разница?»

Потребовалось несколько лет уговоров и споров, чтобы Давид убедил Тома простить Игрейну за то, что она осмелилась выйти замуж без его согласия, а ее сестер — за то, что не выдали мятежницу. Игрейна и мистер Картрайт получили от него содержание и дом на Кемден-Плейс в Бате. Две сестры Игрейны, принцессы Нимуэ и Элейна, вернулись в Кастель-де-Тур-сан-Номбр. Как ни прискорбно, в сыром и темном лесном доме с принцессой Морганой случилось что-то

---

[11] Сноски: 11
Язык эльфов из бруга.

скверное, и никто больше ее не видел. Как ни старался Давид, ему не удалось вызвать сочувствие к судьбе принцессы. Том выбросил ее из головы, а Нимуэ с Элейной так боялись снова его разозлить, что предпочли забыть о сестре, носившей имя Моргана.

Волшебный мост так и не принес Торсби благополучия, ибо мистер Уинстенли по-прежнему ничего не предпринимал, чтобы разбогатеть самому и помочь соседям. Спустя два года после того, как Том и Давид посетили Торсби, мистер Уинстенли показывал мост гостям, когда неожиданно и весьма таинственно часть парапета сдвинулась с места. Мистер Уинстенли упал в воду и утонул. Все земли, а также залежи глины и угля перешли по наследству его малолетнему сыну Люциусу. Благодаря деятельному руководству сначала миссис Уинстенли, а позднее самого Люциуса земли облагородили, глину выкопали, уголь добыли. Пьюли Уитс взял на себя управление значительной частью процветающего имения и вскоре разбогател. Увы, деньги не принесли ему счастья. Вялое удовлетворение от осознания собственного богатства не могло сравниться с остротой переживаний, которые он испытывал прежде, созерцая, как прозябают

друзья и соседи.

Остается только поделиться некоторыми наблюдениями о характере Люциуса Уинстенли.

Вряд ли читателя особенно удивит его неординарность. Отличаясь поразительной красотой и изменчивым нравом, Люциус вел себя скорее как местный царек, чем как крупнейший землевладелец в округе. За время правления Люциуса жители Торсби успели немало претерпеть от его непостоянства, капризов и тиранств, которые памятны любому, кому довелось свести знакомство с Томом Ветер-в-Поле.

Обладал Люциус и некими особыми талантами.

В дневнике одного священника мы обнаруживаем запись, относящуюся к лету 1806 года. Священник описывает, как вместе со своими попутчиками верхом прибыл в Мост-у-Торсби (как назывался теперь город). Путешественников поразило зловещее безмолвие, нависшее над городом. Они даже решили, что все живые создания либо вымерли, либо покинули это место. В таверне «Новый мост» священник нашел конюха и спросил, почему в городе тихо, как в могиле.

— Умоляю вас, сэр, не так громко! — отвечал конюх. — Люциус Уинстенли, благородный и уче-

ный джентльмен — вон стоит его дом, — вчера вечером немного перебрал и теперь мучается похмельем. Наутро после того, как ему случается выпить лишнего, мистер Уинстенли запрещает птицам петь, лошадям ржать, а собакам лаять. Свиньи и те стараются громко не чавкать. В такие дни ветер не шуршит листвой, а река течет почти беззвучно.

Далее священник пишет в дневнике: «Казалось, весь город захвачен этим странным наваждением. Все его обитатели благоговеют перед мистером Люциусом Уинстенли. Они свято верят, что он умеет творить чудеса и занимается этим едва ли не каждый час»[12].

Несмотря на то, что жители Торсби гордились Люциусом, со временем он стал внушать им некоторое беспокойство. К середине девятнадцатого столетия горожане были вынуждены признать, что с Люциусом Уинстенли что-то не так: лет сорок назад он разменял четвертый десяток, однако с тех пор не состарился ни на день. Что до самого Люциуса, то с годами он устал от жизни в Торсби, хотя и пытался ее по-своему разнообразить. То заставлял первых красавиц сгорать от страсти,

---

[12] Сноски: 12
Дневник преподобного Джеймса Хаверс-Голсуорси, 1804–1823.

то, повинуясь своему изменчивому настроению, перекраивал погоду. Однажды Люциус велел всем котам и собакам в Торсби заговорить на превосходном английском, а всем горожанам — замяукать и загавкать.

Весенним утром 1852 года Люциус вскочил на лошадь и направился в сторону моста, построенного его отцом. С тех пор его никто не видел.

Гротески и аллегории

ГРОТЕСКИ
и
АЛЛЕГОРИИ

Весной 1568 года подданные Марии Шотландской подняли мятеж{32}, вынудив ее искать убежища за границей, в Англии. Прибыв туда, королева тотчас написала кузине Елизавете письмо, в каковом извещала о постигшем ее несчастье и просила августейшего покровительства. Елизавета ответила, что глубоко потрясена вероломством, которое иные подданные проявляют в отношении правящих особ, Божьих помазанниц, про себя же подумала, что Мария не раз претендовала на английский трон. Вспомнила она и о том, сколь пагубное влияние оказывала та на шотландцев, как при ее потворстве вспыхивали распри и лилась кровь.

И Елизавета, глубоко сожалея, отправила Марию в заточение до конца ее дней.

{32} Сноски: 44

Весной 1568 года подданные Марии Шотландской подняли мятеж… — Мария I Стюарт (1542–1587) — королева Шотландии с 1542 (фактически с 1561) до низложения в 1567 г., а также королева Франции в 1559–1560 гг. и претендентка на английский престол. Мария Стюарт была внучатой племянницей Генриха VIII и на этом основании считала себя законной наследницей английской короны, в противовес Елизавете, дочери Анны Болейн, чей брак с Генрихом католики считали незаконным.

Первым мужем королевы Марии был дофин Франциск Валуа, ставший в 1559 г. королем Франциском II. В 1560 г. он скончался, и Мария была вынуждена вернуться в Шотландию, где в ту пору существовал раскол между проанглийски настроенными протестантами и менее влиятельными католиками. В 1565 г. королева вторично вышла замуж за своего кузена лорда Дарнли, а в 1567 г. дом, где остановился лорд Дарнли, взорвался при загадочных обстоятельствах, а сам он был

найден задушенным во дворе. Общественное мнение возложило вину за убийство на королеву и графа Босуэлла, ее нового фаворита, с которым она через три месяца обвенчалась. Лорды-протестанты воспользовались недовольством народа и, собрав армию, вынудили королеву отречься от престола в пользу своего сына, Якова VI. В мае 1568 г. Марии удалось бежать из замка Лохлевен, где ее держали под стражей, и собрать небольшую армию, которая вскоре была разбита войсками регента. Мария укрылась в Карлайле, откуда обратилась за поддержкой к Елизавете.

Вышивать Мария начала во Франции. Ее первая свекровь, Екатерина Медичи, как и многие женщины того времени, превосходно владела этим искусством. Мария вышивала и в Шотландии, однако наиболее значимые произведения создала в трагические для себя периоды содержания под стражей в замке Лохлевен и доме графа Шрусбери. Сохранились тридцать семь небольших вышивок-сюжетов с аллегорическими изображениями растений, животных, зачастую с зашифрованными девизами и анаграммами. Один из таких сюжетов изображает рыжую кошку, играющую с мышью, — возможно, скрытый намек на английскую королеву и беззащитную Марию, находящуюся в ее власти; другой — руку с ножницами, срезающими бесплодную лозу, — намек на незамужнюю, бездетную Елизавету. Эта вышивка была послана Марией герцогу Норфолкскому, за которого королева в то время надеялась выйти замуж, что в конечном итоге стоило ему головы. Кроме того, известны вышитые ею покрывала и другие работы, в том числе подарки сыну, королю Якову, и кузине Елизавете.

Отношения между Марией Стюарт и супругой графа Шрусбери Бесс Хардвик поначалу складывались прекрасно, и бóльшая часть вышивок создана ими совместно. Тем не менее позже, во время спора с мужем по поводу неких прав собственности, Бесс обвинила Марию и графа в том, что между ними интрижка, но позже Мария вынудила ее публично отказаться от клеветы.

Ссыльную передали графу Шрусбери — тихому джентльмену скромных достоинств, известному огромным состоянием и тем, что его жену уважала сама Елизавета. Он поселил королеву Шотландскую в Тутбери, древнем сером замке на границе графств Дербишир и Стаффордшир.

Из-под крыши этого замка она посмотрела вниз — наследница трех престолов, чей мир съежился до полоски грязного рва и клочка мрачного косогора.

Как такое случилось? В придворных кругах Европы свержение Марии предсказывали из года в год. Каждый ее политический шаг, каждая любовная интрига встречали все большее негодование. На небосклоне монархов она была падучей звездой, и лишь слепец мог не заметить пламенного следа, прочерченного ей в последнем, гибельном полете. Саму королеву, однако, такой поворот судьбы озадачил. Притом настолько, что она тут же нашла виновных.

Елизавета — вот кто ее погубил. Англия и Елизавета. Это она была унылой зимой, глядящей из оконца, это ее бледный лик сделал небо таким бесцветным, а дыхание стылым ветром леденило щеки. Даже река, что поблескивала меж черных деревьев, казалась Марии гневной искрой в Ели-

заветином глазу.

От унижения королева чувствовала себя едва не блохой на теле Елизаветы, самое большее — мышью в подоле ее платья. Рыдая, бросилась она на колени и принялась причитать, молотя кулаками по серым камням. Стражей обескуражило поведение пленницы, зато ее шотландские и французские слуги ничуть не смутились. Им это было не в новинку!

Они отнесли королеву в спальню и уложили на кровать. Фрейлина, миссис Сетон, осталась подле госпожи, чтобы утешить ее свежими сплетнями. Миссис Сетон рассказала, что граф и графиня Шрусбери, хотя и в летах, обвенчаны лишь недавно. По словам фрейлины, графиня не принадлежит к высшему сословию и происходит чуть ли не из фермерской семьи, а нынешнего положения добилась, сменив четырех мужей, каждый из которых был знатнее и богаче предыдущего. *«Quatre maris!* — воскликнула королева Шотландии, чьим родным языком был французский. — *Mais elle a des yeux de pourceau!»* (Четверо мужей! С ее-то поросячьими глазками!)

Миссис Сетон вежливо засмеялась.

«Четверо мужей!» — удивлялась королева про себя. И как своевременно первые три отправи-

лись на тот свет! Стоило фермерской дочери привыкнуть к новому положению и пожелать большего, как тут же подворачивался случай осуществить желаемое. А вот мужья королевы Марии умирали возмутительно некстати. Первый, король Франции, скончался шестнадцатилетним юнцом, лишив ее французского трона, — что может быть досаднее? Второй, донельзя опостылевший, слег с какой-то многообещающей хворью, но упорно отказывался уходить к праотцам, пока один добрый человек не взорвал его в собственном замке, удушив напоследок — для верности.

Это навело королеву на размышления.

— А все ли мужья графини умерли своей смертью? — спросила она.

Миссис Сетон фыркнула, сдерживая смешок, и наклонилась к госпоже:

— Ее первый муж был всего-навсего мальчишкой! Графиня — тогда еще просто Бесс Хардвик — вышила для него плащ в черно-белую клетку. Не прошло и недели, как юноша стал жаловаться, будто мир превратился в шахматную доску. Каждая темная столешница казалась ему провалом, мечтающим поглотить его, от каждого белесого окна веяло чем-то призрачным и враждебным.

Так он и умер, в бреду и унынии.

Рассказ фрейлины показался королеве занимательным. Об отравленных иголках, зашитых в корсет, она слышала, но убийство с помощью вышивки — это было что-то новое. К тому же ей очень нравилось вышивать.

Она вспомнила, как представлялась себе мышью в юбках Елизаветы. Что ж, для мыши игла — самое подходящее оружие, по крайней мере по размеру. Случись Елизавете погибнуть от вышивки (или от чего другого), английский трон наверняка перейдет к королеве Шотландии.

Замок Тутбери пронизывали холод и зловоние.

Вдобавок, строили его определенно без размаха, так что женщинам не пришлось долго плутать, прежде чем они обнаружили графиню — та сидела в гостиной за пяльцами.

Королева спросила, что она вышивает.

— Прекрасный дворец в сказочной стране, — отвечала графиня, показывая королеве работу. — Я мечтаю о том, что однажды мои дети и внуки будут жить в домах, похожих на этот. Вздор, конечно, зато так приятнее коротать время.

Мария Шотландская переглянулась с миссис Сетон и закатила глаза, словно говоря: «Ну и аппетиты у этих фермерских дочек!»

Графиня заметила ее выходку, однако виду не подала.

С темы о шитье королева плавно перешла к обсуждению мужей — в особенности почивших, сочтя нелишним упомянуть об узорах в черно-белую клетку.

Графиня учтиво ответила, что рукоделие прекрасно скрашивает долгие зимние вечера, что мужья, в сущности, не так уж плохи, а их смерть — событие поистине прискорбное.

Королева нахмурилась. Графиня слыла женщиной умной. Не могла же она не понять намека?

— Я хотела бы сделать подарок своей дражайшей кузине, королеве Елизавете, — какую-нибудь безделицу, вышитую собственными руками. Мне это было бы чрезвычайно приятно, учитывая, сколь сильно я люблю королеву Англии — сильнее всех на свете.

— Как и любой, кто с ней знаком, — согласилась графиня с глубочайшей почтительностью.

— Безусловно, — сказала королева Шотландии и завела разговор о щедрых наградах, которыми властители одаряют тех, кто им помогает.

Намеки на графиню не подействовали — в лице ее не отразилось ни страха, ни радостного ожидания, а взгляд был спокоен и невозмутим.

Королева достала книгу с затейливыми рисунками, которые можно было бы перенести на ткань. Чего там только не было: львы, мантикоры, василиски — в общем, чудища всех мастей, которые (надеялась ее величество) могли бы разорвать Елизавету в клочья посредством вышивки и колдовства.

Графиня вежливо восхитилась рисунками, но какой из них выбрать — почему-то не посоветовала.

С того самого дня королева, графиня и миссис Сетон ежеутрене собирались у окна и садились за рукоделие.

Эти встречи и долгие часы корпения над пяльцами очень их сблизили. Королева отправила Елизавете пару перчаток, которые расшила изображениями морских змеев в голубых и серебряных волнах. Зубы крошечных чудовищ были острее острого, и все же Елизавета осталась невредима и даже не утонула.

В письмах государыне граф Шрусбери сообщал, что королева Шотландии проводит дни в совершенно невинных занятиях. Сказать по правде, это было не совсем так. В свободное от рукоделия время королева Мария вела тайную переписку с английскими заговорщиками (мечтающими,

как и она, уничтожить Елизавету), а также с французским и испанским королями, любезно приглашая их пойти на Англию войной. Притом она не забывала восхищаться искусностью графини и при всяком случае заговаривала о черно-белой клетке.

Шли годы. Елизавета здравствовала, на Англию никто не нападал. Королева Шотландии устала расточать графине комплименты. Миссис Сетон она сказала так: «Пусть ее упорствует — не одна она умеет накладывать чары. А будет и впредь отказывать мне в помощи — может пенять на себя. В конце концов, я знаю, что ей всего дороже».

И вот королева уложила свои каштановые волосы, надела бархатное платье сливового оттенка, расшитое серебром и жемчугом. Потом она пригласила графа к себе в комнату, усадила рядом и с улыбкой стала рассказывать, как ему признательна — больше, чем кому-либо из опекавших ее джентльменов. День за днем королева воспевала его на все лады, пока окончательно не вскружила бедному старику голову.

Миссис Сетон недоумевала, наблюдая за ней.

— Вы считаете, что графине дороже всего любовь мужа? — спросила она королеву.

— Муж? — рассмеялась та. — Как бы не так! Кто

говорил о мужьях? Нет, ей дороги его деньги и угодья. Она спит и видит, что все это перейдет к ее детям и внукам.

Как и ожидалось, скоро графиня узнала о происходящем, однако ее круглое крестьянское лицо не выразило и намека на досаду. Когда дамы в очередной раз собрались за вышивкой, королева вновь завела разговор о том, каким подарком можно угодить Елизавете.

— Юбкой, — ответила графиня самым убедительным тоном. — Нижней юбкой из белого атласа. Ее величество очень любит обновки.

Королева улыбнулась:

— Как и все мы. А что же выбрать для украшения?

— Пусть она будет усыпана мелкими розовыми гвозди́ками, — ответила графиня.

— Розовыми гвозди́ками? — переспросила Мария Шотландская.

— Именно так.

Немного поколебавшись (ибо ей куда больше импонировали пауки и ядовитые гады), королева все-таки расшила белую атласную юбку крошечными гвоздиками, после чего отправила своей кузине Елизавете в подарок. Не прошло и месяца, как она узнала, что Елизавета заболела оспой.

Подумать только: вся ее кожа пошла мелкими язвочками! Мария Шотландская даже захлопала в ладоши от радости.

Следующие неделю-другую королева составляла список первых вельмож и епископов Англии. Она вспоминала, кто был к ней добр, а кто — нет, и загадывала, кого наградит, оказавшись у власти, а кого — сгноит в Тауэре.

Одним ненастным днем, когда ветер дул во все щели, а в окна хлестал ливень, в покой королевы вошла без предупреждения графиня. Глаза ее сияли торжеством. Она объявила, что получила известия из дворца. Советники и министры Елизаветы были напуганы болезнью ее величества. Больше всего их страшила мысль, что английский трон достанется королеве Шотландии.

— Ибо, — безжалостно объяснила графиня, — они ненавидят вас всей душой и боятся тех бедствий, какие неминуемо принесет стране ваше правление. Поэтому они подписали закон, согласно которому вы никогда не будете королевой Англии. Они отказали вам в праве престолонаследия!

Королева застыла как вкопанная.

— Но Елизавета… она разве не умерла? — вымолвила наконец Мария Шотландская.

— Нет-нет. Ее величеству много, много лучше, чему все мы искренне рады.

Королева в полузабытьи пробормотала молитву.

— А как же розовые гвозди́ки? — спросила она.

— Ее величество весьма недовольна вашим подарком, — отозвалась графиня. — Вышивка в дороге совершенно распустилась. — Она бросила уничижительный взгляд на фрейлину. — Полагаю, миссис Сетон плохо затянула узелки.

Дружбе между королевой Шотландии и графиней Шрусбери пришел конец.

Той же ночью, когда королева лежала в постели, полы балдахина внезапно качнулись, словно от дуновения ветра. Голые ветви деревьев на фоне луны походили на гигантскую черную штопку, словно весь замок опутан нитками и она вместе с ним. От страха королеве начало мерещиться, что жуткие черные стежки зашили ей веки, заплели горло и стянули пальцы, отчего руки превратились в никчемные уродливые лоскуты.

На ее вопль сбежалась прислуга.

– *Elle m'a cousue à mon lit! Elle m'a cousue à mon lit!* — кричала Мария Шотландская. (Она пришила меня к постели! Она пришила меня к постели!)

Ее успокоили и объяснили, что ничего такого

графиня не делала.

С тех пор королева больше не пыталась похитить расположение старого графа.

Приблизительно годом позже граф перевез узницу из своего замка в новый четсвортский дом графини. По приезде он, улыбаясь, показал ей наборный пол, уложенный по настоянию супруги, — в виде шахматной доски из плит черного и белого мрамора.

Королева вздрогнула, вспомнив плачевную участь юноши, которому подарили такой же клетчатый плащ.

— Здесь я не пойду, — сказала она.

Граф посмотрел на нее, словно не понимая, в чем дело. Когда вскоре выяснилось, что все входы в дом выложены черно-белым шахматным узором, королева заявила, что останется на пороге. Чего только не делал бедный граф — даже рвал на себе седины (и без того нечастые), но королева упорно отказывалась идти по клетке. Ей вынесли стул, на который она тут же села и осталась мокнуть под дербиширским дождем, пока граф не позвал рабочих и те не вырыли все мраморные плиты.

— В чем же дело? — допытывался граф у шотландской и французской прислуги, но получал в

ответ только недоуменное молчание.

Королева никогда не думала, что жизнь может быть так пуста.

Сколько стараний было положено, чтобы прибрать к рукам тот или иной европейский трон, женить на себе того или иного влиятельного вельможу, — и все без толку; и каждый раз Марии чудилось звонкое «чик-чик-чик» Елизаветы, кромсающей нити ее усилий, и тихое «штоп-штоп-штоп» графини, зашивающей ее в канву темницы Англии.

Однажды вечером она рассеянно глядела на вышитую шпалеру у себя в комнате. Вышивка изображала античную даму в окружении челяди, застигнутую ужасным бедствием. Взгляд королевы упал на одну из служанок античной дамы — несчастная убегала, панически воздев руки. Дыханием ветерка шпалеру то и дело раскачивало в опасной близости от стоящей на сундуке свечи, отчего казалось, будто вышитая фигурка жаждет броситься в пламя.

«Она устала, — подумалось королеве. — Устала быть втиснутой в канву отчаяния и бессилья».

Королева привстала и, незаметно для слуг, слегка придвинула подсвечник к полотну. Еще одно дуновение ветерка — и вышивка загорелась.

Увидев лижущее ткань пламя, фрейлины разом

вскрикнули, а придворные принялись раздавать друг другу команды. Они умоляли королеву покинуть комнату, скрыться от опасности, но госпожа оставалась недвижимой, точно алебастровая статуя. Она не сводила глаз с вышитой фигурки, глядя, как та исчезает в пламени.

— Вот! — прошептала королева фрейлинам. — Отныне она свободна.

На следующий день Мария Шотландская сказала своей служанке:

— Теперь я знаю, что делать. Принеси мне красного бархату — самого яркого, какой только найдешь. И шелковых нитей — багряных, как предрассветное зарево.

С тех пор неделю за неделей сидела королева у окна. В руках у нее лежал алый бархат, и расшивала она его багряным, как заря, шелком.

Когда же фрейлины спросили, что она делает, королева с улыбкой ответила, что вышивает прекрасное пламя.

— Прекрасное пламя, — сказала она, — может столько всего уничтожить — тюремные стены, что тебя держат, нити, что спутывают по рукам и ногам.

Спустя два месяца королеву Шотландии арестовали по обвинению в государственной измене.

Ее письма нашли в бочонке из-под эля, регулярно поставляемого в усадьбу. Марию судили и приговорили к смерти. Утром в день казни она взошла на эшафот. На королеве было черное платье и белое, до пола льняное покрывало. Когда ее раздели, под платьем оказалась нижняя юбка из алого бархата, расшитого пляшущими языками пламени. Королева улыбалась.

Графиня Шрусбери пережила ее на целых двадцать лет. Она выстроила много крепких домов, которые украсила собственноручно вышитыми сценами из жизни Пенелопы и Лукреции. Сама графиня была благоразумна, как Пенелопа, и чтима, как Лукреция. В последующие века ее дети и дети их детей становились графами и герцогами. Они правили Англией и обитали в живописных поместьях средь обширных парков и богатых угодий. Многие из них существуют и поныне.

Гротеск — орнамент из пестрой смеси людей, животных, растений и предметов; гротески наряду с аллегориями были популярны в эпоху Возрождения и широко использовались в вышивке шестнадцатого века.

История о Джоне Аскглассе и углежоге из Камбрии

ИСТОРИЯ

О ДЖОНЕ АСКГЛАССЕ И УГЛЕЖОГЕ ИЗ КАМБРИИ

Этот пересказ известной североанглийской сказки взят из «Истории Короля-ворона для детей», написанной Джоном Уотербери, лордом Портисхедом. Сходство с другими легендами, в которых великого правителя посрамляет ничтожнейший из его подданных, заставляет ученых сомневаться в ее подлинности.

Много лет назад на поляне в камбрийском лесу жил углежог. Был он беден, если не сказать — нищ. Одежда его со временем износилась, а сам он сделался черен от пыли и копоти. Ни жены, ни детей он не нажил, и только поросенок по кличке Уголек скрашивал его суровый быт. День-деньской проводил углежог на поляне, где всего-то и было хозяйства, что дымящаяся куча угля, присыпанная землей, и шалаш, выстроенный из валежника и дерна. Но углежог не унывал и радовался жизни — во всяком случае, пока его не трогали.

Однажды летним утром на поляну выскочил олень. Вслед за ним показалась большущая стая собак, а чуть погодя и толпа всадников с луками. Несколько мгновений на поляне стояли гвалт и сумятица: ничего было не разобрать за конским топотом, лаем своры и звуками охотничьих рогов.

Потом, так же внезапно, как появились, охотники исчезли в лесу — все, кроме одного.

Углежог огляделся. Ровная лужайка вокруг превратилась в грязное месиво, от шалаша ветки на ветке не осталось, а разворошенная куча угля полыхала огнем. Не помня себя от ярости, повернулся он к незнакомцу и принялся осыпать того отчаянной бранью.

Впрочем, охотнику было не до него. Он давно ускакал бы с остальными, когда б не Уголек, который с визгом носился у лошади под ногами и никак не желал отставать. Одет незнакомец был во все черное, но с изыском, на ногах у него красовались сафьяновые сапоги, а лошадиная сбруя блистала самоцветами. Это был не кто иной, как Джон Аскгласс, именуемый Королем-вороном, правитель Северной Англии и части Иных краев, величайший из магов, каких рождала земля. Но углежог, чьи познания о мире за пределами поляны были весьма скудны, ничего этого не знал. Он видел лишь, что всадник не обращает на него внимания, и не на шутку разозлился.

— А ну, отвечай! — прокричал углежог охотнику.

Через поляну тек ручей. Джон Аскгласс посмотрел на воду, потом на Уголька, который все

сновал туда-сюда меж копытами лошади, протянул руку и превратил поросенка в лосося. Лосось высоко подскочил, нырнул в воду и уплыл. Затем и Джон Аскгласс исчез в лесной чаще.

Углежог проводил его взглядом, посокрушался и побрел к угольной куче. Там он прибил огонь и, как мог, восстановил насыпь. Как известно, куча угля, пострадавшая от собачьих лап и конских копыт, едва ли сохраняет прежний вид. Углежогу слезы навернулись на глаза при виде поруганного детища.

Итак, он отправился в аббатство Фернесс попроситься к монахам поужинать, поскольку его собственный ужин втоптали в грязь. Дойдя до монастырских врат, углежог позвал елемозинария, чьей обязанностью было наделять неимущих едой и одеждой. Монах радушно встретил его, дал добрую головку сыра и одеяло, а после спросил, отчего у бедняги такой несчастный вид.

Углежог и повел свой рассказ. Надобно знать, что изложение столь долгой и путаной истории требует некоторой сноровки, коей он не обладал. Так, уделив много времени охотнику, оставшемуся на поляне, он ни словом не обмолвился о его изысканной одежде и дорогих перстнях, отчего собеседник даже не заподозрил в обидчике

короля. Углежог назвал его «черным человеком», и монах представил себе еще одного чумазого бедняка.

Елемозинарий был само участие.

— Значит, Уголек теперь стал лососем… — грустно протянул он. — На твоем месте я пошел бы и потолковал со святым Кентигерном. Уверен, он найдет, чем тебе помочь. Лососи — по его части{33}.

— Святым Кентигерном, говорите? И где же мне найти такого нужного человека? — оживился углежог.

— У него есть церковь в Гриздейле. Эта дорога приведет тебя прямо к ней.

Вот так углежог и отправился прямиком в Гриздейл, где, придя в церковь, стал барабанить по

{33} Сноски: 45

…пошел бы и потолковал со святым Кентигерном. ‹…› Лососи — по его части. — Святой Кентигерн (ум. 612) — аббат и ранний христианский миссионер, первый епископ Глазго и креститель древнего кельтского королевства Камбрии в Юго-Западной Шотландии. Считается покровителем лососей, что связано с древней легендой о возвращении перстня королевы Лангуэт, жены Ридериха Щедрого (правил в 580–612). Узнав о неверности супруги, король заманил ее любовника, молодого воина, на охоту и, когда тот уснул на привале, снял с его руки перстень, подаренный королевой. Едва сдерживая ярость, Ридерих бросил кольцо в воды Клайда, а после потребовал у королевы его возвращения. Воин признался, что потерял драгоценный подарок. Королева, раскаявшись, послала гонца к святому Кентигерну с мольбами о помощи. Кентигерн отправил посланника на берег Клайда, повелев принести первую рыбу, которую тот поймает. Посланник вернулся с лососем. В желудке рыбы нашли утерянный перстень, который тут же доставили королеве. При-

мирившись с мужем, она с тех пор блюла себя в строгости и рассказала о случившемся лишь после смерти супруга и самого Кентигерна. В память о нем кольцо и рыба были изображены на гербе Глазго.

стенам и орать что есть мочи, призывая святого Кентигерна, пока сам покровитель не выглянул с небес — спросить, в чем, собственно, дело.

Углежог долго и негодующе описывал причиненный ему ущерб, особо отметив роль охотника в черном.

— Ну-с, — бодро отозвался святой Кентигерн. — Посмотрим, что тут можно сделать. Святые вроде меня всегда обязаны внимать мольбам грязных, оборванных бедняков вроде тебя, даже таким грубиянам. Вы — наша особая забота.

— Это мы-то? — польщенно спросил углежог.

Святой Кентигерн спустился на землю, сунул руку в купель и извлек откуда лосося. Потом он немного встряхнул рыбину, и — гляди-ка! — она превратилась в Уголька, такого же чумазого и смышленого, как прежде.

Углежог засмеялся и захлопал в ладоши. Он было собрался обнять поросенка на радостях, но тот только взвизгнул и понесся кругом с обычной для него прытью.

— Ну вот, — произнес святой Кентигерн, не без удовольствия наблюдая за трогательной сценой. — Счастлив, что сумел ответить на твои мольбы.

— Но ты не ответил! — вскричал углежог. — Ты

должен покарать этого негодяя, моего врага!

Тут святой Кентигерн наморщил брови и принялся втолковывать бедняку, что надо прощать врагов и подставлять другую щеку.

Однако углежог не привык к христианскому всепрощению и привыкать не собирался.

— Бленкатра его задави! — воинственно ревел он, потрясая кулаками. (Бленкатрой звалась небольшая гора чуть севернее Гриздейла.)

— Пожалуй, обойдемся, — тактично отказался святой. — Горы не в моей власти. Но, если я не ослышался, твой недруг — охотник? Быть может, если он вернется с пустой сумой, это научит его хоть отчасти уважать ближнего?

Стоило святому Кентигерну так сказать, и Джон Аскгласс (который все еще охотился) свалился с лошади и угодил в ров с камнями. Он хотел выбраться, но не смог, как если бы его удерживала некая таинственная сила; попытался применить магию, но и это не помогло. Английские скалы и земля уважали Джона Аскгласса и охотно ему повиновались, однако неведомую силу, похоже, чтили еще больше.

Король просидел во рву целый день и всю ночь, на заре странная сила вдруг отпустила его — совершенно продрогшего, вымокшего и

несчастного. Он выбрался на пригорок, нашел коня и поскакал к себе в замок, в Карлайл.

— Где вы были? — спросил Вильям Ланчестер. — Мы ждали вас вчера к вечеру.

Джон Аскгласс решил не распространяться о том, что его превзошел неизвестный чародей, поэтому, на мгновение задумавшись, ответил:

— Во Франции.

— Во Франции?! — поразился Вильям Ланчестер. — И вы были у короля? Что он сказал? Не думают ли они снова на нас напасть?

Джон Аскгласс произнес несколько расплывчатых, туманных и загадочных фраз — словом, таких, какие можно ожидать от волшебника, — и удалился в свои покои, где тотчас сел на пол перед серебряным блюдом с водой. Там он обратился к важным особам (как то: западному ветру и звездам) и попросил рассказать, кто загнал его в ров. В блюде возник силуэт углежога.

Джон Аскгласс велел подать коня и свору собак, после чего поскакал прямиком на поляну.

Тем временем углежог поджарил часть сыра, которым снабдил его монах, и отправился поискать Уголька, ибо поросенок ничего так не любил, как жареный сыр.

В его отсутствие появился Джон Аскгласс со

своей сворой. Он обошел всю поляну, пытаясь понять ход событий и гадая, почему столь могучий и опасный чародей живет в убогом шалаше и жжет уголь. Но тут его взгляд упал на жареный сыр. Мало кто может устоять перед таким искушением, и короли здесь не разнятся с углежогами. Джон Аскгласс рассудил так: раз ему принадлежит вся Камбрия, то и лес этот — его собственность, а значит, и сыр — тоже. Поэтому он сел и умял его без остатка, а закончив, дал собакам облизать себе пальцы.

Тут-то и вернулся углежог. Посмотрел он на Джона Аскгласса, на пустую подложку из листьев, где лежал сыр, да как закричит:

— Опять ты? Взял и оставил меня без ужина!

Углежог подскочил к Джону Аскглассу и сгреб его за грудки.

— Что я тебе сделал? Отвечай!

Джон Аскгласс не произнес ни слова (видимо, чувствуя некоторую шаткость своего положения). Он высвободился из углежоговой хватки, сел на коня и ускакал прочь.

Углежог снова пошел в аббатство Фернесс.

— Этот злодей опять явился ко мне и съел весь мой сыр! — пожаловался он елемозинарию.

Тот покачал головой, сокрушаясь о греховности

мира сего.

— Возьми еще, — предложил он бедняку. — Может, хлеба в придачу?

— Какой святой отвечает за сыр? — не унимался углежог.

— Святая Бригитта{34}, — ответил монах после минутного раздумья.

— И где же мне найти ее милость?

— В Бекермете есть посвященный ей храм. — Елемозинарий указал на дорогу, которой было удобнее всего туда добраться.

Итак, углежог пришел в Бекермет, а найдя церковь, принялся бряцать алтарной утварью и голосить, пока святая Бригитта не выглянула с небес и не спросила с тревогой, чем может служить.

Углежог долго и подробно описывал вред, нанесенный его молчаливым врагом.

Святая Бригитта сказала, что ей очень жаль это слышать.

{34} Сноски: 46

Какой святой отвечает за сыр? ‹…› Святая Бригитта… — Святая Бригитта Ирландская (451–525) — покровительница Ирландии. По преданию, ее отцом был король-язычник Лейнстера, а матерью — рабыня из числа пиктов, обращенная в христианство святым Патриком. Бригитта прославилась добром и милосердием, в частности тем, что раздавала беднякам отцовские сыр и молоко. Покровительствует также детям, кузнецам, незаконнорожденным, сыроварам и маслобоям, птичникам, путешествующим, морякам, ученым и монахиням.

— Мне кажется, тебе лучше обратиться к кому-нибудь другому. Я покровительствую молочницам и сыроварам, помогаю маслу взбиваться и сырам зреть. Если их съедают не те, кому положено, тут уж я ничего не могу поделать. Ворами и украденной собственностью заведует святой Николай{35}. А еще есть святой Александр Команский, который любит углежогов{36}. Может быть, — с надеждой произнесла она, — ты помолишься им?

Углежог не пожелал обращаться к упомянутым особам.

— Грязные, оборванные бедняки вроде меня — ваша особая забота! — нажимал он. — Сотвори чудо!

— А что, если человек этот вовсе не желал оскорбить тебя молчанием? — заметила святая

{35} Сноски: 47

Ворами и украденной собственностью заведует святой Николай. — Святой Николай, архиепископ Мир Ликийских, — христианский святой, покровитель моряков, купцов и детей, заступник сирых и убогих. Часто побуждал грабителей возвращать украденное и считается не только защитником от воров, но и патроном грабителей — не в воровском деле, а в раскаянии и перевоспитании.

{36} Сноски: 48

А еще есть святой Александр Команский, который любит углежогов. — Александр Команский — священномученик, епископ (III в. н. э.). Приняв на себя подвиг юродства, был угольщиком, посвящен в епископы Григорием Чудотворцем. В гонение императора Диоклетиана за исповедание Христа сожжен.

Бригитта. — Не думал ли ты, что он может быть немым?

— Вот и нет! Он говорил со своими собаками, и те виляли хвостом, слыша хозяйский голос. Святая, принимайся за дело! Обрушь Бленкатру ему на голову!

Святая Бригитта вздохнула:

— Нет, этого мы не допустим. Но раз он похитил твой ужин, его следует проучить. Небольшой урок ему не повредит. Совсем маленький.

Джон Аскгласс и его свита собирались опять поохотиться, как вдруг на конюшенный двор забрела корова. Она подошла прямо туда, где стоял король со своим скакуном, и завела долгую проповедь на латыни — проповедь о грехе воровства. Когда она замолчала, конь повернул голову и важно заметил, что совершенно согласен с коровой и что ее слова требуют самого пристального внимания.

Повисла долгая пауза. Слуги и придворные, онемев, не сводили глаз с короля. Ничего подобного здесь никогда не видели.

— Да это магия! — воскликнул Вильям Ланчестер. — Но кто посмел?..

— Я сам, — поспешно ответил Джон Аскгласс.

— Вот как? — удивился Вильям. — Но зачем?

— Чтобы полнее осознать собственные грехи и заблуждения, — ответил король после минутного замешательства, — как приличествует христианину.

— Да, но вы же ничего не крали! Зачем тогда…

— Боже правый, Вильям! — вскричал Джон Аскгласс. — Не слишком ли много вопросов? Решено: на охоту я нынче не еду!

Он уединился в розарии, чтобы не слышать нотаций коня и коровы, но легче от этого не стало — все розы вдруг повернули к нему красные и белые головки и принялись распространяться о долге богатого перед бедным, а цветы позловреднее верещали: «Вор! Вор!» Джон Аскгласс заткнул уши, закрыл глаза — тут же примчались его собаки, начали тыкаться носом в лицо и рассказывать, что очень-очень огорчены его поведением. Под конец король укрылся в тесной каморке под самой крышей, но камни замковых стен тут же пустились в долгий диспут о различных библейских стихах, в которых осуждается воровство.

Джону Аскглассу не пришлось долго гадать, кто все это подстроил, — и корова, и конь, и камни, и цветы в саду особо упирали на хищение жареного сыра. Он решил разузнать побольше

о странном колдуне и его намерениях. Для этого Джон Аскгласс призвал самых сведущих в магии существ — воронов. Через час полчище его крылатых слуг поднялось в небо и понеслось такой плотной стаей, что чудилось, будто летит черная гора.

Вскоре на поляне углежога стало черным-черно от тысяч мельтешащих крыльев. С деревьев сорвало все листья, углежога сбило с ног и прижало к земле. Вороны заглянули ему в душу, изучили все его воспоминания и сны на предмет магии. Для пущей предосторожности они заглянули в душу Угольку. Так вороны узнали все, что думали человек и поросенок еще в материнской утробе, узнали их мысли и чаяния на всю жизнь вперед, вплоть до встречи с Всевышним. И нигде ни крупицы магии.

Когда вороны сгинули, на поляну, нахмурившись и скрестив руки, вышел сам Джон Аскгласс. Неудача крылатых посланцев его крайне разочаровала.

Углежог медленно встал и ошарашенно огляделся. Сгори лес в пожаре — ему досталось бы меньше. Вместо деревьев кругом торчали одни голые стволы, а вся земля покрылась слоем обломанных веток и черных, как сажа, перьев.

— Почто ты меня преследуешь? — вскричал углежог с исступленным негодованием.

Джон Аскгласс по-прежнему не говорил ни слова.

— Я обрушу Бленкатру тебе на голову! Клянусь! Ты знаешь, на что я способен! — Углежог ткнул в его сторону измазанным пальцем. — Ты… это… знаешь!

На следующий день он спозаранку стоял у монастырских ворот. Отыскал елемозинария — тот как раз собирался к заутрене.

— Мой враг пришел снова, — сказал углежог, — и разорил весь мой лес. Сгубил его на корню!

— Вот негодяй! — сочувственно покивал монах.

Углежог решил действовать напрямик.

— Какой святой отвечает за воронов?

— Воронов? Что-то не припомню. — Монах на мгновение задумался. — Хотя у святого Освальда жил ручной ворон{37}, к которому тот был чрезвычайно привязан.

— И как же мне разыскать его святость?

— Ему недавно отстроили церковь в Грасмире.

Итак, углежог отправился в Грасмир, а дойдя туда, принялся голосить и дубасить по стенам подсвечником.

Святой Освальд выглянул с небес и закричал:

— Что, обязательно вопить во всю глотку? Я не глухой! Чего тебе надо? И поставь подсвечник на место — он денег стоил!

Здесь нелишне отметить, что святой Кентигерн и святая Бригитта вели монашескую жизнь и отличались кротостью и долготерпением. Святой Освальд, однако, был королем и сражался на поле брани, а следовательно, являл собой несколько иной тип угодника Божия.

— Монах из аббатства Фурнесс говорит, вы лю-

{37} Сноски: 49

...у святого Освальда жил ручной ворон... — Святой Освальд (605–642) — король Нортумбрии, миссионер, покровитель святого Айдана, кельтского епископа, проповедовавшего христианство англосаксонским завоевателям. По легенде, у него действительно жил ручной ворон. После гибели в бою тело Освальда было разрублено врагами на части, но ворон забрал его правую руку. Там, где она упала, забил чудотворный источник. Вскоре после гибели Освальд был причислен к святым мученикам.

бите воронов, — объяснился углежог.

— «Люблю» сильно сказано, — ответил святой Освальд. — В седьмом веке один из них повадился сидеть у меня на плече и расклевывать ухо в кровь.

Углежог рассказал о своем молчаливом обидчике.

— А нет ли у него причин тебе докучать? — спросил святой Освальд с ехидцей. — Ты, случайно, не крошил его стены дорогими подсвечниками?

Углежог решительно отмел домыслы о заслуженной каре.

— Хмм… — задумался вслух святой. — Обычно только короли имеют право охотиться на оленей.

Углежог смотрел недоуменно.

— Итак, что мы имеем? — продолжал рассуждать святой Освальд. — Всадника в черном, обладателя большой магической силы, который вдобавок повелевает воронами и охотится с королевским размахом. Никого не напоминает? Увы, по-видимому, нет. Так вот, мне кажется, я знаю, о ком ты говоришь. Тип этот и впрямь очень заносчив, так что, пожалуй, будет нелишне немного его приструнить. Если я правильно понял, тебя оскорбило его молчание?

— Да!

— В таком случае развяжу-ка я ему язык. Ненадолго.

— И это — наказание? — возмутился углежог. — Нет уж, пусть лучше его задавит Бленкатрой!

Святой Освальд рассерженно фыркнул:

— Тоже мне — учитель выискался! Будь покоен, я знаю, как ему досадить!

Стоило святому произнести эти слова, как Джон Аскгласс, до того молчавший, вдруг заговорил в несколько взволнованной и торопливой манере. Поначалу это никого не испугало, хотя раньше ничего подобного за ним не водилось. Челядь и придворные почтительно внимали королю, но прошла минута, а за ней — час, другой, третий, миновало время ужина, вечерней службы, наступила ночь — а Джон Аскгласс не умолкал. Он изрекал пророчества, толковал библейские притчи, рассказывал истории эльфийских земель, диктовал рецепты пирогов. Хуже того — он разглашал тайны: тайны военные, колдовские, сатанинские, божественные, делился подробностями самого скандального свойства, вследствие чего в королевстве Северной Англии разразилось несколько теологических и политических кризисов. Чего только не делали Томас Дандейл

и Вильям Ланчестер, чтобы остановить короля, — молили, грозили, увещевали — все было напрасно. Наконец им пришлось запереть его в башне — подальше от чужих ушей, а так как подданным не годится оставлять государевы слова без внимания, оба советника разделили его заключение. Спустя ровно три дня Джон Аскгласс замолчал. Еще через два он отправился на разоренную поляну.

Встретив его, углежог решил, что святой Освальд внял-таки просьбе и обрушил Бленкатру на голову незнакомцу — до того тот был бледен и жалок.

— Что тебе от меня нужно? — устало произнес Джон Аскгласс.

— Ха! — выпалил углежог с победным видом. — Проси прощения за то, что превратил Уголька в рыбу.

Повисла долгая пауза.

В конце концов Джон Аскгласс, стиснув зубы, попросил у углежога прощения.

— Больше ничего?

— Исправь все, что разорил!

В тот же миг и куча угля, и шалаш вернулись к первозданному виду, деревья заново срослись, зазеленели листья, а всю поляну устлал ковер из

густой мягкой травы.

— Что-нибудь еще?

Углежог зажмурил глаза и напрягся, пытаясь вообразить немыслимую роскошь.

— Еще одну свинью! — потребовал он наконец.

Джон Аскгласс уже начал подозревать, что где-то просчитался, хотя решительно не понимал, где именно. Тем не менее он нашел в себе силы ответить:

— Ты ее получишь, если пообещаешь никому не рассказывать, от кого она и за что тебе досталась.

— Как бы я это рассказал? — спросил углежог. — Я даже не знаю, кто ты. А что? — спохватился он, прищурившись. — Кто ты такой?

— Никто, — поспешно отозвался Джон Аскгласс.

Он сотворил вторую свинью — точную копию Уголька и, пока углежог славил удачу, сел на коня и ускакал прочь в совершеннейшем замешательстве.

Вскоре после этого король возвратился в столицу — Ньюкасл. Следующие полвека слуги и придворные частенько вспоминали богатые дичью угодья Камбрии, но Джон Аскгласс не терял бдительности и вернулся туда, лишь удостове-

рившись, что углежога больше нет в живых.

Примечания

Предисловие

С. 13. *Сиды* (от ирландского *Aes Sidhe* — люди холма) — в кельтской мифологии божественные существа, обитавшие под землей, в холмах и пещерах, иногда на чудесных островах в океане. Впоследствии они превратились в банши, фей, эльфов и других персонажей народных преданий.

С. 16. *«Король Джон и аббат»* (в русском переводе С. Маршака «Король Джон и епископ» или «Король Джон и пастух») — старинная английская баллада, впервые вышедшая в лубочных листах между 1650 и 1690 гг. Король Джон (не исторический Иоанн Безземельный, а собирательный фольклорный образ короля), желая расправиться с аббатом Кентерберийским за «богатство и громкую славу», задает ему три вопроса, которые не могут разрешить ученые Оксфорда и Кембриджа, и лишь неграмотный пастух легко придумывает остроумные отгадки.

Прощай-Милость, или Дамы из Грейс-Адьё

С. 22. *Радклиф,* Анна (1764–1823) — английская писательница, автор готических романов.

Платные библиотеки пользовались популярностью в Англии на протяжении XVIII и XIX вв.; книги стоили дорого, и те, у кого не было денег на покупку, брали их на время за относительно небольшую плату. В значительной мере эти библиотеки ориентировались на женщин из среднего класса, и основную часть литературы в них составляли модные романы. К началу XX в. их практически вытеснили бесплатные публичные библиотеки.

С. 26. *«Эдинбургский журнал»* (точнее, *«Blackwood's Edinburgh Magazine»,* по имени основателя Уильяма Блэквуда) издавался с 1817 г., поддерживал тори. Отличаясь воинственным духом, соперничал с «Эдинбургским обозрением» (*«Edinburg Review»),* которое поддерживало вигов (в тексте «Дам из Грейс-Адьё» «Обозрение» упоминается чуть ранее). *«Blackwood's Magazine»* также упомянут в предисловии к повести «Том Ветер-в-Поле, или Как был построен волшебный мост в Торсби».

С. 39. *Робин Добрый Малый,* плутишка Робин,

Пак, — наряду с Обероном и Титанией персонаж комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь». В отличие от имени Оберона, заимствованного Шекспиром, вероятно, из старофранцузского романа о Гюоне Бордосском, или Титании, чье имя упоминается в метаморфозах Овидия и поэме Эдмунда Спенсера «Королева фей», Пак — исконный персонаж английских народных преданий и баллад. В пьесе Шекспира *Robin Goodfellow* появляется во втором акте (сцена первая).

Наружностью твоей и обращением,
Быть может, и обманываюсь я,
Но, кажется, ты точно дух лукавый
По имени Робин иль Добрый Друг.
Не ты ль девиц пугаешь деревенских?
То сливочки снимаешь с молока,
То мельницы ручные их ломаешь,
То не даешь хозяйке масла сбить,
То не даешь закиснуть их напиткам!
Не ты ль с пути сбиваешь пешеходов
И тешишься их страхом и досадой?
Но кто тебя зовет любезным Паком,
Тем счастие приносишь ты с собой

И сам за них работы исполняешь,
Не ты ли, Пак?

(Перев. Н. М. Сатина)

Иль просто с виду ты ему подобен,
Иль в самом деле ты Плутишка Робин,
Лукавый дух. Не ты по деревням
Девиц пугаешь? Зерна мелешь сам?
Снимаешь сливки и часами сплошь
Работнице сбить масло не даешь?
Ты портишь дрожжи в пиве? Ты морочишь
Ночного путника и вслед хохочешь?
А кто тебя зовет «дружочек Пак»,
Тому ты рад помочь и так и сяк.
Скажи мне, это ты?

(Перев. М. Лозинского)

На Гиблом холме

С. 60. *Обри*, Джон (1626–1697) — английский историк и антиквар, член Королевского научного общества, прославившийся краткими биографическими очерками о знаменитых современниках.

Кроме того, множество старинных обычаев и историй об эльфах были бы навсегда потеряны для мира, если бы Джон Обри не упомянул о них в своих хрониках. Судебные тяжбы разорили наследника известного и богатого рода, поэтому бóльшую часть жизни он прожил прихлебателем в знатных семействах, уповая на милость друзей. Джона Обри часто обвиняют в неточностях, отсутствии систематического подхода, использовании сомнительных материалов, слухов и сплетен. Впрочем, приводя в своих работах непроверенные сведения или непристойные анекдоты, он всегда указывал в примечаниях на сомнительность источника и зачастую был виноват лишь в том, что повторял слышанное от других или виденное собственными глазами.

С. 68. *Лошадка и охапка (Horse and Hattock)* — выражение пришло из шотландского фольклора. Эльфы обрели крылья лишь в викторианской литературе, раньше им было свойственно передвигаться, используя пук соломы или капустную кочерыжку. По свидетельству Джона Обри, когда эльфы хотят магическим способом переместиться из одного места в другое, то выкрикивают: «Лошадка и охапка».

С. 69. *Мистер Ашмол…* — Элиас Ашмол (1617–

1692) — основатель музея и библиотеки древней истории, изящных искусств и археологии при Оксфордском университете, член Королевского научного общества, увлекался также алхимией, астрологией и прочими эзотерическими материями.

С. 75. *Саймон Форман* (1552–1611) — знаменитый английский врач, астролог, оккультист и травник. Многотомный архив Саймона Формана, содержащий его ученые труды и врачебные записи, был куплен у наследников его ученика астролога Ричарда Нейпира собирателем древностей Элиасом Ашмолом и ныне хранится в Бодлеанской библиотеке.

С. 76. *Pharisee Vulgaris* — эльфус вульгарис, или эльф обыкновенный *(англ. диалектн., лат.). Pharisee* — саффолкское название фей (эльфов). Слово *fae* или *faerie* пришло в староанглийский из старофранцузского и происходит от латинского «фата» — парка, сохранившегося в таких сочетаниях, как «фата-моргана». Долгое время оно бытовало в форме *phairie* (в частности, так в «Демонологии» короля Якова I). *Pharisee (farisee)* возникло в саффолкском диалекте из формы множественного числа и как омоним слова «фарисей» частенько приводило к недоразумениям,

в том числе к попыткам доказать существование фей при помощи Библии.

Fiat, fiat, fiat, amen, amen, amen… — Да будет, да будет, да будет, аминь, аминь, аминь *(лат.)*.

Etcetera — и так далее *(лат.)*.

Миссис Мабб

С. 89. *Маб* — королева фей из монолога Меркуцио в «Ромео и Джульетте».

Все королева Маб. Ее проказы.
Она родоприемница у фей,
А по размерам – с камушек агата
В кольце у мэра. По ночам она
На шестерне пылинок цугом ездит
Вдоль по носам у нас, пока мы спим.
В колесах – спицы из паучьих лапок,
Каретный верх – из крыльев саранчи,
Ремни гужей – из ниток паутины,
И хомуты – из капелек росы.

(Перев. Б. Пастернака)

С. 129. *Это просто кружки Билли Литтла, «Бетси» и «Тоби».* — Кружка «Тоби» — керамический кувшин-кружка для эля в виде комической

фигурки сидящего человека: обычно это был подвыпивший джентльмен в треуголке, с трубкой и кружкой, но мог быть матрос или мастеровой. Считается, что они получили имя от пьяницы по прозвищу Тоби Филлпот, который жил в Йоркшире в XVIII в. и стал персонажем популярной застольной песни. Аналогичные кружки в форме комической толстухи назывались «Бетси».

Как герцог Веллингтон потерял своего коня

С. 141.*...герцог увидел своего любимого коня Копенгагена...* — Копенгаген — жеребец чистокровной английской верховой породы, был куплен Веллингтоном в Испании у сэра Чарльза Стюарта. Был широко известен своим легковозбудимым нравом и привычкой лягаться. Самый великий день в жизни коня и его хозяина выпал на 18 июня 1815 года — день битвы при Ватерлоо, когда герцог провел в седле пятнадцать часов. Прожил Копенгаген двадцать восемь лет и был похоронен с воинскими почестями в поместье Веллингтона в графстве Хемпшир.

С. 148. *Однажды Веллингтон заметил миссис Арбетнот (своему близкому другу)...* — Харриет Арбетнот, урожденная Фейн (1793–1834), прославилась своими особенно дружескими от-

ношениями с Артуром Уэлсли, первым герцогом Веллингтоном. Близкая дружба связывала Веллингтона и с ее мужем — членом палаты общин достопочтенным Чарльзом Арбетнотом.

Мистер Симонелли, или Эльф-вдовец

С. 157.…*состою в переписке с одним из лучших медиков наших дней — мистером Мэтью Бейли…* — Мэтью Бейли (1761–1823) — шотландский врач, специалист по патологической анатомии.

С. 170. *Старинный пембрукский стол…* — Пембрукский складной стол (маленький и обычно круглый) с ящичком посередине и опускаемыми краями столешницы.

С. 184. *Эйлдонские холмы* — холмы в Шотландском Пограничье. Согласно легенде, эти холмы полые внутри и под ними покоится король Артур со своими рыцарями. По преданию, именно там встретил королеву Волшебной страны Томас Рифмач и получил от нее дар стихотворства. Эйлдонские холмы также связаны с именем сэра Вальтера Скотта, который любил там прогуливаться.

С. 188.…*высказывать мнение о поэзии мистера Кольриджа…* — Сэмюэл Тейлор Кольридж (1772–1834) — английский поэт-романтик, основатель

(вместе с Уильямом Вордсвортом) «Озерной школы».

С. 191.…*вы обоснуетесь в усадьбе Пустое Сердце к следующему квартальному дню.* — Квартальный день — день, начинающий квартал года, когда было принято вносить аренду, платить проценты. Приходился на Благовещение, день середины лета, Михайлов день и Рождество (25 марта, 24 июня, 29 сентября и 25 декабря).

С. 200. *«Как бог, красив лицом, когда весна цветет»…* — строка из стихотворения «Наряд, шелка мои…» английского поэта Уильяма Блейка (1757–1827) (перев. В. Савина).

Том Ветер-в-Поле, или Как был построен волшебный мост в Торсби

С. 215.…*обсуждали рабство с Босуэллом и Джонсоном, играли в домино с Дидро, выпивали с Ричардом Бринсли Шериданом, а однажды ненароком повстречали самого Томаса Джефферсона в его саду в Монтичелло.* — В истории английской литературы имена Сэмюэля *Джонсона* (1709–1784) и Джеймса *Босуэлла* (1740–1795) тесно связаны. Сэмюэль Джонсон, которого иногда называют просто «доктором Джонсоном», — выдающийся критик, эссеист и лексикограф,

составитель «Словаря английского языка», автор «Жизнеописаний наиболее выдающихся английских поэтов». Однако во многом славой своей он обязан успеху знаменитой биографии «Жизнь Сэмюэля Джонсона», написанной его другом, адвокатом и литератором Джеймсом Босуэллом. Джонсон был яростным противником рабства и даже сделал своим наследником чернокожего слугу Френсиса Барбера. По свидетельству Босуэлла, однажды в Оксфорде, в компании весьма важных персон, Джонсон провозгласил тост за грядущее восстание негров в Вест-Индии. Дени *Дидро* (1713–1784) — французский философ, энциклопедист и общественный деятель эпохи Просвещения. *Ричард Бринсли Шеридан* (1751–1816) — английский драматург и политический деятель. *Томас Джефферсон* (1720–1778) — третий президент Соединенных Штатов Америки, человек весьма разносторонних интересов (философ, теолог, изобретатель, Джефферсон увлекался также музыкой, архитектурой и садоводством). Поместье Монтичелло в своем родном штате Вирджиния спроектировал сам в палладианском стиле. Джефферсон признавался, что не знает занятия приятнее, чем возделывать землю и ухаживать за садом. Парк Монтичелло украша-

ли лесок и тенистая аллея, а также огород, где выращивалось более двухсот пятидесяти видов овощей и зелени.

С. 216. *…описание существ, которых Артур Конан Дойл или Чарльз Доджсон надеялись обнаружить в укромных уголках своих садов.* — Писатель Артур Конан Дойл пал жертвой невинного детского розыгрыша. В 1917 г. шестнадцатилетняя Элси Райт и девятилетняя Фрэнсис Гриффитс сделали фотографии фей у себя в саду (они снимали бумажных фей, вырезанных из детской книги). Сэр Артур Конан Дойл поверил в подлинность фотографий и привел их в статье о феях, написанной для рождественского номера журнала «Стрэнд» в 1920 г., а 1922 г. напечатал свое исследование отдельной книгой. Конан Дойл, веривший в спиритизм, верил и в фей, собирал истории о людях, их видевших (как правило, это были дети), и дал им теософское объяснение.

Чарльз Доджсон — настоящее имя писателя Льюиса Кэрролла. В отличие от Конан Дойла он не верил в фей, но интересовался темой видений, а в своем последнем сказочном романе «Сильвия и Бруно» (1889) даже привел инструкцию, как увидеть фей:

«Следующий вопрос — в какое время лучше

всего наблюдать за феями? Мне кажется, мне есть что рассказать вам об этом.

Первое условие: день должен быть жарким (это очень важно!), а вы должны пребывать в полудремотном состоянии, но совсем чуть-чуть, глаза должны быть открыты. Кроме того, вы должны пребывать в «феерическом» расположении духа ‹…› пожалуй, это слово подходит, но, если вы сами не понимаете, что оно, собственно говоря, означает, боюсь, я не сумею ничего объяснить вам. Вам придется подождать появления какой-нибудь феи, и тогда вам все сразу станет ясно.

И наконец, последнее: кругом не должны стрекотать сверчки. Я не смогу этого объяснить: вам придется просто-напросто принять это на веру, вот и все» (Перев. А. Москательникова).

С. 228. *Белая дама из Априньи* — знаменитая нормандская фея, обитавшая в Байе, в узкой лощине на месте современной Рю-Сен-Квентин. Завидев путника, она, танцуя, приближалась к нему и протягивала руку. Если путник отваживался с ней потанцевать, фея вскорости его отпускала, если же боязливо отступал, то приходила в ярость и швыряла его в ров, заросший терновником.

С. 231. *…леди Уайльд…* — Джейн Франческа,

леди Уайльд (1821–1896) — ирландская поэтесса, активная сторонница национального освободительного движения, мать писателя Оскара Уайльда. Интересно, что в своем труде леди Уайльд приводит занятный вариант сказки о повитухе для эльфов. В отличие от классического варианта там нет упоминания о волшебной мази, при помощи которой людские глаза проникают сквозь чары, а роды у эльфийской госпожи принимает не повивальная бабка, а известный доктор.

Сильвия Таунсенд Уорнер (1893–1978) — английская романистка и поэтесса. Ее жестоких и самовлюбленных эльфов, обреченных нести тяжкую ношу бессмертия, можно считать предшественниками эльфов Сюзанны Кларк.

Перефразируя одного современного автора детских книжиц, бруг — это не благоустроенная норка, и даже не сухая песчаная, а именно мерзкая, грязная и сырая нора. — «Не в какой-то там мерзкой грязной сырой норе, где со всех сторон торчат хвосты червей и противно пахнет плесенью, но и не в сухой песчаной голой норе, где не на что сесть и нечего съесть. Нет, нора была хоббичья, а значит — благоустроенная» (Дж. Р. Р. Толкин. Хоббит. Перев. Н. Рахмановой).

С. 241. *Dottore* — доктор *(ит.)*.

С. 252. *Английский фарфор нынче в моде… Некоторые джентльмены создают весьма доходные фабрики.* — Весьма вероятно, Пьюли Уитс и Давид Монтефьоре могли слышать о фабрике, основанной в 1750-е гг. в Берслеме, Стаффордшир, Джозайей Веджвудом (1730–1795), которому удалось превратить кустарный промысел в промышленное производство высококачественного фарфора. Рассказывают, что хозяин фабрики весьма ревностно относился к своей продукции. Заглянув в мастерские и будучи недоволен качеством изделий, просто разбивал их своей тростью. Старшая дочь Джозайи Веджвуда Сюзанна стала матерью Чарльза Дарвина, который и сам впоследствии женился на внучке основателя фабрики — своей кузине. Именно фамильное наследство и приданое (источником которых был все тот же знаменитый веджвудский фарфор) позволили натуралисту вести праздную жизнь, итогом которой, однако, стала теория о происхождении видов.

С. 257–258. *Совсем недавно такой мост построили в Шропшире… Деревянный мост есть в Кембридже…* — Чугунный мост и поныне пересекает реку Северн у деревни Айронбридж,

Шропшир. В начале XVIII в. переправиться через Северн можно было только паромом, но развитие промышленности настоятельно потребовало строительства моста. Мост у деревни Айронбридж — первый мост в мире такого размера из чугуна, на его возведение пошло триста семьдесят девять тонн металла, который обошелся более чем в три тысячи фунтов. Был построен летом 1779 г. и с тех пор является туристической достопримечательностью. С 1934 г. по мосту запрещено движение транспорта, но плата с пешеходов за пересечение моста взималась до 1950 г.

В Кембридже множество действующих мостов, которые пересекают реку Кем, — среди них есть и каменные, и чугунные, и деревянные. Самый старый возведен в 1640 г., большинство мостов неоднократно перестраивались. Так, деревянный Математический мост, впервые возведенный в 1749 г., с тех пор перестраивался дважды.

С. 263. *Джамбатиста Пиранези. «Воображаемые темницы».* — Джамбатиста Пиранези (1720–1778) — итальянский рисовальщик, гравер и архитектор. Цикл из восемнадцати гравюр «Carceri d'Invenzione» («Воображаемые темницы») был начат художником (по не вполне проверенным данным) во время тяжелой болезни

в состоянии малярийного бреда. Гравюры изображают мрачные нагромождения бесконечных лестниц, арок, залов и мостов, которые рождают у зрителя ощущение неимоверного одиночества и потерянности. Исполнены гравюры в традициях готики и позднего барокко. Инфернальность и тягостную атмосферу гравюр Пиранези особенно ценили романтики: Гюго, Бодлер, Готье, Кольридж и де Куинси.

Гротески и аллегории

С. 273. *Весной 1568 года подданные Марии Шотландской подняли мятеж…* — Мария I Стюарт (1542–1587) — королева Шотландии с 1542 (фактически с 1561) до низложения в 1567 г., а также королева Франции в 1559–1560 гг. и претендентка на английский престол. Мария Стюарт была внучатой племянницей Генриха VIII и на этом основании считала себя законной наследницей английской короны, в противовес Елизавете, дочери Анны Болейн, чей брак с Генрихом католики считали незаконным.

Первым мужем королевы Марии был дофин Франциск Валуа, ставший в 1559 г. королем Франциском II. В 1560 г. он скончался, и Мария была вынуждена вернуться в Шотландию, где в ту пору

существовал раскол между проанглийски настроенными протестантами и менее влиятельными католиками. В 1565 г. королева вторично вышла замуж за своего кузена лорда Дарнли, а в 1567 г. дом, где остановился лорд Дарнли, взорвался при загадочных обстоятельствах, а сам он был найден задушенным во дворе. Общественное мнение возложило вину за убийство на королеву и графа Босуэлла, ее нового фаворита, с которым она через три месяца обвенчалась. Лорды-протестанты воспользовались недовольством народа и, собрав армию, вынудили королеву отречься от престола в пользу своего сына, Якова VI. В мае 1568 г. Марии удалось бежать из замка Лохлевен, где ее держали под стражей, и собрать небольшую армию, которая вскоре была разбита войсками регента. Мария укрылась в Карлайле, откуда обратилась за поддержкой к Елизавете.

Вышивать Мария начала во Франции. Ее первая свекровь, Екатерина Медичи, как и многие женщины того времени, превосходно владела этим искусством. Мария вышивала и в Шотландии, однако наиболее значимые произведения создала в трагические для себя периоды содержания под стражей в замке Лохлевен и доме графа Шрусбери. Сохранились тридцать семь неболь-

ших вышивок-сюжетов с аллегорическими изображениями растений, животных, зачастую с зашифрованными девизами и анаграммами. Один из таких сюжетов изображает рыжую кошку, играющую с мышью, — возможно, скрытый намек на английскую королеву и беззащитную Марию, находящуюся в ее власти; другой — руку с ножницами, срезающими бесплодную лозу, — намек на незамужнюю, бездетную Елизавету. Эта вышивка была послана Марией герцогу Норфолкскому, за которого королева в то время надеялась выйти замуж, что в конечном итоге стоило ему головы. Кроме того, известны вышитые ею покрывала и другие работы, в том числе подарки сыну, королю Якову, и кузине Елизавете.

Отношения между Марией Стюарт и супругой графа Шрусбери Бесс Хардвик поначалу складывались прекрасно, и бóльшая часть вышивок создана ими совместно. Тем не менее позже, во время спора с мужем по поводу неких прав собственности, Бесс обвинила Марию и графа в том, что между ними интрижка, но позже Мария вынудила ее публично отказаться от клеветы.

История о Джоне Аскглассе и углежоге из Камбрии

С. 291. *…пошел бы и потолковал со святым Кентигерном.* ‹…› *Лососи — по его части.* — Святой Кентигерн (ум. 612) — аббат и ранний христианский миссионер, первый епископ Глазго и креститель древнего кельтского королевства Камбрии в Юго-Западной Шотландии. Считается покровителем лососей, что связано с древней легендой о возвращении перстня королевы Лангуэт, жены Ридериха Щедрого (правил в 580–612). Узнав о неверности супруги, король заманил ее любовника, молодого воина, на охоту и, когда тот уснул на привале, снял с его руки перстень, подаренный королевой. Едва сдерживая ярость, Ридерих бросил кольцо в воды Клайда, а после потребовал у королевы его возвращения. Воин признался, что потерял драгоценный подарок. Королева, раскаявшись, послала гонца к святому Кентигерну с мольбами о помощи. Кентигерн отправил посланника на берег Клайда, повелев принести первую рыбу, которую тот поймает. Посланник вернулся с лососем. В желудке рыбы нашли утерянный перстень, который тут же доставили королеве. Примирившись с мужем,

она с тех пор блюла себя в строгости и рассказала о случившемся лишь после смерти супруга и самого Кентигерна. В память о нем кольцо и рыба были изображены на гербе Глазго.

С. 295. *Какой святой отвечает за сыр? ‹…› Святая Бригитта…* — Святая Бригитта Ирландская (451–525) — покровительница Ирландии. По преданию, ее отцом был король-язычник Лейнстера, а матерью — рабыня из числа пиктов, обращенная в христианство святым Патриком. Бригитта прославилась добром и милосердием, в частности тем, что раздавала беднякам отцовские сыр и молоко. Покровительствует также детям, кузнецам, незаконнорожденным, сыроварам и маслобоям, птичникам, путешествующим, морякам, ученым и монахиням.

С. 296. *Ворами и украденной собственностью заведует святой Николай.* — Святой Николай, архиепископ Мир Ликийских, — христианский святой, покровитель моряков, купцов и детей, заступник сирых и убогих. Часто побуждал грабителей возвращать украденное и считается не только защитником от воров, но и патроном грабителей — не в воровском деле, а в раскаянии и перевоспитании.

А еще есть святой Александр Команский,

который любит углежогов. — Александр Команский — священномученик, епископ (III в. н. э.). Приняв на себя подвиг юродства, был угольщиком, посвящен в епископы Григорием Чудотворцем. В гонение императора Диоклетиана за исповедание Христа сожжен.

С. 300. *…у святого Освальда жил ручной ворон…* — Святой Освальд (605–642) — король Нортумбрии, миссионер, покровитель святого Айдана, кельтского епископа, проповедовавшего христианство англосаксонским завоевателям. По легенде, у него действительно жил ручной ворон. После гибели в бою тело Освальда было разрублено врагами на части, но ворон забрал его правую руку. Там, где она упала, забил чудотворный источник. Вскоре после гибели Освальд был причислен к святым мученикам.

Е. Доброхотова-Майкова